

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

Ф.К. Сагдеева, Д.Р. Гайнанова

**ТАТАРСКИЙ КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Казань
2017

УДК 811.512.145'373

ББК 81.2Тат-3

С 13

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор

*доктор филологических наук, профессор, академик
М.З. Закиев*

Рецензенты:

*доктор филологических наук, профессор И.Б. Баширова,
доктор филологических наук, профессор Л.К. Байрамова*

Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р.

**С 13 Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа / Ф.К. Сагдеева, Д.Р. Гайнанова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
ISBN 978-5-93091-230-2**

В монографии исследуются механизмы кодирования культурной информации в языке, на материале репрезентаций концепта *акча* (деньги) рассматривается ряд вопросов, связанных с исследованием концептов с позиции лингвокультурологического подхода.

УДК 811.512145'373

ББК 81.2Тат-3

ISBN 978-5-93091-230-2

© Сагдеева Ф.К., 2017

© Гайнанова Д.Р., 2017

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к описанию нашего исследования, полагаем необходимым отметить, что одной из ключевых в современной лингвистике является идея о системности, органичной целостности языка, элементы которого связаны определенными закономерными отношениями.

После выхода в свет в 1962 году известной книги американского ученого Томаса Куна «Структура научных революций» перед учеными встал вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности их решения. В этой книге автор предлагает рассматривать парадигму как совокупность методов и приемов, которым и пользуется то или иное научное или философское сообщество, объединенное общей научной или философской идеологией, в отличие от других сообществ, объединенных другой идеологией и, соответственно, имеющих свои парадигмы.

В конце 60-х годов XX века этот термин стал использоваться в философии науки и социологии науки для обозначения системы идей, взглядов и понятий, исходной концептуальной схемы, модели постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

Любая система характеризуется целостностью, существованием определенных элементов, наличием связей и отношений между этими элементами и определенной структурностью (Л.Г. Бабенко, У. Вайнрайх, В.В. Виноградов, В. Гумбольдт, И.А. Стернин, И. Трир, А.А. Уфимцева, Л.В. Щерба, Д.Н. Шмелев).

С точки зрения общих принципов научного подхода к исследованию языка множество лингвистических концепций, школ и течений условно может быть сведено к трем научным парадигмам.

Первая из парадигм, генетическая (или историческая, эволюционная), объединяет школы и направления, которые опираются на принцип историзма и рассматривают язык как действительность в целом, в его возникновении и развитии, т. е. необратимом, направленном изменении во времени и соответствии с внутренними законами самого языка и условиями его функционирования. Становление научного исторического языкознания происходит в первой четверти XIX века. Принцип историзма в языкознании явился универсальной объяснительной и упорядочивающей категорией, распространяющейся и на естественно-исторические, и на культурно-исторические процессы.

Вторая лингвистическая парадигма, таксономическая (в порядке чередования подходов внутри нее – инвентарная, структурная, с середины XX века – системная, или системно-структурная), в которой наряду с эволюционным аспектом языка выделяется аспект организационный, касающийся внутреннего устройства сложного языкового целого, выявления группы языковых единиц, их систематики и классификации, объединения этих единиц в языковую систему. Специалисты утверждают, что инвентарный подход, имевший место еще в прошлом, характеризует скорее всего «допарадигмальный» этап. С переходом от конкретно-эмпирического к абстрактно-логическому уровню исследования языка в 20–30-х годах XX века состоялось оформление действительно научной таксономической парадигмы, опиравшейся сперва на принцип инвариантности, в соответствии с которым утверждается неизменность некоторой совокупности системообразующих соотношений внутри языковой системы, постоянство структуры при тех или иных изменениях системы, а впоследствии на более фундаментальный и более гибкий принцип системности,

позволяющий не сводить систему языка только к ее реляционному каркасу, не элиминировать ее субстанциальные и функциональные характеристики, связи с мышлением, сознанием и обществом, закономерности ее развития.

Третья исследовательская парадигма в языкознании, антропоцентрическая (коммуникативная, функциональная, коммуникативно-прагматическая или просто прагматическая), оформляющаяся в последние десятилетия, опирается на принцип деятельности и провозглашает приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Этой парадигме лингвистика обязана утверждением фактора человека как субъекта деятельности в самом широком смысле деятельности общения, коммуникативной и речевой деятельности.

Каждая из трех названных лингвистических парадигм предлагает свой подход к пониманию границ предметной области языкознания, соотношения частей языкового феномена как сложного и противоречивого целого, вырабатывает свой содержательно-концептуальный аппарат, свои методы и процедуры исследования.

Ученые считают, что выдвижение на первый план то принципа историзма, то принципа системности, то принципа деятельности как раз и есть определяющее направление исторического языкознания XIX–XX веков, однако, не является процессом замены одной лингвистической парадигмы другой. Появление очередной из них не ведет к исчезновению другой или других. Происходит лишь смена акцентов в воззрениях на языковой феномен, на первый план выдвигаются то эволюционная, то организационная, то функциональная стороны этого феномена. Устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, изучающими эти стороны языковой действительности.

Появление новых лингвистических направлений – когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, дискурсивно-

го анализа и др. – открывает перед исследователями новые перспективы, ставит более сложные задачи, требующие нестандартных подходов к осмыслению и описанию механизмов появления новых фактов в системе языка и речи. Особенно актуальным представляется исследование концептов с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

В любом языке мира существует набор стандартных, общеизвестных концептов, имеющих межнациональный смысл и отличающихся своим всеобъемлющим характером. Реализовываясь в каждом конкретном языке и, таким образом, вбирая в себя множество культурных коннотаций, присущих данной общности, эти концепты приобретают национальную специфику. Такую черту данного явления в своем определении выделяет В.В. Красных: «Национальный концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2002, с. 184].

Исследователи по-разному очерчивают круг таких универсальных концептов. Так, например, З.И. Корниозе выделяет ограниченный ряд концептов, характерных для любой народности, представляя его лексемами *земля, родина, мир, религия, труд, семья, материнство, отцовство, рождение, жизнь, смерть* и др. В.А. Маслова считает, что все концепты можно разделить на следующие группы: 1) мир – *пространство, время, число, родина, туманное утро, зимний вечер*; 2) стихии и природа – *вода, огонь, дерево, цветы*; 3) представления о человеке – *новый русский, интеллигент, гений, дурак, юродивый, странник*; 4) нравственные концепты – *совесть, стыд, грех, правда, истина, искренность*; 5) социальные понятия и отношения – *свобода, воля, дружба, война* и т. д.; 6) эмоциональные концепты – *счастье, радость*; 7) мир артефактов – *храм, дом геральдика, сакральные предметы (колокол, свеча и др.)*; 8) концептосфера научного знания – *фи-*

лософия, филология, математика и т. д.; 9) концептосфера искусства – *архитектура, живопись, музыка, танец* и т. д. [Маслова, 2001, с. 75–76].

А.Я. Гуревич подразделяет все культурные концепты на две группы: «*космические*», *философские категории*, которые он называет *универсальными категориями культуры* и относит к ним время, пространство, причину, изменение, движение, а также *социальные категории*, так называемые *культурные категории*: свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность [Маслова, 2001, с. 5].

В.И. Маслова пишет: «Ключевыми концептами культуры мы называем обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциональной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова, 2001, с. 51]. К ключевым концептам культуры автор относит «такие абстрактные имена, как *совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина* и т. д.». Она считает, что целесообразно выделить еще одну группу – «категории национальной культуры, для русской культуры это – *воля, доля, интеллигентность, соборность* и т. п.» [Маслова, 2001, с. 51].

Ю.С. Степанов выделяет в качестве культурных концептов «*мир, огонь и воду, вечное, любовь, правду и истину, хлеб, действие, знание, слово, веру, радость, науку, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизацию, душу, деньги, бизнес, тоску, страх, грех, грусть, печаль, дом, язык*» [Степанов, 1997, с. 824].

Нужно отметить, что абсолютное большинство исследователей включает в число универсальных концептов концепт *деньги*.

Несмотря на свой всеобъемлющий характер, данный концепт реализуется в каждом конкретном языке не идентично, а приобретает национальную специфику, присущую определенной культуре.

Исследователи отмечают, что концепт, являясь сложной структурой, может быть выражен в языке разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта.

Вопрос функционирования концептов в татарском языке является одним из приоритетных на данном этапе в рамках антропоцентрической парадигмы.

Значительные разработки по данному направлению были сделаны Л.К. Байрамовой, И.Б. Башировой, А.А. Аминовой, Р.Р. Замалетдиновым, Г.Р. Галиуллиной, Г.А. Багаутдиновой, А.Ш. Юсуповой, Р.Х. Хайруллиной, А.Г. Садыковой, Ф.К. Сагдеевой и др.

В татарском языкознании изучение концептов осуществляется преимущественно в двух направлениях: когнитивном и лингвокультурологическом.

Так, например, И.Б. Баширова рассматривает концепт с точки зрения когнитивного подхода. Она считает, что в татарском языкознании изучение когнитивного концепта не заложено в единую систему. По ее мнению, во всех исследованиях концепта в татарском языке существует общая мысль, а именно: вне зависимости от направления изучения концепта, лексема, являющаяся названием концепта рассматривается с позиции функционального употребления. Автор пишет, что исследование концепта по своей сути основывается на следующем: использовании отдельного слова как единицы речи [Баширова, 2010, с. 386].

Фундаментальные исследования и разработки в области лингвокультурологии, концепта и языковой картины мира проводятся Р.Р. Замалетдиновым. Он является основателем научной школы «Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии (на материале татарского языка)». Р.Р. Замалетдинов – автор целого ряда научных трудов: «Внутренний и внешний мир носителей татарской культу-

ры через призму языка» (2003), «Этнокультурная лексика татарского языка: словарь-справочник» (2003), «Татарская культура в языковом отражении» (2004), «Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре» (2006), «Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека» (2012) и др.

Между лингвокультурологической и когнитивной лингвистикой стоит общая задача «выявления возможностей разных форм категоризации определенных концептуально заданных ситуаций» [Замалетдинов, 2004, с. 37].

В своих работах Р.Р. Замалетдинов затрагивает вопрос о вербализации концепта. Автор задается вопросом: всякий ли концепт может иметь словесно выраженную форму, ведь только вербальная форма понятия «дает возможность передавать его при акте коммуникации» [Замалетдинов, 2004, с. 45]. Его также интересует проблема тождественности и нетождественности концептов в разных языках.

В башкирском языкознании данным вопросом занимается ряд ученых, среди которых З.Г. Ураксин, Л.Г. Саяхова, М.В. Зайнуллин, Л.Х. Самситова и др.

Значимый вклад в науку внесла языковед Л.Г. Саяхова. Она является основателем лингвокультурологической методической школы, а также автором многих научных работ, среди которых «Языковая личность. Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография» (2001) и др.

Следует отметить исследования и таких лингвистов, как Л.Х. Самситова «Башкорт тел картинаһында мәзәниәт концепттары. Лингвокультурологик һүзлек» (2010), Ф.Б. Санъяров «Эмоциональная концептосфера башкирского языка», Р.Р. Янмурзина «Башкирская языковая картина мира в трилогии З. Бишевой «К свету» (2009), Р.Х. Хайруллина, Т.А. Кильдебекова «Когнитивные аспекты лексической системы языка» (1998), С.В. Иванова «Культурологический аспект языковых единиц» (2002), «Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: учебное пособие»

(2004), Л.М. Зайнуллина «Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики» (2003), «Общие проблемы лингвокультурологии: курс лекций» (2008) и др.

В адыгском языкознании видным ученым-языковедом является З.Х. Бижева [Бижева, 2004, с. 207]. Она автор многочисленных трудов по языку: монографии «Культурные концепты в кабардинском языке» (1997), «Адыгская языковая картина мира» (2000); «Адыгское лингвокультурное пространство: сборник статей» (2010).

В своей работе ученый определяет концепт как «вербализованный символический образ идеального понятия, отражающий ментальное представление носителей языка об объекте, действительности, определяющейся системой традиций данной культуры, в границах которой он этимологизируется его внутренней формой» [Бижева, 2004, с. 14].

В кабардино-балкарском языке исследованием концепта занимаются С.К. Башиева, И.М. Балова, А.И. Геляева, И.Р. Мокаева, Р.Р. Цримова и др.

В своем исследовании Р.Р. Цримова принимает следующее определение концепта: «...вербализованный символический образ «идеального» понятия, отражающий ментальное представление носителей языка об «объекте» действительности, определяющееся системой традиций данной культуры в границах которой он (концепт) «этимологизируется внутренней формой выражающего его слова» [Цримова, 2003, с. 53]. По мнению автора, именно данное условие делает концепт одним из стержневых терминов.

Р.Р. Цримова считает, что язык, культура и этнос неразрывно связаны друг с другом и трактовка их взаимоотношений представляется очень сложной. По ее мнению, все три части «соотносятся, отражают и формируют окружающий мир».

Схожую трактовку концепта можно наблюдать и в работе И.Р. Мокаевой: «Концепт – оязыковленная ментальная единица, элемент сознания с доминированием ценностного компонента, отражающая духовную, нравственную культу-

ру носителя языка и этноса в целом и направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Мокаева, 2004, с. 50]. Ученый пишет, что главным видом выражения этнической культуры является язык, который также выступает как главное «орудие познания духовной культуры нации».

Проблеме изучения концепта, национально-культурной специфике языка посвящены труды многих кыргызстанских и казахстанских ученых (З.К. Дербишева, А.Н. Сыдыков, М.Дж. Тагаев, С.Е. Исабекова, Э.Д. Сулейманова, З.К. Ахметжанова, Ш.И Нургожина, С.А. Асылбекова и др.). Например, З.К. Дербишева является автором фундаментального труда – монографии «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры». Она изучает ключевые концепты кыргызской лингвокультуры посредством ассоциативно-когнитивного анализа.

В когнитивном плане рассматривает концепт А.Р. Бутешова, по мнению которой, концепт является «дискретным ментальным образованием, являющимся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающим относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющей собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущей комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению» [Бутешова, с. 17].

Из вышеизложенного видно, что изучение концептов является одним из актуальных научных направлений не только в отечественном, но и в тюркском языкознании. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных данной теме, вопрос об изученности концептов остается нерешенным, что в свою очередь обуславливает актуальность данного направления в лингвистике.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению одного из значимых концептов татарской культуры *акча* (деньги). Деньги представляют собой особый товар и занимают значительное место в жизни человека, а стало быть, и в его

языковом сознании. Следовательно, важен и концепт, который стоит за этим именем.

Актуальность данной работы определяется частичной разработанностью принципов, приемов, методов описания концепта культуры на материале татарского языка; отсутствием комплексного исследования татарского культурного концепта *акча* (деньги). Изучение этого концепта позволит определить культурные ценности татарской общности, вербализованные семантикой языковых единиц.

Исследованием концептов занимаются многие отечественные ученые: Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, Г.В. Токарев, Р.М. Фрумкина и др. В татарском языкознании за последнее время появились работы, посвященные описанию базовых ментальных категорий татарской культуры. Объектом рассмотрения стали концепты внешнего (материального) и внутреннего (духовного) мира татарского языка (Р.Р. Замалетдинов, 2004), «Өй» (Э.М. Зиянгирова, 2006), «Сагыш» (А.Ш. Василова, 2006), «Ут» (Л.Х. Шаяхметова, 2007), «Моң» (Р.Р. Закирова, 2008), «Туй» (Ф.Х. Хасанова, 2008), «Дөнья» (Л.Р. Гарипова, 2009), «Йөрәк» (Р.Р. Данилова, 2009), «Мәхәббәт» (Ф.Р. Сибгаева, 2009), «Жир» (Д.Х. Хуснутдинов, 2009). На материале разноструктурных языков в сопоставительном плане рассмотрены следующие концепты: «Предметы быта» (Э.Н. Гилязева, 2006), «Судьба» (З.А. Мотыгуллина, 2007), «Семья» (З.А. Биктагирова, 2007), «Красота» (Г.А. Садриева, 2007), «Истина» (Г.З. Шараева, 2007), «Вода/Су» (М.И. Закиров, 2009), «Огонь/вода» (Д.Д. Хайруллина, 2009), «Труд» (Ч.Р. Мукадесова, 2012) и др. Следует отметить, что большинство работ ограничивается изучением однородного в структурно-семантическом отношении материала: фразеологизмов, паремий, афоризмов и т. д.

Анализ концепта *деньги* в рамках русской языковой картины мира присутствует в исследованиях Н.Э. Агарковой,

Е.В. Палеевой, И.А. Майоренко, А.Л. Елсаковой, М.П. Клименко. Большая часть исследований была проведена на материале русского языка. Так, Н.А. Агаркова исследовала концепт *деньги* как фрагмент языковой картины мира (2001). Следующие работы были выполнены в сопоставительном варианте: М.П. Клименко «Лингвокультурологические и переводческие аспекты тематической группы «Деньги США» (2003), И.А. Майоренко «Концептуализация понятий «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков» (2005), Е.В. Палеева «Способы вербализации концепта деньги средствами английского и русского языков» (2010), А.Л. Елсакова «Концептуализированная область «богатство – стоимость – деньги» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре» (2011) и др.

Понятие *акча* (деньги) в татарском языкознании рассматривалось как экономический термин в работах А.Н. Зариповой (2004), Г.Ф. Калгановой (2006), М.К. Юматовой (2007) и др.

В данном исследовании рассматриваются вопросы, связанные с механизмом кодирования культурной информации на материале татарского языка.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Моделирование лингвокультурологического понятийного аппарата

В конце XX века в лингвистике формируется новое междисциплинарное направление – лингвокультурология. Основу развития данного направления составляет антропоцентрическая парадигма. Антропоцентрическая парадигма предполагает новый подход к языку как объекту исследования, новые ключевые понятия и терминологию, которая отражает эти понятия и составляет метаязык лингвокультурологии.

Лингвокультурология непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса [Красных, 2002, с. 12].

Лингвокультурология как научная дисциплина характеризуется рядом специфических особенностей:

а) это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой);

б) основным объектом лингвокультурологии является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности;

в) предмет лингвокультурологии – национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях, все, что составляет «языковую картину мира»;

г) объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектиче-

ском взаимодействии и развитии, а также разработки понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления [Воробьев, 1997].

Как уже было сказано, основу развития лингвокультурологии составляет антропоцентрическая парадигма, суть которой заключается в том, что человек является носителем языка и культуры, которая отражается в языке.

При таком понимании вопроса в поле зрения исследователей попадает понятие «языковая личность». В отечественном языкознании понятие «языковой личности» известно по трудам В.В. Виноградова, а в зарубежной лингвистике оно связано, прежде всего, с именем Л. Вайсберга. По Ю.Н. Караулову, языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов, с. 48]. Определение «языковой личности», предложенное им, с некоторыми уточнениями и дополнениями принимается исследователями как базовое.

Ученый наполняет это понятие особым теоретическим содержанием и определяет его как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступка, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка, т. е. фонетике, грамматике и лексике» [Караулов, 1987, с. 29].

По мнению Ю.Н. Караулова, структура языковой личности состоит из трех уровней:

1) вербально-семантического, или структурно-системного, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений;

2) лингвокогнитивного, или тезаурусного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную картину мира, отражающую его иерархию ценностей; лингвокогнитивный уровень устройства языковой личности, ее анализ предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания к знанию, сознанию, процессам познания человека;

3) мотивационно-прагматического, включающего в себя цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [Караулов, 1987, с. 9–10].

Таким образом, языковая личность характеризуется не только степенью владения языком. Но и выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым его языковой картиной. В результате в поле зрения лингвистического исследования оказываются цели, мотивы и задачи речевой деятельности индивида [Сагдеева, 2001, с. 14].

Языковая личность национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу. В данном аспекте понятие языковой личности соотносится с понятием «*языковая картина мира*», которое представляет собой модель лингвокультурной специфики того или иного народа. Исследователи считают, что языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. *Культурная картина мира* представляет собой совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, правах, менталитете собственной культуры и культур других народов. Эти знания и представления придают культуре каждого народа

самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой.

Культурная (понятийная) картина мира – отражение реального мира через призму понятий, сформированных в процессе познания мира человеком на основе как коллективного, так и индивидуального опыта. Эта картина специфична для каждой культуры, возникающей в определенных природных и социальных условиях, отличающих ее от других культур [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 160].

Содержание языковой картины мира раскрывается в совокупности понятий, которые принято обозначать общим термином – *ментефакты*. Ментефакты представляют собой элементы «содержания» сознания и включают культурно маркированные знания, концепты и представления [Красных, 2002, с. 36]. Знания представляют собой некие информационные, содержательные единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную систему. Знания могут быть национально нейтральными или национально маркированными.

К базовым понятиям лингвокультурологии относится и понятие «концепт». Ю.С. Степанов пишет, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой человек, не «творец культурных ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997, с. 40–41]. Таким образом, в наиболее важных культурных концептах языка актуализируется ментальность народа, которая представляет собой способ видения мира, уровень общественного сознания. Существует типология концептов, которая включает в себя концепты, обозначающие универсальные категории культуры (космические и философские), социальные категории и категории национальной культуры.

В связи с понятием «культурный концепт» В.В. Воробьев рассматривает и такое понятие, как «лингвокультураема». Введенный им термин «лингвокультураема» соответствует комплексной межуровневой единице, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания [Воробьев, 1997, с. 44, 49]. В понимании исследователя лингвокультураема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. По мнению В.В. Воробьева, глубинный смысл, который потенциально присутствует в значении как элемент его содержания, особенно важен для понимания лингвокультураемы.

Однако не всеми учеными принимается такой подход к пониманию содержания термина «лингвокультураема», так как в нем не раскрывается механизм того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке. Из всего вышесказанного следует, что лингвокультураема по своей сущности неоднородна и сложна.

Рассмотрим знаковую природу лингвокультураемы. Означаемое лингвокультураемы включает элементы культурной и языковой парадигм, т. е. может быть представлено в виде бинарной структуры, частями которой являются культурное означаемое и языковое означаемое.

Сущность культурного означаемого составляют культурные установки, идеологемы, стереотипы.

Языковым означаемым является один или несколько блоков значений. В центре означаемого лингвокультураемы находится культурный семантический компонент, отражающий интерпретацию того или иного блока значения теми или иными культурными установками, идеологемами, стереотипами. Языковое означаемое описываемой лингвокультураемы представляют следующие компоненты: базовый языковой образ; интенсификация значения, являющаяся результатом культурной интерпретации образа; отрицательная или поло-

жительная оценка, отражающая итоги соотнесения культурной интерпретации внутренней формы с культурной установкой; эмотивность неодобрения, которая является результатом культурной интерпретации образа и оценки и выражается в типовой эмоциональной реакции на данные знаки.

Означающее лингвокультуры представлено системой возможных для репрезентации данного смысла языковых единиц. Языковое означаемое рассматриваемой лингвокультуры репрезентировано словами, фразеологическими единицами, паремиями. Другими словами, знаковая специфика лингвокультуры проявляется в том, что имеет инвариантное означаемое и вариативное означающее.

Лингвокультура соединяет и культурную, и языковую семиотические системы. Это находит свое отражение в том, что культурная информация воплощается в одном из блоков значения. Исследователи обращают внимание на то, что тип культурно значимых языковых единиц репрезентирует, предопределяет, охраняет культурно значимые способы поведения.

Из вышеизложенного следует: важнейшими функциями лингвокультуры являются связующая (осуществляет связь языка и культуры); кумулятивная (является средством хранения культурной информации в языке); моделирующе-гносеологическая (отражает и определяет сценарии поведения человека в культурном пространстве).

Результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды. Процессы языковой репрезентации связаны с выражением смысла, процессы категоризации – с включением в языковую систему. Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как концепт интерпретирован в языке. Эти процессы находят свое воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в языке.

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации.

Е.С. Кубрякова дает следующее определение представлениям: «Ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, приходят к нему по разным каналам – зрительному, слуховому, тактильному и т. д. Сенсорные механизмы преобразуют эти материальные стимулы, придавая им символический характер. Эти преобразованные символические образования и являются представлениями...» [Кубрякова, 1992, с. 15]. Таким образом, представления в сопоставлении с ощущениями характеризуются репрезентативностью, символическим характером.

Исследователи отмечают, что представления возникают как мыслительные корреляты чувственно воспринимаемых предметов. Данный вид ментальных единиц составляет основу наивной картины мира и является результатом работы обыденного сознания и составляет основу наивной картины мира, т. е. системы донаучных (ненаучных), обыденных, отчасти национально детерминированных знаний [Апресян, 1995, с. 349–352].

Главным репрезентантом представления выступает внутренняя форма. Она является семантическим стержнем представления. Внутренняя форма, по мнению А.А. Потебни, и есть представление [Потебня, 1999, с. 125]. Исследователи считают, что в представлении выделяется наиболее важный, с точки зрения членов лингвокультурной общности или социума, признак реалии. Спектр языковых репрезентаций представлений достаточно широк: от слова до синтаксического целого. Представления не имеют четкого экстенционала. Их интенционал открыт, т. е. набор признаков может варьироваться. Представления могут иметь как объективную, так и субъективную природу. Объективные представления социальны, в них отражается коллективное миропонимание.

Представления имеют свои способы образования, по мнению Потебни, к ним относятся ассоциации и слияние [Потебня, 1999, с. 177].

Таким образом, дифференциальными признаками представлений являются следующие моменты: их донаучный (наивный) характер, нечеткий экстенционал, вариативный интенционал.

Кроме представлений, атрибутами наивной картины мира являются культурные установки, идеологемы.

Культурные установки – «это совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [Болдырев, 2001, с. 33]. В результате взаимодействия с другими индивидами человек осознает себя членом коллектива, продуктами такого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила закона, например, *эшеңне жиренә житкерең эшлә*, т. е. ценностно маркированные. Именно таким образом человек узнает, как вести себя в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т. п., т. е. овладевает культурно обусловленными сценариями поведения.

Особым видом культурных установок являются *идеологемы*. Они используются на определенном культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают набор актуализированных в тот или иной период ценностей. По мнению исследователей, идеологемы отличаются от культурных установок более высокой сложностью своей организации, императивностью, безапелляционностью. Культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Еще одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречивость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке *эшеңне намус белән башкар* противопоставлена *нет смысла честно трудиться эшләп кем баеган*. Сценарный характер концептуального содержания культурных установок и идеологем предопределяет оптимальные формы их языковой репрезентации – паремический фонд.

Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы.

Стереотип – это социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [Прохоров, 1996]. В.В. Красных определяет стереотип как некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, как фиксированную ментальную «картинку».

Одним из средств репрезентации культурных стереотипов является внутренняя форма. В основе стереотипа лежат стандартные признаки того или иного явления, которые могут интерпретироваться сознанием как эталоны хорошего или плохого. Эти свойства внутренней формы позволили Н.Ф. Алиференко сравнить ее с речемыслительным кентавром, «фокусирующим в себе одни из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта» [Алиференко, 2002, с. 27]. Например, в основе внутренних форм терминов, обозначающих детали изделий и инструментов – *каш*, *куз*, *тырناق* и др. (бровь, глаз), лежит стереотипное представление о том, что изделие подобно человеку (человек становится эталоном, мерой создаваемых вещей). Так, Р.К. Рахимова, исследовавшая татарскую лексику ювелирного дела, пишет, что органы человека в ювелирной лексике означают: *каш* – обработанный ювелирный камень для украшений, вставка; *куз* – дырочки для вдевания колец или петелек в браслетах, ожерельях и чулпы-накосниках; *тырناق* (ноготь, ногти) в лексике ювелиров – зубчики шатона – гнезда для вставки камня в перстни, серьги и т. п. [Рахимова, 2002, с. 95].

Свойства внутренних форм репрезентировать сформированные той или иной лингвокультурной общностью стереотипы обусловило их квалификацию как квазистереотипов [Телия, 1986].

Внутренняя форма (квазистереотип) представляет собой вербализацию того или иного положения дел (концептуального образа), которое может быть структурировано как гештальт, сцена, сценарий (скрипт), фрейм. Д.Б. Ольховиков отмечает: «Языковой образ – это вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве письменного предмета» [Ольховиков, 1999, с. 338]. Процесс вербализации того или иного стандартного положения дел связан с актуализацией одного и редукцией остальных его признаков. А.А. Потехня отмечает: «Внутренняя форма есть... центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [Потехня, 1999, с. 125]. Автор учит различать внутреннюю форму и образ. Внутренняя форма – это центровая часть образа, один из его компонентов. Ученые отмечают, что многочисленные семантические и ономаσιологические исследования демонстрируют тенденции к редукции и различению этих понятий, что находит свое объяснение в задачах исследования: акцентировании внимания на семасиологической и ономаσιологической специфике языкового образа. В настоящем исследовании внимание фокусируется на внутренней форме в прямом смысле слова, что объясняет синонимическое использование терминов *внутренняя форма* и *языковой образ*.

Признак, ставший внутренней формой языковой единицы, получает особую роль – репрезентировать данное представление. Эта особенность внутренней формы дает возможность ее определить как квазиденотативное содержание языкового знака [Телия, 1996, с. 236]. По мнению исследователей, процесс выбора подобного признака обусловлен культурными факторами и отражает специфику национальной категоризации и концептуализации мира.

Внутренняя форма является своеобразным результатом процесса языковой категоризации. Выбор определенного признака связан с процессом его эталонизации: выбранная созна-

нием человека черта становится своеобразной мерой явления, нормой хорошего или плохого, получает общепризнанный характер, который выражается в том, что использование языковой единицы отражает способ мировидения и может быть сопряжено с какой-либо эмоциональной реакцией.

Ученые считают, что специфика природы квазистереотипа состоит в том, что он как бы «схвачен» знаком, представляя часть его значения, которая отсылает, с одной стороны, к денотативно-сигнификативному, а с другой – к прагматическому компонентам. Внутренняя форма всегда опирается на другой знак, что определяет ее мотивированность. Мотивированность представляет собой интерпретационный компонент внутренней формы, который является результатом апперцепции человеческой психики – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека [Потебня, 1999].

По мнению В.Н. Телия, в основе этого компонента лежит принцип фиктивности «как если бы», который определяет движение по шкале «живой – стертый / мертвый образ». Интерпретационный компонент внутренней формы отражает устойчивые, социально значимые отношения между мотивирующими и мотивированными именами и стоящими за ними явлениями. По этому поводу Н.Ф. Алефиренко пишет: «Это дает возможность образным единицам языка стереоскопически представлять всю смысловую эволюцию, «траекторию культурного развития» в парадоксальном сочетании всеобщего и особенного, субъективного и объективного видения мира [Алефиренко, 2002, с. 35].

Факт утраты образности может указывать на следующее: снижение ценностного статуса обозначаемого языковой единицей явления; усложнение понятия, проявляющее в обрастании его смыслового стержня, репрезентированного языковым образом, новыми признаками, приведшее к затемнению внутренней формы; смену культурной парадигмы (культурных установок и стереотипов, особенностей мате-

риальной культуры), в которой была порождена данная внутренняя форма.

Исследователи считают, что каждый из этих факторов имеет одинаковую когнитивную основу: признак, положенный в основу внутренней формы, не может более представлять все значение языковой единицы, становится несущественным. Мертвые внутренние формы уже не объясняют то или иное явление.

Культурно-семиотический подход к внутренним формам позволяет выделить лингвосемиотические ряды, представляющие те или иные лингвокультуремы. Базовый образ, который моделируется в результате обобщения внутренних форм, является своего рода основанием для выделения лингвосемиотического ряда. Он отражает процессы аспектуализации культуры, которые находятся под влиянием культурного кода. Следовательно, внутренняя форма является отражением способа мировидения.

Таким образом, интерпретирующую роль по отношению к смыслу выполняет внутренняя форма. Из многообразия знаний она выделяет один признак, отражающий стереотипные представления определенной лингвокультурной общности о нормах хорошего или плохого. Квазистереотипы являются своеобразным входом в концепт.

Прецедентные феномены включают феномены: хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение (апелляция), к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 2002, с. 44–45].

Различают следующие виды прецедентных феноменов:

а) социумно-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное

когнитивное пространство, т. е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум);

б) национально-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу;

в) универсально-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу) [Красных, 2002, с. 50].

Прецедентные феномены включают прецедентные высказывания, имена, ситуации и тексты.

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей языка. К числу прецедентных высказываний принадлежат различные тексты. Прецедентным высказыванием может быть 1) цитата (в том числе и трансформированная), 2) название произведения, 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста [Гудков, 2003, с. 107].

Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией, это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие [Красных, 2002, с. 48].

Татарский языковед Г.Р. Галиуллина отмечает: «Прецедентные имена, функционирующие в современном татарском языке и хорошо известные всем представителям татарского лингвокультурного пространства, объединяются в две большие группы – имена мифологических, литературных героев и реальных личностей [Галиуллина, 2016, с. 117]. Автор пишет, что «антропоним, переходя в разряд прецедентного имени, наполняется дополнительным смысловым контекстом, который отсутствует в его основном значении. Следует отметить, что смысловой объем прецедентных имен формируется не контекстом, они включаются в него уже готовыми семантическими оттенками. Они известны для носителей языка, воспринимаются представителями татарского лингвокультурного сообщества со всеми эмоционально-оценочными нюансами и активно функционируют в речи» [Галиуллина, 2016, с. 120].

В татарской лингвокультуре в качестве прецедентных имен рассматриваются: персонажи волшебных сказок, имена которых приобрели нарицательный характер Алтынчеч (золотоволосая девушка), Алтынбай (букв. богатый золотом или золотой богач), Таз (плешивый, положительный герой), Карунбай (очень богатый и очень жадный человек); Саламторхан (бедный герой сказки, живший в соломе), персонаж поэмы Г. Тукая Былтыр (прошлый год) – воплощение находчивости и сообразительности и др.; прозвища, среди которых наиболее известный Шакур-Карак (конокрад). Он пользовался большой популярностью как среди простого народа, так и у местных властей и др.

Прецедентная ситуация – это некая «эталонная», «идеальная ситуация», связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу, означаящим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя, например, царица Сөембикә, которую с младенцем на руках выдали ее врагу Ивану Грозному.

Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Н.В. Карауловым. *Прецедентные тексты* определены им как тексты: 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987, с. 216].

Прецедентные тексты Ю.Н. Караулов характеризовал через понятие «хрестоматийность», которое распространяется не только на художественные тексты известных классиков литературы. В круг прецедентных текстов также входят тексты, существующие до художественной литературы «в виде мифов, преданий, устно-поэтических произведений», а также «библейские тексты и виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и т. п.) и публицистические произведения историко-философского и политического звучания» [Караулов, 1987, с. 216]. По мнению ученого, следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их «реинтерпретируемость», в результате которой прецедентные тексты «перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере балете, живописи, скульптуре)» [Караулов, 1987, с. 217].

Итак, к определяющим характеристикам текстов Ю.Н. Караулов относит хрестоматийность и общеизвестность, эмоциональную и познавательную ценность, проявляющуюся в их многократной интерпретации (воспроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах, что в итоге ведет к тому, что такие тексты становятся «фактом культуры» [Караулов, 1987, с. 217].

В татарской культуре суры и аяты Корана является значимым при сюжетопорождении художественных произведений. Многие памятники тюрко-татарского словесного

искусства в той или иной степени связаны со Священной книгой мусульман. Произведения Ахмеда Ясави, Кул Гали, Насретдина Рабгузи, Махмуд-ал-Болгари, Хусама Кятиба, Мухаммедьяра, Кул Шарифа, Суфи Аллахияра, Тажетдина Ялчыголова, Абульманиха Каргалый, Хибатуллы Салихова, Шамсуддина Заки, Мавля Куल्या, и др. пропитаны духом ислама. В художественных произведениях, написанных на старотатарском языке, систематически употребляются отдельные цитаты из Корана или хадиса.

Термин «прецедентный текст» оказался востребованным среди ученых. Это привело к расширению изначально-го значения термина «прецедентный текст» и уточнению его понятийных составляющих. Так, Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова к прецедентным текстам причисляют «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 45]. В соответствии с данным определением в число прецедентных текстов входят: «тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого времени; тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц (семейной группы, студенческого коллектива, например, рекламный ролик или анекдот» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 40].

Расширение значения термина «прецедентный текст» касается и соотносимых с данным термином уточняющих моментов, в частности, таких как ценность и усвоение текстов. Ценность, по мнению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой, не обязательно может быть положительной. Она может быть и отрицательной. Усвоение текста языковой личностью может быть как актом «доброй воли», так и результатом «текстового насилия». При текстовом насилии, осуществляемым индивидуумом либо общественными институтами, происходит «усвоение текста при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом».

В качестве примеров прецедентности такого типа авторы приводят трилогию Л.И. Брежнева «Малая земля», «Целина», «Возрождение» или текст любого рекламного ролика.

В целом, по мнению исследователей, прецедентный текст – это законченный и самостоятельный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества; обращение к прецедентному тексту может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные имена.

Артефакты – предметы из вторичного, сказочного мира которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры. Изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и/или свойств предмета.

Исследователи считают, что *духи или бестиарии* не единичны, доказательством тому в определенной степени является множественность образов, в которых они предстают человеку. В татарской лингвокультурологии обнаруживаем таких персонажей, как *Шурале* – антропоморфное мифическое существо, которое описывается как низкорослое, горбатое, с длинными тонкими пальцами, небольшим рогом на лбу, а также *Бичура* (домовой), *өй (йөрт) иясе* (домовой), *су бабасы* (водяной дед), *су иясе* (водяной), *су анасы* (водяная), *мунча иясе (фәрештәсе)* и др.

Таким образом, в результате анализа научных источников были выявлены ключевые понятия и термины лингвокультурологии, которые отражают основное содержание этой лингвистической области знаний. Компонентный анализ дефиниций ключевых терминов лингвокультурологии позволяет выявить их иерархическую зависимость, установить гиперо-гипонимическую связь и представить в виде синоптической схемы:

лингвокультурология
языковая личность
языковая картина
ментефакты

Знания	Культурные концепты	Представления
<ul style="list-style-type: none"> – индивидуальные знания – социальные знания – национальные знания – универсальные знания 	<ul style="list-style-type: none"> – универсальные категории культур – космические категории – философские категории – социальные категории – категории культуры 	<ul style="list-style-type: none"> – прецедентные феномены – прецедентное высказывание – прецедентное имя – прецедентная ситуация – прецедентный текст – артефакты – духи/бестиарии – стереотипы – стереотип-образ – стереотип-ситуация

Одним из основных понятий в лингвокультурологии является понятие «ключевое слово», которое связывает лексический состав языка и культуру.

Ключевые слова являются особенно важными и показательными для отдельно взятой культуры [Вежбицкая, 2001]. Для установления того, что слово действительно является *ключевым*, по мнению А. Вежбицкой, нужно удостовериться, что данное слово действительно является «общеупотребительным», а не «периферийным словом». Немаловажным является частотность употребления данного слова в «какой-то одной семантической сфере», и, возможно, понадобится установить, что данное слово «находится в центре целого фразеологического семейства».

1.2. Концептуализация и категоризация действительности как лингвокультурологическая проблема современной лингвистики

Язык является основным способом фиксации и представления общей картины мира. Каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира или его языковую картину. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении различных слов и выражений языка, складывается в некую единую систему взглядов и установок, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на данном языке. Говоря о взаимосвязи языка и образа мышления, А.Д. Шмелев отмечает, что «с одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев, с. 12].

Такое понимание взаимосвязи языка и мышления представляет собой современную интерпретацию основных гипотез, послуживших теоретическим основанием для возникновения понятия языковой картины мира. Одной из них стала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа и труды Лео Вайсгербера, который, развивая идеи Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка, собственно, и построил теорию языковой картины мира. В представлении Л. Вайсгербера язык способствует формированию определенной модели мира с конкретными «духовными содержаниями». Язык выступает в качестве интегрирующего фактора в процессе познания, он «позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира и заставляет забыть о том, как раньше, до того, как он изу-

чил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер, с. 51]. В языковой картине мира проявляются особенности национальной концептуальной картины мира, национальной концептосферы, содержащей блоки знаний, структурированные и обобщенные согласно тем условиям исторического развития, которые характерны для данного этноса. Также и развитие языковой системы зависит во многом от конкретных условий существования ее носителей и от того, как эти условия воспринимаются.

В свою очередь, сложившаяся национально специфическая языковая картина мира определяет некоторые стереотипы мировидения индивида по мере усвоения им родного языка. Индивидуальная концептуальная картина мира, формируясь на базе первичных чувственных образов, адаптируется к особенностям общепринятой универсальной национальной картины мира с ее нравственно-ценностными приоритетами, которые тем или иным образом проявлены в языковых матрицах данного лингвокультурного сообщества.

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, разработавшейся практически параллельно с теорией Вайсгербера, системы понятий в сознании человека, особенности процессов восприятия и мышления определяются этноспецифическими особенностями структуры языка. Лео Вайсгербер выдвигал созвучные идеи, делая акцент на первостепенную роль языка в определении особенностей мышления и утверждая полную мировоззренческую зависимость человека от его родного языка.

За многие годы своего существования обе теории приобрели своих последователей и критиков, но так или иначе стали основой для новых исследований в этой области. Вопрос о соотношении языка и мышления, послуживший толчком для создания указанных теорий, до сих пор сохраняет свою актуальность. И рассмотрению, собственно, языковой картины мира, а также попыткам реконструкции отдельных

ее фрагментов в лингвистических исследованиях уделяется большое внимание. Н.Ф. Алефиренко выражает несогласие с утверждением Л. Вайсгербера в том, что мир существует постольку, поскольку он отражен в языке, и абсолютизацией влияния структуры родного языка на мышление, но и не отрицает значение языка в процессе познания: «На самом деле язык играет активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину действительности, внося в этот исключительно сложный процесс своеобразные коррективы, накладывая на познание свой неизгладимый отпечаток. В сознании появляется, таким образом, наряду с логической картиной мира, другая – лингвистическая картина мира, которая варьируется от языка к языку» [Алефиренко, с. 13].

Действительно, при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются их сходства и расхождения, иногда существенные.

Авторы монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» объясняют эти расхождения следующим образом: «Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в данном языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь» [с. 9]. Таким образом, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир.

Язык выступает как способ создания и преобразования мысли. Восприятие – одна из первых ступеней чувственного познания, у человека опосредовано языком. На основе языка функционируют память, воображение, внимание. Велика роль языка в процессах мышления. Н.Б. Мечковская пишет: что, «говоря о роли языка в познании, следует различать два аспекта: 1) участие языка, точнее системы языковых значений (как компонента сознания человека), и речемыслительных механизмов сознания в процессах предметного воспри-

ятия и формирования представлений, понятий, суждений, умозаключений; участие языка в различных мыслительных операциях (сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция и т. п.), а также в механизмах памяти; 2) участие языка в хранении и передаче от поколения к поколению общественно-исторического опыта людей» [Мечковская, 1996, с. 15]. Однако целостное представление о языке может быть получено при взаимосвязанном рассмотрении его функций: коммуникативной (средство общения), когнитивной (познавательной, мыслительной) и др.

В данном случае теория систем, которая является фундаментальной по отношению к лингвокультурологической теории, осмысливается как теория целостного представления внешнего мира в процессе познания, в рамках которого могут быть выявлены особенности когнитивных предпосылок языковой деятельности. Восприятие личности складывается от мысленного моделирования исходящей информации в определенную целостность.

Лингвокультурология рассматривает язык как общий когнитивный механизм. Когнитивное направление в лингвистике связано с осуществлением антропоцентрического подхода в изучении языка, т. е. человек является носителем когниции. Составляющими когнитивной семантики являются понятия «концептуализация» и «категоризация», рассматривающиеся как взаимосвязанные стороны классификационной деятельности человеческого разума, но при этом различающиеся по своим целям и результатам.

1.3. Концептуализация и категоризация знания как лингвокультурологическая проблема

Благодаря своей актуальности и важности знание становится фундаментом культуры. Концептуализация – это процесс образования концептов, концептуальных структур и концептосферы в целом.

Исследователи отмечают, что продуктом концептуализации может быть культурное, т. е. аксиологически релевантное для той или иной лингвокультурной общности (группы, объединенной совокупностью признаков – языка, истории, культуры, религии и др.) или социума (группы, выделяемой с опорой на социологическую дифференциацию общества по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби) знание [Красных, 2002, с. 50].

О процессах концептуализации можно говорить только с опорой на систему знаковых репрезентаций знания, наиболее полно отражающихся в языке. Культурная специфика концептуализации выражается в содержании компонентов значения, выборе внутренней формы языковой единицы, динамике семантической структуры многозначного слова, значимостей антонимических, синонимических, деривационных парадигм, выборе способов номинации и др.

Лексическое и фразеологическое значение является основным семасиологическим средством, репрезентирующим эти процессы. Как утверждают специалисты, экстенционал и интенционал значения номинативной единицы отражают результат осмысления обозначенного явления во взаимосвязи с другими, подобными явлениями (класс, на который указывает экстенционал), а также объективируют специфику реалии, минимальный набор признаков, с помощью которых человек отличает одно явление от другого. Например, при сравнении словарных дефиниций разных хронотопов можно обнаружить специфику концептуализации. А.П. Бабушкин пишет: «По лексикографическим определениям можно судить о том, как понимались те или иные слова... в ходе исторического развития социума, можно изучать историю науки и историю познания человеком окружающего мира» [Бабушкин, 1996, с. 32].

Значение выражает особенности концептуализации тех или иных категорий в соответствии с уровнем развития материальной и духовной культуры, оно воспроизводит ту или иную когнитивную стратегию, способ понимания явлений

лингвокультурной общностью или социумом, указывает на ценность реалий действительности.

Специфика восприятия и понимания того или иного явления отражается внутренней формой языковой единицы. Признак, положенный в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным. С одной стороны, внутренняя форма отражает начальные процессы концептуализации, а с другой – систему стереотипных представлений сложившихся в обществе.

На особенности концептуализации также могут указывать словообразовательные связи слова: количественный аспект словообразовательного гнезда; его концептуальная (идеографическая разработанность); продуктивность ономазиологических структур, типов словообразовательных значений; многообразие словообразовательных моделей.

Таким образом, сущность процессов концептуализации культурного знания состоит в формировании, дальнейшей разработке содержания как картины мира в целом, так и отдельных ее фрагментов. Лексические средства – экстенсионал и интенционал значения, семантические разновидности синонимов, оппозитивные и деривационные связи слов, семантическая структура значения многозначного слова, вербальных единиц и др. – наиболее полно отражают процессы концептуализации культурного знания, уровень развития духовной и материальной культуры.

Процессы порождения смысла синкретичны. Синкретизм этих процессов состоит в целостности, одновременности осмысления сущности явления и определения его ценности. В то же время человек различает типы информации, придает те или иные формы. Это говорит о том, что процессы концептуализации знания неразрывно связаны с его оформлением и категоризацией.

С процессом категоризации связана другая сторона классификационной деятельности человеческого сознания, суть которой заключается «в мысленном отнесении

концептуализованного объекта к какой-либо категории, а следовательно, его означивании языковыми (графическими и звуковыми) средствами» [Болдырев, 2000]. Под категорией понимаются ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака, общности. Категория является как результатом отражения действительности, а также выражает специфику ее понимания. По мнению Н.Ф. Алефиренко, процессы категоризации тесно связаны с механизмами кодирования. Эти механизмы являются «матрицей семантизации окружающего мира» [Алефиренко, 2001, с. 82]. Иными словами, категоризация отражает не только то, какими знаниями владеет личность и как их применяет, но и формы, способы сохранения знаний. Существуют следующие подходы к пониманию сущности категоризации и ее отражения в языке.

Сущность одного из подходов, восходящих к учениям Аристотеля и Платона, заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать одинаковым набором существенных признаков, иметь тождественный статус в процессе категоризации. Данный подход осуществляется при составлении той или иной классификации.

Другой подход основывается на трудах Л. фон Витгенштейна. В науке он получил название теории семейного сходства. Сущность этой теории заключается в том, что тождественные признаки могут встречаться не у всех членов категории, а лишь у некоторых. Прототипом этой категории стали признаки членов одной человеческой семьи: одни родственники имеют общие черты характера, другие – внешнего сходства и т.д. Теория Л. Витгенштейна стала основой теории прототипов.

При данном подходе результаты процесса категоризации распределяются по трем уровням: суперординантному (наиболее абстрактному, указывающему на родовые понятия), базисному, субординантному (включающему единицы, детально характеризующие отдельные стороны какого-либо

явления или именующие неактуальные объекты действительности). Единицы, составляющие базисный уровень, являются своего рода основными культурно значимыми единицами концептуальной структуры данной категории. В базисный уровень входят прототипы, которые культурно значимы, поскольку отражают стереотипы, функционирующие в том или ином социуме. В языке прототипы репрезентируются рядами наиболее частотных языковых единиц, которые отражают действующие стереотипы, культурные установки, а также вербализуются квазисимволами и квазиэталоном. При лингвокультурологическом описании концептов, по мнению А. Вежбицкой, «... мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть место для прототипов и для вариантов – одно не исключает другого» [Вежбицкая, 1997, с. 201].

С позиции лингвокультурологии смысловой универсум языка рассматривается через анализ концептосферы, который позволяет судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в головах конкретных носителей языка в частности. Язык предстает как эквивалент концептуальной системы, посредством которой постигается, структурируется и организуется поток впечатлений окружающего мира. Человек с позиции лингвокультурологии должен изучаться как система переработки информации, а его поведение должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний, проявляющихся физически и интерпретирующихся как получение, переработка, хранение информации для решения задач. В конечном счете, основная проблема лингвокультурологии сводится к выявлению систематизированности человеческих знаний и к вопросу: каковы конкретные структуры этого знания. Как следствие, понятия, способы концептуальной организации знания и структуры их представления становятся в лингвокультурологической парадигме главными.

1.4. Концепт как проблема лингвокультурологии

Основной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности является *концепт*. Понятие концепт считается одним из центральных понятий лингвокультурологии. Этот термин заимствован когнитивной лингвистикой из логики. Сложность и полифункциональность природы концептов обуславливает неоднозначность его трактовок.

В когнитивной лингвистике термин *концепт* является базовым. Общеизвестным стало определение, данное Е.С. Кубряковой. В теории автора делается упор на универсальности данного термина и стоящего за ним содержания: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова, 1996, с. 90]. К основным признакам концепта Е.С. Кубрякова относит оперативность, отражение содержания человеческой деятельности, наличие инвариантного стержня гибкость и подвижность. Таким образом, выделенные признаки свидетельствуют о сложности и противоречивой природе концепта: он оперативен и в то же время отражает результаты всего человеческого опыта, имеет инвариантный стержень и вместе с тем постоянно меняется.

Также следует отметить, что концепт представляет собой лишь часть актуализированных смыслов, относящихся к той или иной идее. Признак актуальности концепта наиболее четко проявляется, когда разные люди неодинаково интерпретируют один и тот же смысл. Другими словами, что для одних актуально, для других может оказаться второстепенным. Актуальность концепта связана с его схематизмом, нечеткостью [см.: Аскольдов, 1997, с. 271], «алгебраичностью» [Лихачев, 1997, с. 281]. Все это объясняет объединение близких, но не тождественных смыслов в один концепт.

Среди перечисленных признаков оперативность является определяющим. Выделение этого свойства позволяет го-

говорить о субъективном характере концепта и об отсутствии у него определенной структуры. По мнению И.К. Архипова, «объективно существующих концептов» нет и степень объективности личностных концептов, т. е. адекватности отражения реальности, зависит от того, насколько они совпадают с концептами членов социума, объединенных общностью жизненного опыта» [Архипов, 2001, с. 13].

Данные выводы позволяют говорить о том, что концепт отражает «один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта» [Болдырев, 2001, с. 24], чем он отличается от понятия.

Психолингвистическое толкование концепта, содержащееся в работах А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия и др., углубляет когнитивную теорию. Под концептом понимается мысленное образование, имеющее характер устоявшегося и типичного образа, выполняющее заместительную функцию. Упор делается на субъективно значимые, динамические характеристики, которые приняты когнитологией.

Некоторые исследователи считают, что в лингвокультурологии не может быть использована исключительно когнитивистская трактовка концепта. Это объясняется тем, что когнитология рассматривает мышление в аспекте продуцирования дискурса тем или иным индивидом. В данном случае базовые для когнитологии признаки концепта – оперативность, гибкость и подвижность, субъективность, неструктурированность – для лингвокультурологии являются несущественными. Лингвокультурология изучает процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, поэтому главными для нее являются инвариантность, содержательное наполнение концепта (концепт отражает результаты человеческой деятельности).

Множество синкретичных теорий концепта совмещают постулаты когнитологии и лингвокультурологии (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

С.А. Аскольдов особое внимание уделяет художественным концептам, которые отличаются большей психологической сложностью, индивидуальностью, неопределенностью возможностей, художественной ассоциативностью. Теория художественных концептов может использоваться лингвокультурологией лишь в том случае, если тот или иной индивидуально-авторский образ получил прецедентный характер.

Д.С. Лихачев акцентирует внимание на том, что содержание концепта обусловлено национальным, сословным, классовым, профессиональным, семейным и личным опытом человека. Н.Ф. Алефиренко в своем исследовании «Поэтическая энергия слова» термин концепт определяет «как достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [Алефиренко, 2002, с. 225].

В.И. Карасик отмечает, что концепты шире понятий. Концепт им осмысливается как «многомерное смысловое образование», в котором выделяются ценностная, образная, понятийная стороны». Ценностное измерение концепта отражает важность данного психического образования для индивида, социума; образное – «релевантные признаки практического знания» (зрительные, вкусовые, тактильные и др. характеристики предметов); понятийное – языковую фиксацию концепта. Исследователь выделяет несколько типов концептов в зависимости от продуцирующего субъекта: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные.

З.Д. Поповой и И.А. Стерниним концепт понимается как «глобальная смысловая единица, организованная по принципу ядра и периферии и отражающая все стороны осмысленного явления», чем утверждаются глобальность и многомерность концепта. Ученые отмечают такие когнитивистские идеи теории концепта, как оперативность, гибкость, подвижность, субъективность. По мнению авторов, концепт структурирован: он включает в свой состав рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное.

З.Д. Попова и И.А. Стернин по содержанию выделяют следующие типы концептов: *представления* – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений; представления являют собой отражение совокупности наиболее ярких, внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления; *схемы* – концепты, которые по содержанию представляют собой некоторые обобщенные пространственно-графические или контурные схемы; *понятия* – концепты, которые представляют собой в сознании наиболее общих, существенных признаков предметов или явлений, результат их рационального отражения и осмысления; *фреймы* – мыслимые в целостности его составных частей многокомпонентные концепты, объемные представления, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении; *сценарии (скрипты)* – отражение в сознании целостных последовательностей эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития; фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов; *гештальты* – комплексные, целостные функциональные мыслительные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании.

Исследователи, разделяющие точку зрения этих ученых, рассматривают функционирование концепта на синхронном срезе в аспекте его детерминированности культурными факторами. В их работах ставится знак равенства между концептом и объективным смыслом, идеей. Концепт имеет широкую сферу репрезентаций, наиболее продуктивной из которых является слово. Так, А. Вежбицкая пишет, что до мысли можно добраться только через слова (никто еще не изобрел другого способа) [Вежбицкая, 1999, с. 293]. Данное мнение, хотя и с некоторыми изменениями, принимается лингвокультурологией.

При лингвокультурологическом подходе к концепту основным отличительным признаком является то, что концепт

признается *атрибутом культуры*, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 43]. Концепт – *мно-гомерная глобальная структура*, состоящая из понятий, эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии. Концепт *объективен и исторически детерминирован*. Он может иметь статус *константы культуры*, если существует постоянно или долгое время. Концепт играет роль *принципа культуры* [Степанов, 2001, с. 84].

Концепт структурирован универсальным, культурно-специфическим и индивидуально-психологическим, актуальным и неактуальным блоками. В лингвокультурологическом понимании концепт – часть концептосферы, которая имеет свою историю.

Приведенный анализ теорий показывает, что основными точками несовместимости существующих концепций являются такие признаки концепта, как субъективность, неструктурированность, оперативность данной ментальной категории в когнитивной интерпретации и объективность, структурированность, глобальность и историчность в лингвокультурологической. Многообразие рассматриваемых теорий дает основание утверждать, что на данном этапе развития науки сформировалось два основных подхода к концепту: когнитивный и лингвокультурологический. Р.Р. Замалетдинов считает, что концепт является термином, «несущим большой эвристический потенциал, дискуссии о природе которого, несмотря на большое количество научных разработок, все еще не прекратились» [Замалетдинов, 2004, с. 36–37]. По мнению ученого, между лингвокультурологической и когнитивной лингвистикой стоит общая задача «выявления возможностей разных форм категоризации определенных концептуально заданных ситуаций» [Замалетдинов, 2004, с. 37].

Большинство исследователей утверждают, что исследование формирования и функционирования того или иного фрагмента мира может быть осуществлено только при ре-

ализации лингвокультурологического подхода к концепту, рассматривающего его как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; неоднородность содержания, разнообразие знаковых содержаний.

Вопрос о выборе названия концепта является одной из первых проблем его лингвокультурологического описания [Бабушкин, 1999]. Выбор названия концепта культуры условен. Одно имя не может охватить всех смыслов, обобщить все репрезентации, которые соотносятся с тем или иным концептом. Поэтому вопрос заключается в том, чтобы выбрать название, которое могло бы выполнить наиболее полно эти функции. В.В. Колесов считает: «Концепт <...> грамматически может быть представлен в виде имени, выражающего обобщенный признак» [Колесов, 1999, с. 158].

Связь концепта с вербальными средствами выражения отмечается почти во всех лингвокультурологических определениях (здесь мы не ставим цель прокомментировать все интерпретации концепта). По мнению Л.О. Чернейко, концепт – это термин, который следует понимать и в антропоцентрическом аспекте, и вне формальной логики, в рамках которой существует понятие. Автор пишет: «Концепт, включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова: и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко, 1997, с. 75].

Единого мнения относительно конкретно значимых единиц языка, с которыми соотносится концепт, нет. Однако следует отметить следующие подходы.

Во-первых, в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального

языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов составляет концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации [Лихачев, 1993]. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике. Основным исследовательским средством является концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. В число таких концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой наблюдается способ семантического представления.

Во-вторых, к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и характеризующие носителей определенной этнокультуры [Нерознак, 1998]. Совокупность таких концептов не образует концептосферы, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область.

В-третьих, к числу концептов относятся лишь те семантические образования, список которых в определенной степени ограничен [Снитко, 1999, с. 46]. Такие концепты являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Они представляют собой ментальные сущности высокой степени абстрактности. Они отправляют к невидимому миру духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения абстрактного. Концепты последнего типа образуют концептуализированную область, где устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженного в слове, где сопрягаются духовная и материальная культуры [Степанов, 1995; 1997].

1.5. Лингвокультурологическая модель концепта

Исследователи утверждают, что неоднородность семантики, функциональных особенностей языковых единиц позволяет нам говорить о неоднородности содержания концепта. Слои концепта тесно взаимодействуют, взаимодействуют друг в друга. В концепте можно выделить универсальный (общечеловеческий, культурно нерелевантный) и культурный слой.

Универсальный слой концепта наполняется интенционалами научных и отчасти наивных понятий. Универсальными могут быть культурные установки и стереотипы. Например, культурная установка *каждый человек во всем и всегда должен быть справедливым, честным с самим собой и с другими людьми* является универсальной. В данном случае она отражает общечеловеческие ценности. Ментальные единицы этого типа предельно обобщены, лишены конкретизирующих специфических компонентов.

Культурный слой концепта в большей степени, чем универсальный, связан с системой языка. С одной стороны, это обусловлено тем, что культурный слой ценностно маркирован, а репрезентации подвергается ценностно маркированная информация. С другой стороны, это обусловлено тем, что язык является организующим устройством для информации этого слоя. Эта функция наблюдается и у такого компонента значения, как внутренняя форма слова. В поле зрения лингвокультуролога находится культурный слой и в языке описания используется термин *концепт культуры* или просто концепт.

Культурный слой концепта содержательно неоднороден, о чем свидетельствует функциональная разнородность единиц. Это объясняется дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл на более мелкие группы, которые формируют дополнительные ценности и культурные установки.

Проблемы дифференциации внутри культуры связаны с выделением особого сегмента культурного слоя – субкультурного слоя, отражающего представления, культурные установки, стереотипы, характерные для социальной группы (социума). Каждый из социумов характеризуется специфичными для него представлениями, культурными установками и стереотипами общенародной культуры.

По мнению ученых, культурный и субкультурный слои концепта являются в наибольшей степени, чем универсальный слой, ориентированными на ценностную шкалу. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают: «...значимость языковой единицы <...> связана с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа» [Попова, Стернин, 2002, с. 6]. Культурный слой концепта отражает аксиологию, актуальную для той или иной нации или народа, субкультурный – значимости определенного социума, который является частью лингвокультурной общности.

Таким образом, структура концепта состоит из общечеловеческого, культурного, субкультурного слоев. Структура концепта представлена следующим образом: общечеловеческий (универсальный) слой – преимущественно научные и обыденные понятия, культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие общечеловеческие ценности; культурный (национальный) слой – представления и обыденные понятия, культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности той или иной лингвокультурной общности; субкультурный слой – представления и обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности того или иного социума.

Исследователи рассматривают культурный слой концепта в виде структуры, состоящей из двух компонентов – диктумного и модусного.

Диктумный (объективный) компонент структурируется преимущественно представлениями и обыденными понятиями, которые являются отражениями культурно значимых челове-

ческих практик. В этот же блок входит информация об истории концепта, на что указывает этимология ключевых слов.

С информацией, содержащейся в диктумном компоненте, тесно связаны культурные установки, идеологемы, стереотипы, оценки, эмоции, входящие в *модусный* компонент.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы выступают в функции оснований оценки. Эмоции и оценки являются результатом соотнесения объекта оценки – представлений, бытовых понятий с основанием оценки [Токарев, 2003]. Отсюда культурная маркированность оценок и эмоций, являющихся интерпретациями той или иной идеи [Замалетдинов, 2004].

В модусный компонент входит информация, которая интерпретирует не только культурно релевантные смыслы, составляющие диктумный блок, но и знания, структурирующие универсальный блок концепта.

Модусный компонент культурного слоя концепта отражает социальный рейтинг концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать значимость, в другие – утрачивать ее. Составляющие концепта подвержены актуальной дифференциации: одни смыслы уходят в пассивный слой, другие – составляют ядерную часть. Ядерная часть концепта отличается той или иной степенью стабильности, которая обусловлена фактором социально-исторической преемственности. Инвариантное содержание концептов находится в зависимости от архетипов, особенностей *национального менталитета*, глубинной структуры, определяющей на протяжении длительного времени этническое и национальное своеобразие и характеризующееся большой стабильностью [Попова, Стернин, 2001, с. 66]. Отсюда следует, что культурная информация имеет разные аспекты.

Таким образом, процессы концептуализации и категоризации могут быть культурно маркированы. Лексические средства – экстенционал и интенционал значения, синонимические, антонимические и деривационные связи слов, семантическая

структура значения многозначного слова и др. – наиболее полно отражают процессы концептуализации культурного знания.

Каждый из компонентов значения слов и фразеологических единиц может отражать культурно релевантную концептуальную информацию. Классификация явления, определение набора существенных признаков, выбор внутренней формы в большей или меньшей степени находятся в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей. Семный состав слов может как непосредственно отражать культурно значимые явления действительности, так и интерпретировать в соответствии с культурными установками, стереотипами и др. универсальные знания.

Культурно-семиотический подход к внутренним формам позволяет выделить лингвосемиотические ряды, объективирующие процессы актуализации культуры, которые находятся под влиянием того или иного культурного кода, обусловленного архетипическими представлениями.

Репрезентации, несущие культурную информацию, представляют собой сгущенную когнитивную программу освоения действительности. Значения и значимости языковых единиц эксплицируют разнообразные культурно обусловленные сценарии и стереотипы.

Оптимальной формой названия концепта является абстрактное существительное. «Абстрактное имя имеет синонимы, антонимы, включает в свою семантику концептуальные коннотации, которые передаются при помощи комбинаторики слова» [Сагдеева, 2012, с. 250].

1.6. Культурная маркированность значений языковых единиц

Одной из основных проблем современной лингвистики является определение типов значений языковых единиц. На сегодняшний день в лингвистике этот вопрос до конца еще не решен. Так, например, М.В. Никитин утверждает, что в

языкознании «принято противопоставлять понятия лексического и грамматического значений» [Никитин, 2005, с. 73].

Проблеме изучения лексического значения посвящены труды многих ученых – представителей отечественного языкознания: В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Уфимцевой, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Никитина и др.

Имеются различные точки зрения о понимании природы лексического значения. Так, например, в Большом энциклопедическом словаре лексическое значение слова определяется как «часть смыслового содержания, присущего слову как лексеме (в отличие от грамматического значения, присущего ему как члену грамматического класса слов)» [БЭС, 1997].

В.В. Виноградов пишет, что термин «лексическое» или, как в последнее время стали говорить, «смысловое значение слова» не может считаться вполне определенным. По мнению ученого, обычно под лексическим значением слова подразумевают его «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [Виноградов, 1977, с. 162–189].

А. Вежбицкая считает, что под лексическим значением нужно понимать значение, которое зафиксировано в словаре, «это то, что люди имеют в виду, когда они употребляют слово» [Вежбицкая, 1997, с. 236].

Л.А. Новиков определяет лексическое значение как *наивное понятие*, которое подразумевает «представление о мире, характерное для среднего интеллигентного носителя языка и основанное на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжении языком». Такой вид понятия может отличаться от научного. Ученый приводит следующий пример: слово *высота* имеет «наивное» значение «вертикальная прямая», научное значение данной лексической единицы «перпендикуляр, опущенный из вершины геометрической фигуры на основание или его продолжение» [Новиков, 1982, с. 40].

И.А. Стернин дает следующее определение лексическому значению: «Психическая реальность, локализованная в сознании человека и отражающая неязыковую действительность» [Стернин, 1998, с. 157].

М.В. Никитин считает, что под лексическим значением понимают «семантический инвариант грамматического варьирования слова, т. е. общее, чт. е. в значении грамматических форм слова» [Никитин, 2005, с. 73].

Как видно, большое количество и разнообразие определений свидетельствует о многогранности и сложности феномена лексического значения.

При изучении лексического значения немаловажным является вопрос о его типологии. Впервые типология лексических значений была осуществлена В.В. Виноградовым в статье «Основные типы лексических значений». По мнению Н.Ф. Алефиренко, данная типология основывается на двух принципах:

- а) номинативном, в основании которого лежит фиксация характера отношений значения к объектам знакообозначения;
- б) синтагматическом, учитывающем сочетаемостные свойства слов в предложении [Алефиренко, 2005, с.174].

В системе значений В.В. Виноградов выделяет *прямые номинативные значения*, «направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности и отражающие их общественное понимание» [Виноградов, 1953, с. 12].

Ученый пишет, что «основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. Например, пить воду, квас, чай и т. п., каменный дом, подвал, пол и т. п., щурить, прищуривать глаза [Виноградов, 1953, с. 12]. Автор утверждает, что слово может иметь несколько свободных

значений, «в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности. Например, шапка – «головной убор» и «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей». Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными» [Виноградов, 1953, с. 12].

Н.Ф. Алефиренко считает, что прямое номинативное значение является наиболее устойчивым и независимым, «т. е. не ограничено в своей реализации рамками фразеологических сочетаний или определенного рода синтаксической конструкции» [Алефиренко, 2005, с. 174].

Номинативно-производное значение – непосредственно отражают предметы, но закреплены за определенной грамматической формой. Объединяются с прямым значением в смысловую структуру, но при этом синтагматически обусловлены.

Н.Ф. Алефиренко приводит следующие примеры, иллюстрирующие номинативно-производное значение. Так, например, «слово земля имеет два прямых номинативных значения: 1) «третья от Солнца планета, вращающаяся вокруг своей оси и вокруг Солнца»; 2) «суша (в отличие от водной поверхности). Далее ученый перечисляет значения, которые по отношению к основным являются производными: 3) «страна, государство»; 4) «территория с угодьями, находящаяся в чьем-либо владении»; 5) только ед. ч. «верхний слой земной коры; почва» [Алефиренко, 2005, с. 175]. По мнению автора, в отличие от основного прямономинативного значения, производно-номинативные значения являются специализированнее.

Номинативно-производное значение слова не может быть оторвано от основного свободного. В.В. Виноградов соглашается с точкой зрения Е.М. Мельцера, который считает, что «слово в своем основном значении может входить в основной словарный фонд, а утверждения будто в «переносном или специальном» значении оно находится «за его

пределами является ошибочным» [Мельцер, 1951, с. 30]. По мнению исследователя, в современной языковой системе многие слова вообще не имеют прямых номинативных значений и они существуют только в составе немногочисленных фразеологических сочетаний, значение которых выделяется из этих сочетаний путем подстановок синонимов [Виноградов, 1953, с. 16].

В.В. Виноградов, выделяя свойства номинативных значений, пишет, что «два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного». Ученый утверждает, что, кроме возможности совмещения разных номинативных значений в одном слове, нужно также иметь в виду, что свободные номинативные значения «могут быть опорными или исходными пунктами разных синонимических рядов» [Виноградов, 1953, с. 13]. Большинство слов имеет стилистические синонимы в разных слоях лексики, и значительная часть данных синонимов, по мнению В.В. Виноградова, лишена прямого, свободного номинативного значения. Таким образом, ученый выделяет следующий тип лексического значения – *экспрессивно-синонимическое значение (экспрессивно-стилистическое значение)*, которое определяет как «тип лексического значения, выражающее свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность» [Виноградов, 1953, с. 13–14].

В заключении Н.Ф. Алефиренко выделяет следующие свойства экспрессивно-синонимического значения:

1) «оно не способно к «самовыражению», поэтому реализуется только с опорой на прямономинативное значение;

2) его обязательным микрокомпонентом является экспрессивность, объединяющая в себе семы «интенсивность» и «оценочность»;

3) слово, обладающее этим типом значения, всегда синонимично по отношению к слову с прямым номинативным значением;

4) экспрессивно-синонимическое значение слова характеризуется стилистической маркированностью (окрашенностью) [Алефиренко, 2005, с. 176].

Как уже было отмечено ранее, Н.Ф. Алефиренко выделил два основных принципа, на основе которых основывается типология лексического значения. Согласно второму, синтагматическому принципу, лексические значения подразделяются на свободные и несвободные. Свободными являются значения номинативные, способные самостоятельно обозначать предметы, соответственно несвободные значения такой способности лишены. Ученый отмечает, что «их реализация возможна только в сочетании данного слова с другими языковыми средствами» [Алефиренко, 2005, с. 177].

По описанию В.В. Виноградова, к несвободным значениям относятся:

- фразеологически связанное значение;
- синтаксически обусловленное значение;
- конструктивно связанное значение

Рассматривая *фразеологически связанное значение*, В.В. Виноградов характеризует данное значение как значение, лишенное глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Фразеологически связанное значение – «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями [Виноградов, 1953, с. 17].

Н.Ф. Алефиренко определяет фразеологически связанное значение как «тип лексического значения, сущность которого, с одной стороны, определяется узуально ограниченной

сочетаемостью данного слова, а с другой стороны – семантической несамостоятельностью, требующей заключения соответствующего слова в строго определенных фразеологический контекст, т. к. самостоятельная функция обозначения им утрачена» [Алефиренко, 2000, с. 126]. Например, сочетания *заячья душа, черный день, вчерашний день, крошечный ад, закадычный друг* и т. д.

В.Н. Телия при изучении фразеологически связанного значения выделяет четыре основных признака данного значения:

1) синсемантичность фразеологически связанного значения, т. е. способность слова указывать на объект номинации только при совместной реализации с семантически ключевым словом;

2) несамостоятельность знаковой функции слов с фразеологически связанным значением;

3) фразеологически связанное значение слова имеет косвенно-производный характер: под воздействием опорного наименования в переосмысляемом слове актуализируются такие смысловые микрокомпоненты в его «предшествующем» значении, которые возникают на основе реально ассоциативного сходства первичного и вторичного предметов номинации;

4) коннотативность фразеологически связанного значения слова. Этот микрокомпонент представляет собой некоторый остаток, «осколок внутренней формы слова», удерживающий связь переосмысленного значения с опорным для него наименованием» [Телия, 1981, с. 66].

Можно сделать вывод, что фразеологически связанное значение слова является неким «связующим» между лексическим и фразеологическим значением. Исследование фразеологического комплекса, которое содержится во внутренней форме лексической единицы, позволяет исследовать отношения между лексическим и фразеологически связанным значением данной единицы. Доказательной также является

точка зрения Н.Ф. Алефиренко, что фразеологически связанное значение служит средством хранения и выражения человеческого знания об окружающем мире.

Следующий тип значения В.В. Виноградов определяет по способу употребления слов в синтаксических сочетаниях. Данный тип значения формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения. Отличительный признак *функционально-синтаксически ограниченного значения* заключается в том, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. По мнению ученого, данный тип значения с семантической точки зрения является результатом «образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики [Виноградов, 1953, с. 24–25]. Так, например, «слово *шляпа* выражает значение *«непредприимчивый; растяпа»* в том случае, когда выступает в предложении в функции сказуемого: *Другой бы на его месте карьеру сделал, а этот – шляпа!* (Ильф и Петров). Слово *шляпа* выполняет здесь не свойственную ему синтаксическую роль – роль сказуемого, или предиката» [Алефиренко, 2005, с. 184]. Н.Ф. Алефиренко указывает, что такой тип значения также называют предикативно-характеризующим. Ученый заключает, что «будучи средством непрямого, вторичного, знакообозначения, синтаксически ограниченное значение слова представляет собой результат обобщенно-образного отражения в сознании явлений действительности предикативно-характеризующего и оценочного типа» [Алефиренко, 2005, с. 184].

Выделяя следующий тип лексического значения, В.В. Виноградов отмечает, что многие лексические значения слов являются неотделимыми от определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. Как пишет ученый, «...структура некоторых типов словосочетаний обусловлена

принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию» [Виноградов, 1953, с. 26]. Например, *пенять на кого-что, полагаться-полагаться на кого-что-нибудь* и т. д. Таким образом, мы можем заключить, что *конструктивно обусловленные значения* не могут выражать лексическое значение самостоятельно, т. е. они синсемантически.

По мнению В.В. Виноградова, конструктивно обусловленное значение характеризуется «предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции – в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Исследователь считает, что существенным признаком конструктивно обусловленного значения является возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции. Автор отмечает, что именно этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, «для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами» [Виноградов, 1953, с. 27].

Такого же мнения придерживается и Н.Ф. Алефиренко, считая, что «конструктивно обусловленные значения отличаются от фразеологически связанных значений прежде всего тем, что условием их реализации является не строгая лексическая избирательность в процессе сочетаемости слова, а конкретный и устойчивый тип синтаксической конструкции, в рамках которого и выражается несвободное, вторичное лексическое значение [Алефиренко, 2005, с. 185]. В завершении автор характеризует конструктивно обусловленное значение следующими признаками: «синсеманτικότητα, вторичность знакообозначения, метафоричность, оценочность и признаковость» [Алефиренко, 2005, с. 186].

М.В. Никитин в своей работе представляет лингвистическую типологию значений, которая связывает значение со способом, характером его языкового выражения. По данной типологии основными категориями значений являются: «значения грамматические, номинативные и коммуникативные, а также синтаксические и словообразовательные (как разновидности грамматических значений), лексические, фразеологические, словосочетательные (как разновидности номинативных значений)» [Никитин, 1988, с. 32].

Как было отмечено ранее, по мнению М.В. Никитина, под лексическим значением понимается семантический инвариант грамматического варьирования слова, т. е. то общее, в значений грамматических форм слова, а разнообразные смысловые дополнения к нему, обнаруживаемые словом в тех или иных формах его грамматической парадигмы, рассматриваются как значения грамматические.

Перед началом анализа грамматического значения рассмотрим различия между лексическим и грамматическим значением. Обратимся к работе Н.Ф. Алефиренко, в которой автор выявил следующие различия:

1. Они прежде всего связаны с характером отражения действительности. В грамматическом значении фиксируется отражение обобщенных, групповых явлений, а лексическое значение – индивидуальное, единичное. Например, грамматическое значение среднего рода обладает целая группа слов – *море, окно, лето, дело, поле, солнце*, вместе с тем каждое из них – носитель отдельного лексического значения.

2. В связи с этим отличием иногда рассматривают и различную степень их абстракции, т. е. отвлечения от конкретных объектов действительности» [Алефиренко, 2005, с. 212]. Однако он признает, что степень абстрактности служит весьма зыбким критерием разграничения лексических и грамматических значений. По его мнению, менее уязвимым представляется критерий разграничения лексического и

грамматического значения по способу выражения содержательной абстракции этих типов значения. Если лексическое значение выражается корневыми морфемами, то грамматическое – морфемами аффиксальными. Незакрытый характер (неисчисляемость) лексического значения – закрытый характер (исчисляемость) грамматического значения [Алефиренко, 2005, с. 212].

Также Н.Ф. Алефиренко считает, что требует конкретизации положение М.В. Никитина о том, что грамматические значения неноминированы. По утверждению ученого, данное суждение «справедливо только в том случае, если понимать при этом невозможность его самостоятельного существования» [Алефиренко, 2005, с. 212].

В словаре лингвистических терминов грамматическое значение представляется следующими образом: 1) значение формальной принадлежности слова, т. е. значение отношения, выраженное не отдельным словом, а несамостоятельными элементами, дополнительными по отношению к основной (вещественной) части слова (-ами – домами, -ый – белый); 2) значение построения, значащее расположение (последовательность) элементов (частей) словосочетания и предложения; синтаксическое значение, выражаемое данным видом синтаксической связи в отвлечении от лексического значения сочетаемых слов и их лексико-фразеологического взаимодействия [Ахманова, 1969, с. 161–162].

Н.Ф. Алефиренко представляет следующую типологию грамматических значений по характеру отношения:

а) «грамматические значения, выражающие отношения между предметами и явлениями внеязыковой действительности (люди – ГЗ множественности, балет – ГЗ муж. р.);

б) грамматические значения, выражающие отношения между языковыми единицами или между языковыми знаками, т. е. грамматические значения, выражающие внутриязыковые отношения (напр., ГЗ падежей: дружба, дружбы, дружбе и т. д.)» [Алефиренко, 2005, с. 213].

Одним из важнейших и спорных является вопрос о фразеологическом значении. На сегодняшний день среди ученых нет единого мнения о сущности фразеологического значения. Одни исследователи считают, что фразеологические единицы обладают лексическим значением, другие отмечают, что фразеологические единицы обладают фразеологическим значением, которое следует рассматривать как особый тип языкового значения.

А.И. Федоров пишет, что «фразеологизмы, в отличие от слов, имеют фразеологическое значение, состоящее из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа, через которое называется денотат и дается его коннотативная характеристика в сигнификате» [Федоров, 1980, с. 15].

Как уже было сказано, неким «связующим» между лексическим и фразеологическим значением является фразеологически связанное значение слова. «Фразеологическое значение содержит в себе диалектически взаимосвязанные элементы наглядно-чувственной и абстрактно-логической мыслительной деятельности человека. Свообразие фразеологического значения проявляется во вторичном воспроизведении языковой картины мира, обогащенном опытом интеллектуально-эмоционального освоения носителями языка соответствующего кусочка действительности» [Алефиренко, Золотых, 2000, с. 129].

По мнению большинства ученых, культурная маркированность лексического значения, значимости проявляется в том, что данные семантические величины способны как отражать те или иные культурные смыслы, так и интерпретировать универсальные кванты знания в соответствии с действующими культурными установками, стереотипами. Лингвокультурологический подход к языку характеризуется пониманием значения как определенным образом категоризованной информации. На сегодняшний день общепризнанным является понимание лексического значения как

системы, состоящей из двух компонентов: *денотативно-сигнификативного и прагматического*.

Денотативный компонент объективирует экстенсионал того или иного понятия, другими словами, указывает на класс явлений, в который входит данный референт, тем самым денотативный компонент показывает, с какой лексико-семантической группой соотносится то или иное значение. Считается, что денотативный компонент значения отражает процессы структурирования языковой картины мира и данные процессы культурно маркированы. Экстенционал значения находит свое отражение в архисеме, поэтому ряд значений имеет культурно маркированную родовую лексическую сему(архисему). Изменения в экстенсионале обусловлены модификацией интенционала, воплощенного в сигнификативном компоненте значения.

Сигнификативный компонент включает часть признаков понятия (представления) о реалии. Сигнификативный компонент объективирует не все признаки, а только те, с помощью которых возможно отличить одно явление от другого. Набор существенных признаков для той или иной лингвокультурной общности в определенное время может быть разным. По мнению исследователей, выбор существенных признаков находится в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей.

Помимо сигнификативного компонента интенционал значения структурируется образным, оценочным, интенсивным микрокомпонентами.

Содержание *образного компонента* (внутренней формы) отсылает говорящего к тому или иному гештальту, сцене, сценарию, фрейму [Алефиренко, 2002, с. 278].

По мнению ученых, процедура определения внутренней формы состоит в буквальном прочтении той или иной единицы. Совокупность однотипных внутренних форм позволяет реконструировать базовый образ, языковую репрезентацию концептуального гештальта, фрейма, скрипта.

Внутренние формы объективируют сложившиеся в лингвокультурной общности представления, вербализуют стереотипы осмысления тех или иных явлений. Н.В. Уфимцева отмечает, что «имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на культурный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре» [Уфимцева, 2000, с. 90]. Так, татарское сознание представляет деньги в цветовой гамме: *ак акча, кара акча*. Стереотипом честно заработанных денег является белый цвет, нечестно – черный.

Культурно-концептуальную значимость внутренних форм подчеркивал В. Гумбольдт, видя подлинную картину хода мысли и сцепления идей [Гумбольдт, 1984, с. 182].

С сигнификативным и образными компонентами тесно связан *интенсивный компонент*. Содержание этого компонента можно представить в виде шкалы, контрпунктами которой будут точки со значением *очень / не очень*. Как утверждают исследователи, интенсификация обусловлена фоновыми знаниями членов лингвокультурной общности или внутренней формой. Другими словами, интенсивная сема культурно маркирована.

С сигнификативным, денотативным, образным компонентами значения связан оценочный компонент. По мнению ученых, оценочный компонент является наиболее сложным в семантической структуре.

Оценка складывается из ряда компонентов.

Субъект оценки, т. е. тот, кто оценивает. В качестве субъекта оценки могут выступать отдельно взятое лицо, лингвокультурная группа или социум. Культурно-языковая личность обладает национальным характером [Попова, Стернин, 2002], особенности которого могут влиять на выбор объекта и оснований оценки.

Объект оценки, т. е. предмет, лицо, событие, которым приписывается определенная ценность. В объекте выделены оцениваемые признаки (аспекты). Объект оценки

культурно маркирован, т. к. выбор того или иного явления или признака для оценки указывает на его актуальность для лингвокультуры.

Сама оценка: хорошо, плохо, безразлично или сравнительная (лучше, хуже, равноценно).

Основание оценки (та или иная культурная установка, стереотип). Основание оценки может быть культурно маркированным, т. к. составляющие ее ментальные категории могут иметь культурно обусловленную природу.

Эмотивный, стилевой, коннотативный компоненты формируют прагматический компонент, который отражает результаты взаимодействия языкового знака и пользователя, выражает отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату.

Эмотивный компонент непосредственно связан с оценочным и образным. Содержание эмотивного компонента составляет эмоциональная реакция на оценку или на оценку и образ [Телия, 1994; Шаховский, 1987]. Содержание эмотивности можно рассмотреть как шкалу одобряю / не одобряю.

По мнению исследователей, эмотивность позволяет более точно охарактеризовать культурно-семасиологическую природу оценки. В зависимости от своей природы оценка обращена к стандартам или к стереотипам. Стандарт – это фиксированный набор типичных признаков того или иного явления. Образная репрезентация стандарта представляет собой стереотип явления или положения дел. Стереотипы могут размещаться на шкале оценок хорошее или плохое.

Культурная маркированность эмотивности обусловлена культурными установками, стандартами, стереотипами, оценкой.

Стилевой компонент несет информацию об уместности / неуместности употребления данного значения в той или речевой ситуации.

Еще одним компонентом прагматического блока значения является *коннотативный компонент* (импликацио-

нал значения), одной из основных составляющих которого является культурная коннотация. Культурная коннотация представляет собой результат интерпретации компонентов значения в ракурсе культурных установок, идеологем, стереотипов. Под культурной коннотацией В.Н. Телия предлагает понимать интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Автор в своей книге «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» определяет коннотацию как «семантическую сущность, узульно илиokkaзионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1996, с. 5].

Таким образом, коннотации неоднородны по своей природе (узуальные иokkaзиональные) и по содержанию (эмотивные, оценочные, экспрессивные). Основная функция коннотации – экспрессивная, воздействующая. По В.Н. Телия, коннотация – это модус к диктуму.

Иное понимание коннотации дает Ю.Д. Апресян в статье «Коннотации как часть прагматики слова». Под коннотацией лексемы он понимает несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него [Апресян, 1995, с. 159].

Коннотации в понимании Ю.Д. Апресяна узуальны, а значит, культурно обусловлены, с точки зрения содержания могут быть логическими (сигнификативными, диктумными) и эмотивными.

По мнению Г.В. Токарева, теории коннотаций В.Н. Телия и Ю.Д. Апресяна не противоречат, а дополняют друг друга. Свою точку зрения автор поясняет, рассмотрев содержательные типы коннотации. Он пишет, что по своему содержанию они могут быть дескриптивными, интенсивными, оценочными, эмотивными.

К дескриптивным коннотациям причисляются, по мысли исследователя, несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности. Дескриптивные коннотации обусловлены фоновыми знаниями, этимологией слова.

Интенсивные коннотации интенсифицируют один из дескриптивных коннотативных признаков. Эксплицированные дескриптивные семы интенсифицируются сопровождающей их семой «очень».

Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками, стереотипами, фоновыми знаниями денотативно-сигнификативного компонента значения либо дескриптивных коннотативных сем. Г.В. Токарев пишет: «Так, значение слова *премия* – «дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за качественное выполнение плана, за превышение обязательных производственных норм, снижение себестоимости продукции и т. д.» – обладает положительными коннотациями, что обусловлено соотнесением денотативно-сигнификативного значения со стереотипами «зарабатывать дополнительные деньги хорошо», «зарплата обычно невысокая, ее всегда не хватает». Указанная оценка порождает положительную эмоциональную реакцию при восприятии данного знака» [Токарев, 2003, с. 77–78].

Таким образом, культурная маркированность коннотаций обусловлена их узуальностью, соотнесенностью с культурно маркированными установками, стереотипами, фоновыми знаниями, культурной спецификой внутренней формы, которая вербализует национальные стереотипы.

Культурная значимость также является еще одним способом хранения культурной информации в языке. Ф. де Соссюр ввел понятие значимости для обозначения места знака в системе, которое определяется на основе противопоставления другим знакам. Под значимостью понимают семантические отношения, возникающие между коррелирующими единицами. Различают следующие типы значимости: лексико-семантическую (синонимические, антонимические, партонимические, гиперо-гипонимические, ассоциативные отношения, тематические группы), синтагматическую, словообразовательную (деривационную) и др.

Ценностную шкалу, наиболее актуальную в той или иной лингвокультурной общности, по мнению ученых, наиболее четко выражает количественный аспект репрезентации того или иного типа значимости.

Выделяют и статистический вид значимости, определяемый частотностью использования в речи языковых единиц [Алефиренко, 1999, с. 58]. А. Вежбицкая указывает значимость частотного показателя лексем для понимания культуры [Вежбицкая, 1999, с. 278].

Таким образом, под культурной значимостью понимаются семантические отношения между языковыми единицами, отражающие аспекты концептуализации, и категоризации культурного знания.

Исследователи утверждают, что культурная значимость может отражать особенности понимания тех или иных аспектов концепта. На актуальность тех или иных явлений указывает ценностно ориентированная значимость. Данный вид значимости репрезентируется численностью единиц в лексико-семантической группе, языковыми лакунами, а также статистической разновидностью значимости. Неактуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума знания выражаются в лексических лакунах.

По мнению В.И. Карасика, «ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому

получает многогранное обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной лексико-семантической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта...» [Карасик, 1996].

В татарском языкознании значительные разработки в области языковых значений сделаны К. Сабириным, Ф.С. Сафиуллиной, Ш.С. Ханбиковой, И.Б. Башировой и др.

Так, например, Ф.С. Сафиуллина, опираясь на труды Б.Н. Головина, выделяет следующие типы значений: лексическое, словообразовательное, грамматическое и стилистическое. Ученый подробно останавливается на лексическом значении и выделяет следующие подтипы лексического значения по нескольким критериям. По отношению к реальным предметам и явлениям Ф.С. Сафиуллина выделяет: номинативное и сигнальное, прямое и переносное, конкретное и абстрактное значения. По отношению лексического значения к мышлению автор выделяет: терминологическое и общее, образное и необразное, эмоциональное и не эмоциональное значения [Сафиуллина, 2001, с. 113].

По различию во взаимоотношениях лексических значений в языковой структуре Ф.С. Сафиуллина выделяет синонимическое и антонимическое, монолексическое и омонимическое, мотивационное и немотивационное, производящее и производное значения [Сафиуллина, 2001, с. 113]. Она пишет, что также существуют свободное и связанное значения.

Автор рассматривает грамматическое значение как значение, произошедшее от объединения лексических значений. Ученый описывает следующие свойства, присущие грамматическому значению:

- 1) свойство обобщения;
- 2) обязательность;
- 3) присуще всем словам, относящимся к одной группе (части речи);
- 4) число грамматических значений конкретно известно;

5) грамматические значения типизированы: они обозначаются определенными в языке средствами (окончания и т.д.) [Сафиуллина, 2001, с. 197].

В своей монографии «Татар әдәби теле. Семасиология» И.Б. Баширова описывает лексическое значение слова, компоненты содержания значения (денотат-сигнификат) и типы значений (объектный, субъектный, структурный). В работе также освещаются вопросы парадигматических, синтагматических, ассоциативно-эпидигматических и когнитивно-концептуальных связей, изучается вопрос распределения лексическо-семантических категорий на основе инвариант-парадигмы. Опираясь на труд В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений», автор рассматривает и типологию лексического значения. И.Б. Баширова выделяет номинативный, фразеологический, функционально-синтаксический типы.

Она отмечает, что в татарском языкознании проблема фразеологически связанного значения обстоятельно не изучена. Ученый утверждает, что в татарском языкознании номинативное и фразеологическое значение изучаются отдельно и только в трудах Г. Ахунзянова высказана мысль о связи (смешении) двух значений.

По мнению И.Б. Башировой, «слово является названием предмета, процесса, знака, отображением разных отношений в сознании человека. У слова есть внешнее звучание (произношение, написание) и внутреннее значение (содержание)» [Баширова, 2010, с. 23]. Как известно, основная функция значения слова – донесение определенной информации. Типы лексического значения связаны с источником данной информации. Следовательно, если слово является названием реального предмета, явления, знака и др., то возникает конкретно-объектный тип значения. В конце XX века многие ученые рассматривают значение слова как название реального предмета. Учеными данный компонент определяется как денотат. И рассматривается как название одного из основных

компонентов лексического значения в современной лингвистике. Денотат означает объективное, номинативное, когнитивное, фактическое, предметное понятие.

В работе И.Б. Баширова также дает определение понятию сигнификат. Если слово является названием нереального, вымышленного человеком понятия, названием отношения, то возникает абстрактно-субъективный тип значения. В данном случае в содержании значения слова особое место занимает компонент мысли-понятия. Ученые определили этот компонент как сигнификат. Итак, сигнификат – демонстрация понятийного содержания языкового знака. Автор считает, что этот термин означает содержание понятия, смысл, концепт, признаки денотата, а также употребляется как название компонента, означающее ядро, сигнификат лексического значения слова.

В данном случае слово можно понять как название нереального предмета. Следовательно, нужно отметить два аспекта в содержании значения слова: денотативный и сигнификативный.

Таким образом, значение языковой единицы (лексической и фразеологической) представляет собой структуру, состоящую из компонентов, несущих разнородную, но взаимосвязанную информацию. Лексическая и фразеологическая семантика отражает культурно маркированные смыслы. Характер семантики языковых единиц позволяет представить структуру культурного концепта.

2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА АКЧА (ДЕНЬГИ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Ключевое слово культурного концепта акча (деньги)

По мнению Д.Н. Шмелева, лексическую единицу языка можно считать «ключевой», если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком [Шмелев, 2002, с. 11].

Изначально понятие «ключевое слово» применялось для статистического анализа единиц текста. После выхода в свет книги А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» [1997] данное понятие широко используется в работах лингвокультурологического плана. По мнению автора монографии, одним из важнейших принципов, связывающих лексический состав языка и культуру, является принцип ключевых слов. А. Вежбицкая пишет, что ключевые слова – это те слова, которые особенно значимы для отдельно взятой культуры.

Г.В. Токарев выделяет главное отличие ключевых слов и квазисимволов – это семантическое. Он считает, что ключевые слова соотносятся с теми или иными референтами, квазисимволы – только с идеями. Как пишет исследователь, различия в семантике определяют функциональную разнородность: «Если квазисимволы организуют вербализованные представления и квазистереотипы того или иного явления, то ключевые слова – ряды референциональных слов» [Токарев, 2003, с. 158].

Ученые утверждают, что ключевые слова характеризуются простым семным составом значений, обуславливающим широкую экстенциональность, общеупотребительность, частотность, свободную сочетаемость.

Ядро репрезентаций того или иного концепта формируют ключевые слова. Формой репрезентации ключевых слов является абстрактное существительное, которое наиболее емко репрезентирует те или иные смыслы. Абстрактное имя имеет синонимы, антонимы, включает в свою семантику концептуальные коннотации, которые передаются при помощи комбинаторики слова.

К ключевому слову концепта *акча* мы относим слово *акча*. Только в работе Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» мы находим более 750 пословиц и поговорок с использованием этого слова и его дериватов, которые позволяют выявить смыслы, установки, ценности, воплощаемые при помощи этого слов.

Эпидигматические, парадигматические (деривационные, синонимические, антонимические) и синтагматические значимости данного ключевого слова отражают процессы концептуализации денег и имеют культурно обусловленный характер.

В дальнейшем проанализируем указанные виды системных отношений, отражающие процессы концептуализации денег.

2.2. Семантико-этимологический анализ многозначного слова *акча* (деньги)

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «концепт представляет собой генетический корень или смысловой эмбрион, экспликация которого осуществляется только путем осмысления формирования семантической структуры слова» [Алефиренко, 2002, с. 226].

Как утверждают исследователи, многозначное слово отражает процессы концептуализации. Изменение главенства

значений в семантической структуре многозначного слова обусловлены изменением ценностной шкалы. Другими словами, появление одних и устаревание других лексико-семантических вариантов, формирование или видоизменение семантического инварианта отражает эволюцию в осмыслении той или иной понятийной категории.

Г.В. Токарев считает, что «если значения многозначного слова соответствуют одной теме, вербализуют одну и ту же сферу действительности, то они репрезентируют один культурный концепт. Культурно-когнитивный потенциал многозначного слова определяется его смысловой континуальностью (проявляющейся в отражении целой сферы действительности) и состоит в том, что оно объективирует процесс концептуализации того или иного явления в исторической перспективе» [Токарев, 2003, с. 160].

Содержание, которое репрезентирует то или иное многозначное слово, представляется в виде фрейма, слоты которого составляют смыслы, вербализованные лексико-семантическими вариантами.

Одним из типов лингвосемиотических рядов является семантический инвариант многозначного слова, представленный интегральными для всех значений семами.

В данной работе источниками рассмотрения процесса концептуализации в аспекте развития станут различные лексикографические источники, которые позволят установить исходную точку в процессе концептуализации денег в татарской культуре, отраженном посредством многозначности ключевых слов. Они также помогут увидеть когнитивные стратегии, особенности осмысления денег и в настоящее время.

Многие исследователи отмечают, что слово *деньги* тюркского происхождения. Так, например, Ю.С. Степанов пишет: «По данным В.О. Ключевского, самая форма его свидетельствует приблизительно об эпохе, когда оно могло появиться в нашем языке (в русском языке. – Ф.К.) – не ранее половины XIII века, ибо слово это тюркского происхождения

и указывает на время, когда денежный оборот на Руси был в зависимости от татар, собиравших подати и пошлины с русского населения» [Ключевский, 1997, с. 582]. Однако, по мнению П.Я. Черных, «может быть, в некоторых современных тюркских языках, оно, наоборот, восходит к рус. *деньга, деньги*. С другой стороны, в прошлом это слово было известно и в некоторых ближневосточных языках, напр., в ст.-перс., могло быть из Ирана занесено на Русь торговыми людьми или путешественниками. Таким образом, о слове *деньги* можно лишь утверждать, что оно чужезычное, заимствованное, по всей видимости с Востока» [Черных, 1993, Т. 1, с. 243]. В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера *деньга* зафиксирована в значениях *tänka* – деньга; серебряная монета.

В тюркских языках *деньги* передаются следующим образом: тат., кирг. алт., тур. *акча*; карач.-балк., уйг., хак. *ахча*; узб. *окча*; казах., к.калп., ног., тув. *акша*; башк. *акĉа*; караим, *ашĉа*, кр-тат. *акъча*, чув. *укĉа* < *окĉа*; в финно-угорских языках: мар. *окса*, удм. *уксё*, морд. *акша*.

Слово *акча* (деньги) зафиксировано уже в древнетюркском языке и имело значения *монета, деньга*. В современном татарском языке в наименованиях денег сохранились древнетюркские основы лексем: *акча* (деньги); *сум* (рубль) от *сон, сом* – слиток золота, серебра, бронзы и счетная единица. В словаре М. Кашгари лексема *сом* зафиксирована в значении слитка. А. Мухамадиев пишет, что в XIV веке лексема *сом*, кроме обозначения слитка серебра, употреблялась и в значении определенного количества (120) серебряных монет [Мухамадиев, 1990, с. 136–137].

В.В. Радловым зафиксированы следующие значения слова *акча* (деньги): *акча* (ак+ча): белый, беловатый; монета; деньги; *акĉй*: монета; деньги; *акша*: беловатый; деньги.

Имеются различные точки зрения на происхождение слова *акча* (деньги). Одни ученые придерживаются мнения, что слово *акча* произошло от слова белый, беленький.

Л.З. Будагов в своих трудах трактует *акча* как уменьшительное от ق и переводит «беленький, монета, серебряная, деньги». В этимологическом словаре В.Э. Севортыяна, отмечается, что *а:кжа* – *акча* является субстантивированным прилагательным *а:кжа~акча* ... «беловатый» с аффиксом *-жа/-ча*, обозначающим неполноту признака в прилагательном $\text{а:к} > \text{ақ}$ «белый» > «серебряный»: ер. аз. *ағ пул* «серебряные деньги». А.Г. Мухамадиев считает: «Вслед за некоторыми авторами, Э.В. Севортыян ошибочно полагает, что *акча* «с самого начала означает серебряную (беловатую) монету». Л.К. Байрамова утверждает, что термин *акча* за редким исключением ни в каком тюркском языке не означает серебряной монеты [Байрамова, 2007, с. 78]. В этимологическом словаре Р.Г. Ахметьянова *акча* трактуется как «деньга, деньги» ист. «единица счета денег», основное значение «как нәрсә» (нечто белое), т. е. «көмеш тәңкә» (серебряная монета) [Ахметьянов, 2001, с. 52]. Автор пишет, что некоторые исследователи считают, что слово *акча* произошло от древнего *агы* «драгоценность, самая дорогая парча». Однако, по мнению самого ученого, данная точка зрения не подтверждена полностью [Ахметьянов, 2003, с. 114].

В книге «Барбаро и Контарини о России» к истории итало-русских связей в XV веке приводится следующий отрывок «Однако раз уж я сказал, что «*tetari*» значит «деньги», я не хочу оставлять недосказанным, что «*tetari*» собственно значит «белый» и в названии этого цвета подразумеваются серебряные деньги, по цвету белые. Греки и теперь еще говорят «аспр», что значит «белый», турки «акча», что также значит «белый», джагатаи – «тенг», равным образом означающее «белый» [Барбаро и Контарини о России, 1974, с. 154].

Существует и другая точка зрения происхождения слова *акча* (деньги). Так, например, Г. Рамстедт возводил *ақса* к уменьшительной форме (афф. *-са*) от древнетюркского *агы* (ау) «сокровище». Так же трактуется это слово и в этимологическом словаре турецкого языка *ағ* – *ағ* – *акса*, связывая

с арабским *hazine* – «сокровище». Ф.А. Ганиев придерживается мнения, что слово *акча* (деньги) (ак + ча) является производным словом, образованным от слов *ак* «драгоценность» и суффикса *-ча*, что, согласно этимологии суффикса *-ча*, выражало значение «подобно драгоценности» [Ганиев, 1974, с. 85].

Из вышеизложенного следует, что до сих пор нет единой точки зрения по этимологии слова *акча* (деньги). Несмотря на то, что большинство ученых придерживаются мнения, что *акча* (деньги) произошло от *ак* (белый), все же, думается, что все точки зрения имеют право на существование.

Что касается семантики слова *акча* (деньги), то в этимологическом словаре тюркских языков Э.В. Севортына лексема *a:қҗа/a:qǰa* представлена в следующих значениях: 1) деньги; деньжонки, денежки; 2) монета; серебряная монета; серебряная или золотая монета; женские украшения из серебряных монет; мелкая монета; грош; 3) финансы; денежные затраты, средства, валюта.

В кыпчакском словаре зафиксирована древняя форма *акча* (деньги) – *ахҗа*, данная лексема также имеет второе значение грош [Гаркавец 2010, с. 56]. В словаре приводятся лексемы *нахт*, *нахд*, *наht*, *наhd*, *наүт*, *наүд* в значениях: 1) наличные деньги, звонкая монета; 2) *перен.* готовый [Гаркавец 2010, с. 999]. Следует отметить, в древней Руси существовала разменная восточная монета стоимостью 0,05 гривны – *ногата*. Ученые считают, что данное слово заимствовано из кыпчакско-крымско-татарск. *нахыт* ~ *нахат* ~ *нахт* «металлическая мелкая монета». В свою очередь тур. *нахт-нахт* в тюркских языках заимствовано из арабского *нақд* (мн. ч. *нақд*) «наличные деньги, звонкая монета».

Описывая товарно-денежные отношения древней Булгарии, В.М. Беркутов выдвигает предположение, что меновой единицей при торговле служили шкурки белок, куниц и т. д. [Беркутов, 1987, с. 35]. По мнению ученого, многие денежные единицы сохранили в себе следы меновой торговли и именно

шкурки белок (тиен) были денежной единицей. Р.Г. Ахметьянов считает, что русское слово *белка* «*тиен*» является калькой от татаро-тюркского *акча* (ак~бел, -ча~ка) [Ахметьянов, 2005, с. 52]. Однако А.Г. Мухамадиев утверждает, что лексема *тиен* произошла от лексемы *тѳгүн* – «клеймо, узел». Он пишет, что слово в значении «копейка» может произноситься кратко: *тин*, а в значении «белка» – нет, видимо, потому что происходит от тейинг – белка [Мухамадиев, 1990, с. 137]. Что касается лексемы *тәнкә* (монета, а также женские украшения из монет, гривны), то ее происхождение связывается с даником или дангой – денежно-весовой единицей в Поволжье (XIV в.) [Мухамадиев, 1990, с. 133, 137].

В современном толковом словаре татарского языка как омонимы представлены следующие значения слова *тиен*: I. белка; II. денежная единица равная одной сотой рубля; деньги, заработанные упорным трудом, в значении богатства.

Значения слов *акча* (деньги) и *тәнкә* (монета) также сохраняются в семантике слов *jarmaq* и *jarmaq*. В древнем источнике XI века, словаре М. Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» в значении слова *акча* (деньги) также указана лексема *дирхем*.

Как видно из словаря М. Кашгари «Диван Лугат ат-Турк», значение слова *монета* представлена семью лексемами: *алтун* – золото; *бакир* – 1) медь; 2) деньги; *банак* – зерно; в некоторых наречиях *банак* – это мелкая монета; *йармак* – дирхем; *йартмак* – в наречии Уйгур то же, что и *йармак* дирхем; *кумуш* – серебро; *уруглуг* – уруглуг алтун – чеканное золото.

Узбекский ученый Х. Дадабаев пишет, что исконно тюркский термин *йармак* в значении *деньги* первоначально зафиксирован в караханидских источниках. Данное слово широко представлено и в других памятниках. Например, в «Тефсире» этот термин употребляется как в смысле *деньги*, так и *монета*. У Рабгузи *йармак* употребляется в смысле *деньги* и *ярмак* (денежная единица). В *Таржумане* это слово обозначает *деньги* (денежная единица). У Алишера Навои *йармак* –

деньги; монета. Ученый предполагает, что первоначальным значением слова *йармак* было *деньги*, а вторичным – *монета*. Автор считает, что «тюркское слово *акча* в значении *монета*, *деньги* впервые наблюдается в древнетюркском енисейском памятнике из долины реки Барык. Караханидские памятники этим термином не располагают, но оно приводится в кыпчакском памятнике «Codex Cumanicus» в значении *деньги*» [Дадабаев, 1991, с. 97–102].

В чувашском языке лексема *акча* (деньги) в фонетическом плане чуть отличается. Чув. *укҫа* в этимологическом словаре чувашского языка В.Г. Егорова представлена в значении *деньги; укҫа-пукча* собир. «деньги»; *акча* «серебряные монеты». В словаре приводится предположение, что слово *акча* образовано от слова *ак* «белый» и аффикса уменьшительности *-ча*, следовательно, *акча* – «нечто беленькое», «беленькая вещичка». Чув. *пукча* = уйг., тур. *богча*, казах. диал. *бокша*, тат. *букча* «сумка», «сумочка», узб. *букча* «тюк», «сверток», «связка»; алт., тел. *покчо* «чемодан»; из перс. (*бугче*) «котомка», «узел», «сверток» [Егоров, 1996, с. 270–271].

Татарский языковед Р.Г. Ахметьянов считает, что происхождение слова *тәңкә* (монета, рубль) спорное. Это слово широко распространено в Азии, похожие слова встречаются и в языках полуострова Индастан. Автор пишет, что, по мнению многих этимологов, данное слово заимствовано из староперсидского языка «*данаг* < др. перс. (греческое написание) *δαναχῆ* «тәңкә»; индонез. *tanggah* < др. перс. «деньги» < перс. *даңги gah* «простые (в обращении) деньги» (др. монг. *tengah* «металлические деньги, деньги»); в средние века в персидском языке *dang* «одна четвертая часть дирхема» (Поппе 1938: 138), *daneg*, *danake*, *danik* – в разных областях различные деньги. Связь между такими словами, как *тәңкә* и *тиен* ~ *тин* очень сомнительна [Ахметьянов, 2015, с. 245].

Талир тәңкә (сокращ. от немецкого *йоахимсталер*) татары называли монету, изготовленную из серебра, добытого

в долине Йоахимсталь. *Талир тәңкә*, отчеканенная в период царствования Екатерины II, представляла собой большую серебряную монету достоинством в один рубль [Беркутов, 1987, с. 48].

В.В. Радлов приводит следующие значения слова *тәңкә* (монета), которые содержатся в семантике слов *тәңкә*: 1) деньги, серебряная монета; 2) рубль; 3) серебряная монета ценностью в двадцать копеек; *теңгә* = *тәңкә*; *тәнкә* = *тәңкә*: монета.

В татарских ханствах деньги обозначались лексемой *дәнге/данга*. В дальнейшем данное слово было заимствовано в русский язык. По мнению А.Г. Мухамадиева, происхождение лексемы *тәңкә* связано со словами *даник* или *данга* [Мухамадиев, 1990, с. 137].

Х.Д. Френ выдвигает несколько предположений о происхождении слова *деньга*: 1) от татарского *тәңкә*; 2) татарского *тамга*; 3) весовой и денежной единицы Востока *даник*. А.Б. Булатов допускает предположение, что *деньга* происходит от *данаг* – слова сасанидских персов VI века [Цит. из книги Рахимовой, 2002, с. 55].

В работе В.М. Беркутова также приводятся некоторые предположения о происхождении монет. Автор ссылается на академика И. Крачковского, который в свою очередь утверждает, что термин «даник», как счетная единица, употребляется только в значении медной монеты [Беркутов, 1987, с. 44].

Как видно из вышеизложенного, история значений показывает, что процессы концептуализации происходят не только под влиянием явлений внешнего мира, но и определяются языковыми матрицами. На ранних этапах развития культуры большое влияние на процессы концептуализации оказывает этимология слова. На более поздних этапах познание в той или иной степени определяется семантическим инвариантом слова.

Сложность, динамичность, многоуровневость концепта, как уже отмечалось ранее, вызывает необходимость обращения

к его ядерной структуре, обеспечивающей относительную стабильность.

Для выявления базовой (ядерной) структуры смысла концепта по традиции обращаемся к толковым словарям. При этом исходим из понимания смысла многозначной лексемы в современной когнитивной семантике как целостного единства всех прямых и переносных значений.

Углубление процессов концептуализации денег отражено количеством лексико-семантических вариантов ключевых слов, точностью их семантизации, формированием смыслов с опорой на смежность.

Далее рассмотрим особенности семантической структуры ключевого слова концепта *акча* (деньги) на современном этапе. Для этого обратимся к толковому словарю татарского языка 1977 года. Слово *акча* (деньги) представлено двумя значениями:

Дәүләт тарафыннан чыгарылган, сату-алуда эйбер бәясенең үлчәве булып хезмәт итә торган металл һәм кәгазь билетлар, (букв. Металлические или бумажные знаки, выпущенные государством, являющиеся мерой стоимости товара в купле-продаже);

күч. Капитал; байлык // кадерле нәрсә. (букв. перен. капитал; богатство // дорогая вещь, что-то дорогое, ценное) [ТТАС, 1977, с. 38].

В данном случае развитие концепта отражено в определении прототипического значения, в роли которого обычно выступает первое (прямое, основное значение). Так, если ранее еще не было четкого понимания в осмыслении денег, то на современном этапе расплывчатость исчезает.

В одномтомном толковом словаре татарского языка также отмечается многозначность слова *акча* (деньги). Семантическая структура данного слова не отражает значительных изменений. В словаре представлено три значения лексемы *акча* (деньги):

Сату-алуда эйбер бәясенең үлчәве булып хезмәт итә торган металл һәм кәгазь билгеләр (букв. Металлические или

бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товара в купле-продаже);

куч. Капитал, байлык (букв. перен. капитал; богатство);

куч. кадерле нэрсэ (букв. перен. дорогая вещь, что-то дорогое, ценное) [ТТАС, 2005, с. 30].

Из вышеприведенного можно заключить, что в однотоном толковом словаре татарского языка в качестве отдельного значения выделилось третье значение «кадерле нэрсэ» (букв. дорогая вещь, что-то дорогое, ценное), что в свою очередь, свидетельствует о расширении объема значения слова *акча* (деньги).

Анализ толкований лексемы *деньги* позволил выявить основу ее семантики, состоящую из категориально-лексической семы «металлические или бумажные знаки» + конкретизирующей семы – «являющиеся мерой стоимости товара в купле-продаже». Дальнейшая конкретизация этого понятия осуществляется на уровне вторичных значений *капитал*, *богатство*, *ценность*.

Таким образом, деньги в языковом сознании татарского народа на данном культурно-историческом срезе интерпретируются не только как бумажные и металлические знаки, но и как богатство и ценность.

Укажем особенности семантической структуры другого репрезентанта концепта *акча* – слова *тәңкә* (монета). В трехтомном толковом словаре татарского языка слово *тәңкә* репрезентируется пятью значениями:

Ясы түгәрәк алтын яки көмеш акча (букв. Плоские круглые золотые или серебряные деньги);

сөйл. к. сум (букв. разг. рубль);

Кайбер умырткалы хайваннарның, балыкларның, еланнарның тәннәрен саклый торган түгәрәк сыман юка мөгез матдә. || Кайбер төр агач кәүсәләренәң кабыгын яки нарат, чыршы күркәләрен тәшкит иткән вак юка түгәрәк; кабырчык, (букв. округлое тонкое роговое вещество, защищающее тело некоторых позвоночных животных, рыб, змей) || (букв.

мелкий тонкий круг (окружность), раковина (твердая чешуя), образующая кору стволов некоторых видов деревьев или шишек сосны, ели);

Ваграк кына юка жиз яки калай түгэрэк || Сыеклык өстендә май, бензин һ. б. ш. ларның вак түгэрэк элпәсе яки кояш, ай һ. б. ш. утының кечерэк түгэрэк рәвешендәге чагылышы, (*букв.* Мелкий тонкий медный (латунный) или железный круг || (*букв.* маленькая круглая пленка на поверхности масла, бензина и т. д. или отражение света солнца, луны в виде маленького круга);

с. мәгъ. шигъ. Вак йолдызча сыман, яссы һәм нәфис (яфрактлар, кар бөртекләре турында) || Вак, юка түгэрэк, (*букв.* Мелкий звездообразный, плоский и изящный (о листьях, снежинках) || (*букв.* Мелкий, тонкий круг) [ТТАС 1981: 239].

Как видим, лексема *тәңкә* (монета) является многозначной. Основное номинативное значение вербализуется посредством синонима *акча* (деньги). Лексико-семантические варианты слова *тәңкә* (монета) обозначают деньги, рубль, тонкое роговое вещество, тонкий круг, маленькая пленка, маленький, тонкий круг.

В однотономном толковом словаре татарского языка лексема *тәңкә* (монета) также представлена пятью значениями, однако здесь можно наблюдать динамику содержания значения данного слова:

1. Яссы түгэрэк металл акча (*букв.* плоские круглые металлические деньги);

2. *Сөйл. к.* сум (*букв.* рубль);

3. Казахстанның төп акча берәмлеге (*букв.* основная денежная единица Казахстана);

4. Түгэрэк металл акчага охшаш нәрсәләр турында (*букв.* О вещах похожих на круглые металлические деньги);

5. *Сөйл. к.* чулпы (*букв.* наконик) [ТТАС, 2005, с. 588].

Лексико-семантические варианты данной лексемы следующие: металлические деньги, рубль, денежная единица Казахстана, круглые деньги, наконик. Семантический инва-

риант формирует сема «металлические деньги». В современном толковом словаре татарского языка исчезли такие значения, как «округлое тонкое роговое вещество, защищающее тело некоторых позвоночных животных, рыб, змей»; «мелкий тонкий круг (окружность), раковина (твердая чешуя), образующая кору стволов некоторых видов деревьев или шишек сосны, ели»; «мелкий тонкий медный (латунный) или железный круг»; «маленькая круглая пленка на поверхности масла, бензина и т. д. или отражение света солнца, луны в виде маленького круга»; «мелкий звездообразный, плоский и изящный (о листьях, снежинках)». Появились новые значения: «основная денежная единица Казахстана», «о вещах, похожих на круглые металлические деньги», «накосник». Данный феномен можно объяснить социальными и экономическими изменениями, произошедшими в обществе, а следовательно, и в языке.

Из вышеизложенного следует, что слова *акча* (деньги) и *таңка* (монета) имеют тождественные признаки: металлические деньги, денежная единица.

Таким образом, семантико-этимологический анализ этих слов позволил выделить этимоны данных слов, проследить эволюцию формы и динамику развития значения ключевого слова концепта *акча* (деньги) и его репрезентантов в татарском языке.

2.3. Вербализация процессов осмысления денег синонимическими рядами и антонимическими оппозициями

Будучи одним из основных языковых средств, синонимия отражает результаты процессов концептуализации. Актуальность изучения синонимов в лингвокультурологическом направлении подчеркивалась многими учеными, среди которых В.В. Колесов, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Никитина, А.А. Уфимцева и др.

В татарском языкознании проблемам синонимии посвятили свои труды В. Хангильдин, Ш.А. Рамазанов, Ш.С. Ханбикова, К.С. Сабиров, Г.Х. Ахатов, Ф.С. Сафиуллина и др. Проблемы синонимии в контексте понятия концепт рассматриваются в монографиях и статьях Л.К. Байрамовой, И.Б. Башировой, Р.Р. Замалетдинова, Ф.К. Сагдеевой и др.

Так, например, Ш.С. Ханбикова считает, что «синоним – явление языка. Используется как лексико-семантическая категория в речи, при общении, понимании у определенного народа, разговаривающего на определенном языке» [Ханбикова, 1980, с. 30]. Автор определяет синонимы как «слова с общим значением, отличающиеся оттенками значения, стилистической окраской и особенностями употребления» [Ханбикова, 1980, с. 30].

Главным объектом лексической синонимии является изучение синонимии слова и значений слова. Ш.С. Ханбикова, основываясь на теорию компонентов семантики слова, раскрывает сущность синонимии: «ядро, отражающее понятие значения слова, остается неизменным, является общим для одного или двух слов, то или иное слово оказывает давление на один из компонентов, находящихся вне ядра. Таким образом, в языке образуются синонимические пары с общим значением, т. е. синонимы – слова, отличающиеся оттенками» [Ханбикова, 1980, с. 10–11].

Автор по семантической классификации подразделяет синонимы на два типа: 1) идеографические и 2) абсолютные синонимы [Ханбикова, 1980, с. 102–105].

Идеографические синонимы, по мнению ученого, играют огромную роль в полной и точной передаче мысли. Данный тип синонимов не ограничивается только правильной и точной передачей понятия, но также конкретизирует, помогает точно и в то же время кратко объяснить мысль [Ханбикова, 1980, с. 106].

Ш.С. Ханбикова основными особенностями абсолютных синонимов определяет: «1) семантическое равенство, 2) сти-

листическая нейтральность, в них нет экспрессивно-эмоциональных оттенков, 3) абсолютные синонимы являются синхроническим явлением в языке» [Ханбикова, 1980, с. 113].

На сегодняшний день, по мнению Н.А. Алефиренко, наметились три основных подхода к изучению синонимии: «денотативный (А.А. Реформатский, Н.Г. Комлев), *сигнификативный* (Р.А. Будагов, Л.А. Новиков) и *структурный* (Л.А. Булаховский, Ю.Д. Апресян)» [Алефиренко, 2010, с. 217]. Автор, раскрывая сущность каждого подхода, пишет, что в денотативном подходе «синонимичность слов определяется по их денотативной общности», и синонимами являются все слова, способные назвать одну и ту же реалию в том или ином контексте. Определения синонимии на сигнификативной основе, по мнению ученого, следует признать размытыми.

Н.А. Алефиренко считает, что ни один из вышеуказанных подходов не в состоянии определить сущность синонимии. Однако он утверждает, что ведущими подходами выступают первые два: денотативный и сигнификативный.

По мнению Р.М. Скорняковой, «синонимия отражает различные грани, аспекты одного и того же концепта с точки зрения его содержательной и эмоционально-оценочной специфики» [Скорнякова, 2006, с. 55]. В.Г. Вилюман справедливо отмечает, что «семантическая специфика синонимов состоит в том, что они характеризуются тождеством денотативного компонента значения и возможностью варьирования сигнификативного и прагматического компонентов» [Вилюман, 1989, с. 10]. Тождество денотативного компонента значения синонимов заключается в том, что они представляют один и тот же референт, который получает отражение в нашем сознании в виде денотата [Алефиренко, 1999, с. 37].

Татарский языковед И.Б. Баширова, говоря о компонентах содержания значений слова, считает, что нужно иметь в виду два элемента: денотативную и сигнификативную часть: «а) сүзнец реаль чынбарлыктагы үзе атый торган предметы

белән бэйле булган логик-предметлы денотатив өлеше (логико-предметная денотативная часть); б) сүзнец аң – фикер эшчәнлегенә бэйле булган төшенчә – сигнификатлы өлеше (сигнификативная часть) [Бәширова, 2010, с. 269]. По мнению автора, «ядро значения слова подразделяясь на: а) связанный с реальностью логико-предметный – денотат и б) связанный с работой мысли – сигнификат, означает необходимость рассматривать синонимы с конкретным значением и абстрактным значением» [Бәширова, 2010, с. 270].

Н.А. Алефиренко различает следующие виды синонимии:

а) синонимию по денотату, когда у слов совпадает предмет обозначения, но не понятия;

б) синонимы по сигнификату отличаются друг от друга лишь каким-то признаком в пределах одного понятия» [Алефиренко, 2010, с. 218].

По мнению ученого, под синонимами следует понимать слова, «обладающие признаками семантической общности денотативного и сигнификативного характера». Н.А. Алефиренко пишет, что для определения синонимичности необходимы критерии, которыми традиционно выступают «близость значений» и «взаимозаменяемость». Однако он считает, что данные словосочетания не являются однозначными. Автор пишет, что заслуживает внимания опыт, согласно которому основным принципом синонимии предлагается считать «тождество отдельных смысловых компонентов, называемых семантическими вариантами, а не тождество слов во всем объеме их семантических структур» [Алефиренко, 2010, с. 219]. По такому принципу синонимами будут лишь близкие по смыслу лексические единицы, которые обладают хотя бы одним общим семантическим вариантом.

Н.А. Алефиренко отмечает, что «степень семантической близости используется не только для отграничения синонимов от не синонимов, но и для построения синонимического ряда» [Алефиренко, 2010, с. 220]. Ученый определяет синонимический ряд как «группу синонимичных слов, располо-

женных по степени уменьшения их семантической близости» [Алефиренко, 2010, с. 220]. Во главе синонимического ряда стоит слово – доминанта, «стилистически нейтральное и наиболее емкое семантической структурой».

По мнению И.Б. Башировой, все слова, находящиеся в синонимических отношениях, образуют синонимический ряд или синонимическое гнездо. Автор отмечает, что на сегодняшний день в татарском языке существуют пять критериев определения синонимичности слов. Среди данных критериев можно выделить: «а) лексическое значение, б) логическое понятие, в) грамматическое строение, г) стилистическое употребление, д) общественная (социальная) реальность (синхронное состояние языка)» [Баширова, 2010, с. 284].

По особенностям употребления синонимы могут вербализоваться по грамматическим структурам, по взаимосвязи (отношений) значений и по семантико-стилистическому основанию. По семантико-стилистическому типу синонимы подразделяются: на семантические и стилистические. Семантическая классификация основывается на схожести значений, стилистическая классификация обращает внимание на наличие стилистических оттенков [Баширова, 2010, с. 288].

По особенностям употребления синонимы могут вербализоваться по грамматическим структурам, по взаимосвязи (отношений) значений и по семантико-стилистическому основанию. По семантико-стилистическому типу синонимы подразделяются на семантические и стилистические. Семантическая классификация основывается на схожести значений, стилистическая классификация обращает внимание на наличие стилистических оттенков [Баширова, 2010, с. 288].

Автор отмечает, что в каждом синонимическом ряду есть синоним – доминанта, характеризующийся простым семным составом. Природа слова-доминанта определяется следующим образом: «а) отношением к другим словам в синонимическом ряду, отображением в себе отдельных знаков других слов; б) будучи в составе ряда, характер активный, открытый;

в) по сравнению с другими словами стилистика нейтральная; г) номинативное значение» [Бәширова, 2010, с. 284].

Синонимы группируются в ряды или парадигмы (лексико-семантические группы). В лингвокультурологическом аспекте синонимический ряд, по мнению исследователей, можно представить как разновидность лингво-семиотического ряда. В.В. Колесов пишет: «семантическая доминанта, на основе которой строится <...> синонимический ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному «образу»-представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры» [Колесов, 1999, с. 205]. Как считает Г.В. Токарев, такой подход отражает культурно-когнитивный аспект синонимии. Автор отмечает, что «синонимы рассматриваются как вариативные презентации концепта, т. е. анализ синонимических рядов призван решить задачи, как и какие особенности процесса концептуализации репрезентирует данное языковое явление» [Токарев, 2003, с. 178].

Синоним-доминанта, стоящий во главе синонимического ряда, характеризуется простым семным составом, что «находит свое отражение в широкой экстенциональности, неограниченном употреблении, номинативной функции, общепотребительности и регулярности значения» [Токарев, 2003, с. 178]. В нашем случае на роль доминанты претендует ключевое слово *акча*.

Рассмотрим синонимический ряд слов, объединенных значением *акча* (деньги), на основе изучения семантических схождений и расхождений среди членов синонимического ряда. Следует подчеркнуть, исследуемый нами синонимический ряд выделен методом сплошной выборки из современных лексиграфических источников татарского языка.

Как уже было сказано, в толковом словаре татарского языка представлено три значения лексем *акча* и пять значений слова *тәңкә*.

Далее определим слова, которые в своей семантике также содержат значение *акча*.

Тиен – 1. Сумның йөздән бер өлешенә тигез акча берәмлеге (*букв.* денежная единица, равная одной сотой рубля); 2. Зур физик көч куеп тапкан акча, байлык мәгънәсендә (*букв.* в значении денег, богатства, заработанных очень большим физическим трудом).

Сум – 1. Россиядә: йөз тиенгә тигез булган төп акча берәмлеге (*букв.* в России: основная денежная единица, равная ста копейкам); 2. Шушы кыйммәткә ия булган кәгазь яки металл акча (*букв.* бумажные или металлические деньги, обладающие данной ценностью).

Монета – металл акча (металлические деньги).

Сәмән – *гади* акча (деньги).

Алтын – *жый. ис. мәгъ.* Шушы металлдан эшлэнгән (коелган) акча яки затлы нәрсә (*букв.* деньги или что-то ценное, сделанное (литое) из данного металла).

Көмеш – *сөйл.* Төп өлеше көмештән гыйбарәт акча; хәзерге көндә нигездә никельдән гыйбарәт вак акча (*букв.* деньги, основная часть которых состоит из серебра; на сегодняшний день мелочь, состоящая в основном из никеля).

Бакыр – *күч. сөйл.* Бакыр тәңкәләр, вак акча (*букв.* медные монеты, мелочь).

Капитал – акча байлыгы, байлык (*букв.* денежное богатство, богатство).

Байлык – тупланган мал, жыелган кыйммәтләр (*букв.* накопленное имущество, ценности).

Мал – байлык, милек. Табыш, керем, акча. Нин. б. кыйммәтле яки файдага яраклы эйбер тур (*букв.* богатство, имущество. Прибыль, доход, деньги. О какой-нибудь дорогой или выгодной (прибыльной) вещи).

Керем – Нинди булса эшчәнлек нәтижәсендә алына торган акча һәм матди кыйммәт, табыш (*букв.* деньги и материальная ценность, которую получают в результате какой-нибудь деятельности, доход).

Файда – Керемнең тотылган чыгымнан артып калган өлеше; акчалата керем, табыш (букв. часть дохода, оставшаяся после расхода; денежная прибыль, доход).

Сравнивая толкования слов, можно сказать, что для слов *сәмән, тәңкә, тиен, сум, көмеш, алтын, бакыр, керем* общим компонентом значения является слово *акча*. В семантике слов *тәңкә, тиен, сум* общим компонентом значения является *акча берәмлеге* (денежная единица), а у *капитал* и *мал* – *байлык* (богатство). При сравнении и анализе значений слов можно заметить, что слова могут толковаться и друг через друга. Например, *тәңкә* (биш тәңкә акча) – *сум* (ун сум акча)

	Акча	Сәмән	Тәңкә	Тиен	Сум	Көмеш	Алтын	Бакыр	Капитал	Мал	Файда	Керем	Байлык	Монета
Акча														
Сәмән	+													
Тәңкә	+				+								+	
Тиен	+												+	
Сум	+													
Көмеш	+													
Алтын	+													
Бакыр	+		+											
Капитал													+	
Мал													+	
Файда												+		
Керем	+													
Байлык										+				
Монета														

В вышеприведенной таблице по вертикали представлены слова, а по горизонтали – их семантические компоненты. Несложно заметить, что если слово *тәңкә* трактуется словом *сум*, следовательно, слово *сум* семантически связано со сло-

вом *тэңкэ*. Несмотря на определенную схожесть в значениях, все же значения данных слов не покрывают друг друга. Полученную связь слов в таблице отмечаем «+». Слово, имеющее больше всего знаков «+», является доминантой синонимического ряда.

Как видим, между словами имеются определенные точки соприкосновения. Однако значение одного слова не покрывает значение другого. Таким образом, в данном синонимическом ряду можно наблюдать следующие семантические ряды слов: непосредственную связь: слово *акча* (деньги) является компонентом значения другого; опосредованную: через общий семантический компонент.

К семантическим средствам, которые интерпретируют процессы концептуализации и категоризации, относятся и антонимические парадигмы.

О.С. Ахманова определяет антонимы как: «1) слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению (*хороший – плохой, близкий далекий, добро – зло, беднеть – богатеть*); 2) слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (*брат-сестра*), как обозначающие противоположно направленное действие (*уходить – приходить*) [Ахманова, 1969, с. 50].

А.А. Уфимцева считает, что «антонимические противопоставления конструируют особую подсистему в составе лексико-семантической системы языка» [Уфимцева, 1962, с. 43].

В.Ф. Петренко считает, что «универсальной формой, к которой тяготеет человеческое сознание при категоризации мира, является принцип бинарности, который находит свое законченное воплощение в языковой бинарной нормативности – антонимии [Петренко, 1990, с. 28].

В данной работе мы разделяем точку зрения Л.А. Новикова, который утверждает, что «предметы и их свойства «противоположны» не сами по себе, не по своему денотативному значению, а как результат вербального осмысления,

оценки, включения в систему языка, в группы слов, обозначающих то же самое качество, свойство, отношение и т. п.» [Новиков, 1973, с. 56].

В татарском языкознании вопросы антонимии затрагивались в работах Г.Х. Ахатова, Ш.С. Ханбиковой, Л.Г. Хабибова, Ф.С. Сафиуллиной, И.Б. Башировой и др.

Рассматривая типологию антонимов, следует отметить, что в лингвистической литературе, существует несколько классификаций антонимов. Например, В.Н. Комиссаров подразделял антонимы на корневые и аффиксальные (1964), Л.А. Новиков – на разнокорневые (лексические), однокорневые (грамматические) и энантиосемию (внутрисловную антонимию) (1973), Г.Х. Ахатов делит антонимы на корневые, производные (аффиксальные) и антонимические парные слова (1975).

Л.Г. Хабибов в своей работе пишет, что «исходя из формальной и содержательной стороны антонимов татарского языка, их можно разделить по структурной выраженности на разнокорневые (лексические), однокорневые (грамматические), энантиосемию (внутрисловную антонимию) и на фразеологические, а по семантической принадлежности – на тематические группы» [Хабибов, 1984, с. 67].

По мнению многих ученых, проблема изучения лексической и фразеологической антонимии является одной из самых актуальных, т. к. изучаются не только системные отношения в лексике, но и развивается лексикография.

Л.Г. Хабибов выделяет два основных направления в понимании антонимии: логико-понятийное и лингвистическое. Автор пишет, что представители первого направления в качестве основы логико-понятийного направления принимают положение, по которому «логическая контрастность видовых понятий находит свое выражение в языке в лексическом значении слов-антонимов». Представители второго направления понимают под антонимом слова с «противоположным значением» [Хабибов, 1984, с. 16].

Ученые подразделяют понятия на сравнимые и несравнимые. Сравнимые понятия подразделяются на совместимые и несовместимые. Под совместимыми понятиями подразумеваются понятия, объемы которых совпадают полностью, в свою очередь, в несовместимых понятиях объемы понятий не совпадают, а лишь подводятся под одно ближайшее понятие. Разновидностями несовместимых понятий являются противоположные и противоречащие понятия [Кондаков, 1975, с. 387, 556, 569].

Н.И. Кондаков пишет, что противоречащие понятия заполняют весь объем родового понятия и противопоставленность в таких понятиях является несильной, ослабленной. Например, *акчалы* (денежный) и *акчалы түгел* (не денежный).

Противоположные понятия, напротив, не заполняют всего объема родового понятия [Кондаков, 1975, с. 486]. Например, *акчалы* (денежный, с деньгами) и *акчасыз* (безденежный, без денег).

Л.Г. Хабибов пишет, что оппозиция *противоположное противоречащее* «может выражать отношения сравнимых несовместимых противоположных (контрарных) понятий, между объемами которых, возможно, и существует среднее, промежуточное понятие. Например, *ак* (белый) – *соры* (серый) – *зәңгәр* (голубой) – *кара* (черный) [Хабибов, 1984, с. 21]. Автор считает, что главной отличительной чертой противоположных понятий от противоречащих понятий является то, что они характеризуются положительным содержанием, «т. е. несут в себе нечто положительное взамен отрицаемого» [Хабибов, 1984, с. 21].

По мнению Н.А. Алефиренко, «слова в противоположными значениями образуют бинарные (двучленные) ряды» [Алефиренко, 2010, с. 222]. Такие слова принято называть антонимическими рядами или антонимическими парами.

Неоднозначное содержание понятия «противоположность» явилась причиной выделения учеными следующих семантических типов антонимов:

– «антонимы, выражающие контрарную противоположность типа трудный – нетрудный, нелегкий – легкий»;

– антонимы, выражающие комплементарную (дополнительную) противоположность, когда отрицание одного является утверждением другого: можно – нельзя, болен – здоров;

– антонимы, выражающие векторную противоположность, т. е. взаимопротивоположную направленность: любить – разлюбить, сторонник – противник и др. [Алефиренко, 2010, с. 222–223].

Антонимы, выражающие контрарную противоположность, обозначают постепенные изменения качеств, свойств или признаков. Антонимы, выражающие комплементарную противоположность образуют бинарные ряды, что, таким образом, дает следующее: значение одного слова получается отрицанием одного члена оппозиции. «Векторные антонимы были выделены в отдельный семантический тип в результате расширения понятия антонимии за счет однокоренных образований» [Алефиренко, 2010, с. 223].

Изучение сочетаемости антонимов в своих трудах рассматривал и Л.А. Новиков. По мнению ученого, «языковая антонимия теснейшим образом связана с лексической сочетаемостью слов, т. к. семантика слов реализуется во вполне определенных связях его с другими словами» [Новиков, 1966, с. 81–83]. По мнению автора, сущность антонимии заключается в сочетании слов с одними и теми же словами.

Д.Н. Шмелев отмечает: «Когда речь идет о сочетаемости слов в первую очередь необходимо определить, в какой степени эта сочетаемость диктуется предметно-логическими связями действительности и в какой степени она ограничена определенными правилами и закономерностями сочетания слов, существующими в языке» [Шмелев, 1967, с. 97].

Л.Г. Хабибов пишет, что существенным признаком антонимии является бинарность. «Диалектика противоположных значений заключается в том, что они не только исключают, но и обуславливают, предопределяют друг друга» [Хабибов,

1984, с. 31]. Из вышеизложенного следует, что антонимам свойственно не только различие, но и сходство.

Антономическая оппозиция в своей основе имеет интегральный признак. Он является семантическим отражением смысла, который подвергается детализации, дифференциации на составляющие, которые осмысляются как противоположные .

Ключевое слово концепта *акча* (деньги) не зафиксировано в словаре антонимов татарского языка. Однако в словаре зафиксированы производные от данного слова – *акчалы* – *акчасыз*. Как показывает анализируемый материал, в татарском языке члены одного синонимического ряда вступают в антономические отношения со словами другого ряда.

<i>акчалы</i>	<i>акчасыз</i>
<i>бай</i> (богатый)	<i>хәерче, ярлы</i> (бедный, нищий)
<i>хәлле</i> (зажиточный, состоятельный)	<i>хәлсез</i> (бедный, нищий, разоренный)
<i>маллы</i> (состоятельный, богатый)	<i>малсыз</i> (не состоятельный, не имеющий достатка)
<i>дәүләтле</i> (богатый, состоятельный)	<i>ярлы</i> (нищий)
<i>барлыклы</i> (имущий, зажиточный)	<i>юклыклы</i> (неимущий, бедный)
<i>барлы</i> (имущий, состоятельный)	<i>юклы</i> (бедный, нищий)
<i>житешле</i> (обеспеченный, зажиточный; в достатке)	<i>житешсез</i> (необеспеченный; недостаток)
<i>житкекле</i> (с достатком, зажиточный, безбедный)	<i>житкекесез</i> (необеспеченный, бедный)
<i>бар</i>	<i>юк</i>
<i>мөлкәтле</i> (состоятельный, зажиточный)	<i>мөлкәтсез</i> (несостоятельный, небогатый)
<i>муллык</i> (богатство, достаток)	<i>мохтажлык</i> (нужда, бедство)

Основная когнитивная стратегия, вербализованная подобными антонимичными сочетаниями слов, сводится к следующему: деньги имеют две стороны, одна положительно

интерпретируемая, соответствующая культурным установкам, другая – отрицательно, не соответствующая.

Многие ученые также обратили внимание на соотносительность антонимов и лексического значения. «Данный признак определяется принадлежностью антонимической пары к одному семантическому полю» [Хабибов, 1984, с. 38].

Так, например, антонимическая пара *акчалы* – *акчасыз* (денежный – безденежный) имеет следующие значения:

<i>акчалы</i>	<i>акчасыз</i>
1. Акчасы бар, акчага бай, дэүләтле (<i>букв.</i> Есть деньги, богатый, состоятельный)	1. Акчасы юк, сәрмаясыз (безденежный, без средств)
2. Түләүле, акчалата түли торган (<i>букв.</i> Платный, оплачиваемый деньгами)	2. <i>ис. мәгъ.</i> Акчасы булмаган (безденежный)
	3. <i>рәв. мәгъ.</i> Бушлай, бушка, түләүсез (бесплатно, за даром, бесплатный)

В значении данной антонимической пары соотносительным элементом является материальное положение.

Таким образом, синонимические и антонимические отношения являются одним из средств вербализации концепта *акча* (деньги). Анализ языкового материала показывает, что синонимические ряды и антонимические пары слов могут определяться в качестве смысловых многомерных объединений.

2.4. Словообразовательная деривация как способ концептуализации денег

В последнее время изучение словообразовательных единиц находится в поле пристального внимания лингвокультурологов и когнитологов. Проблема словообразования освещается в трудах таких ученых, как Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, О.Ю. Крючкова,

М.А. Осадчий и др. В тюркском и татарском языкознании вопросам словообразования посвятили свои труды такие ученые, как И. Гиганов, И. Хальфин, М. Иванов, А. Казем-Бек, Г. Махмудов, К. Насыри, Х. Фейзханов, А. Максуди, Ш. Иманаев, Г. Нугайбек, Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Г. Алпаров, Х. Бадигов, А.Н. Кононов, В.И. Хангильдин, Н.А. Баскаков, Э.Р. Тенишев, Э.В. Севортян, Ф.С. Фасеев, Т.М. Гарипов, Д.Г. Тумашева, М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, К.Г. Ишбаев, И.И. Сабитова и др.

Понятие деривация в словаре лингвистических терминов определяется как «образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дезаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [Ахманова, 1969, с. 129]. Таким образом, понятие деривация соотносится с понятием словообразование, т. к. последнее определяется как «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям, включающим правила чередования звуков, определяющим тот или иной характер соединения и т.п.» [Ахманова, 1969, с. 424]. Следовательно, понятие деривация (являющееся одним из способов словообразования) и словообразование соотносимы, т. к. оба термина обозначают образование новых слов посредством аффиксов по определенным словообразовательным моделям.

Словообразование в определенной степени является индикатором национально-культурной специфики определенного народа. Так, Е.С. Кубрякова рассматривает словообразование как систему отражения знаний и опыта человека, «т. е. их «упаковки» в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» [Кубрякова, 2004, с. 393]. Автор определяет языковые формы как производное слово и считает целесообразным рассматривать их как «единицы хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» [Кубрякова, 2004, с. 393].

Первоначально ученые выделяли только один способ словообразования – суффиксацию. И. Гиганов, М. Иванов, Г. Махмутов, К. Насыри и др. писали о двух способах словообразования: суффиксация и словосложение. В трудах Х. Бадигова, Дж. Валиди, Г. Алпарова рассматриваются проблемы словообразования, изучаются производные и непроизводные суффиксы. Так, Г. Алпаров выделяет три типа словообразования: фонетический, синтаксический и морфологический. Позднее в своих исследованиях В.Н. Хангильдин выделил четвертый способ – семантический. Исследования словообразования татарского языка были продолжены в трудах Д.Г. Тумашевой, Ф.С. Фасеева и др. Д.Г. Тумашева в своей монографии, наряду с общепринятыми способами, вслед за В.Н. Хангильдиным выделяет лексико-семантический способ словообразования.

Значительный вклад в изучение проблем татарского словообразования внес известный ученый Ф.А. Ганиев. В своих исследованиях он дает подробную классификацию способов словообразования в татарском языке и устанавливает 8 способов словообразования, в то время как до его исследований приводились 4–5 способов. Автор определяет следующие способы словообразования:

– фонетический; данный вид словообразования предусматривает чередование звуков в слове, опущение отдельных звуков, перенос ударения и т.д. По мнению Ф.А. Ганиева, фонетический способ словообразования был продуктивным на раннем этапе развития татарского языка, однако сейчас слова по этому способу образуются крайне редко;

– суффиксальный; в современном татарском языке данный способ словообразования предусматривает образование новых слов при помощи суффиксов;

– словосложение; способ словообразования, предполагающий соединения двух или нескольких основ или корней в одном сложном слове. Ф.А. Ганиев считает, что словосложение в татарском языке является также одним из продуктивных способов

словообразования. Однако нужно учесть, что продуктивность является неодинаковой по отдельным частям речи;

– переход словосочетаний в сложные слова без суффиксации (лексикализация словосочетаний);

– переход словосочетаний в сложные слова при одновременной их суффиксации (лексикализация словосочетаний);

– конверсия; данный способ словообразования также упоминается как лексико-грамматический способ, предусматривающий образование нового слова путем перехода одной части речи в другую часть речи;

– лексико-семантический; по мнению ученого, данный тип словообразования представляет собой «образование нового слова, новой материальной лексической единицы путем семантического расщепления одного слова на омонимы» [Ганиев, 1974, с. 36]. В нашем случае *тиен* (копейка), *тиен* (белка); *сум* (рубль), *сум* (мясо, мякоть).

– аббревиация; словообразование, осуществляющееся путем сложения начальных морфем, букв словосочетания [Татар грамматикасы, 1998, с. 208; Ганиев, 2005, с. 4].

По мнению И.И. Сабитовой, актуальными проблемами дериватологии всех тюркских языков являются: «Детальное изучение словообразования, выявление массива производных и непроизводных слов...» [Сабитова, 2002, с. 22].

Как показывает анализируемый материал, не все способы словообразования в одинаковой степени участвуют в концептуализации *акча* (деньги). Наиболее продуктивным является суффиксальный способ.

В настоящее время в татарском языкознании суффиксы подразделяются на производительные и непроизводительные. Суффиксы, образующие новые слова, являются производительными. Например, *-чы/-че*, *-лык/-лек* – *кибетче* – *продавец* и др. Суффиксы, не образующие новые слова, являются непроизводительными.

Рассмотрим производные суффиксы, которые образуют новые слова с лексемой *акча* (деньги). Само слово *акча*

(деньги) образовано при присоединении суффикса *-ча* к основе *ак*. Образуется новое значение другого предмета: *ак* (белый, беленький, драгоценность и т.д.) + *-ча* = *акча* (деньги). В данном случае словообразовательный суффикс является простым и состоит из одного суффикса.

При слиянии существительного *акча* (деньги) и производительного суффикса *-лата* образуется наречие образа действия *акчалата* (деньгами).

Суффикс *-лы* при присоединении к абстрактному существительному *акча* (деньги) образует прилагательное *акчалы* (денежный; с деньгами, при деньгах).

Суффикс *-сыз*, присоединяясь к основе *акча* (деньги), образует прилагательное *акчасыз* (без денег, не при деньгах; бесплатный, бесплатно). Словообразующий суффикс *-сыз* является антонимом суффикса *-лы*. При присоединении к одной и той же производящей основе данные суффиксы выражают антонимичные значения: *акчалы* (с деньгами, при деньгах) *акчасыз* (без денег).

Сложный суффикс *-сызлык* выражает недостаток в средствах, финансах, деньгах. *Акча (деньги)* + *-сызлык* = *акчасызлык* (безденежье). Таким образом, абстрактное существительное *акча* (деньги) в татарском языке концептуализируется следующими словообразовательными суффиксами: *-лы*, *-лата*, *-сыз*, *-сызлык*.

Многие исследователи считают, что значительную ценность при выявлении концептуального содержания языковых единиц имеет всесторонний анализ словообразовательных микросистем (гнезд, категорий, парадигм), которые включены в сферу изучаемого концепта. Будучи комплексными единицами словообразования (словообразовательные типы, категорий, гнезда), они могут быть осмыслены как «способы хранения ментальных моделей, «хранилища» обобщенных образов, представлений» [Крючкова, 2003].

Вышеупомянутые производные образуют словообразовательное гнездо с производной *акча* (деньги).

	акча	
акчалата	акчалы	акчасыз
		акчасызлык

Существует множество определений понятия словообразовательное гнездо.

Так, Е.А. Земская рассматривает словообразовательное гнездо как «иерархически организованную, упорядоченную совокупность всех производных базового слоя» [Земская, 1981, с. 238]. М.Ю. Казак пишет, что словообразовательное гнездо можно определить «как одну из самых сложных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; одну из высших форм организации и обобщения производной лексики; двустороннюю единицу словообразования, имеющую формальную и смысловую структуру; микросистему, концентрированно отражающую все основные виды языковых отношений» [Казак, 2004, с. 14–15].

А.Н. Тихонов под словообразовательным гнездом понимает «упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня. Общность однокоренных слов не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корень выражает общий для всех слов элемент значения), т. е. слова, объединяющиеся в словообразовательные гнезда, имеют и смысловую, и материальную общность» [Тихонов, 1990, с. 36].

В словообразовательном гнезде отражен механизм языкового моделирования мира, в основе которого – мотивировочный признак, т. е. «наиболее общий семантический компонент (архисема), запечатленный в вещественном значении вершинного слова гнезда» [Крючкова, 2003]. С этих позиций словообразовательное гнездо обнаруживает:

1) возможности варьирования самих мотивировочных признаков, их семантический потенциал;

2) области их приложения при языковом моделировании действительности;

3) характер связи мотивировочных признаков с теми предельно обобщенными образами, которые лежат в основе выделения словообразовательного типа и словообразовательной категории [Крючкова, 2003].

Совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей, называется словообразовательной цепью [Земская, 1981]. Например, *акча – акчасыз, акчасызлык*.

Таким образом, словообразовательное гнездо является совокупностью словообразовательных цепочек, в которых действует принцип последовательного подчинения одних единиц другим.

В татарском языкознании проблема словообразовательного гнезда исследована в работах Г.Г. Саберовой, А.Г. Акберовой, И.И. Сабитовой, А.Ф. Гайнутдиновой, Э.Ю. Хайруллиной и др.

По мнению И.И. Сабитовой, словообразовательное гнездо является одной из сложных комплексных единиц словообразования. «Основу словообразовательного гнезда составляет корневое слово, оно выступает в гнезде в качестве исходного слова. Остальные же слова, входящие в гнездо, являются производными словами» [Сабитова, 2011, с. 329].

Словообразовательное гнездо имеет сложную разветвленную структуру, состоящую из простых однокоренных слов. Например: *акча* (деньги), *акчалы* (с деньгами), *акчала-та* (денежно), *акчасыз* (без денег), *акчасызлык* (безденежье). Вершиной словообразовательного гнезда является неприводная лексема (в нашем случае, вершиной словообразовательного гнезда является слово *акча* (деньги)).

Словообразовательные словосочетания, образованные со словом *акча* (деньги):

- акча ис. (деньги)
 акча эшлә (әргә) (зарабатывать деньги)
 акча тап(у) (табу) (букв. доставать деньги, зарабатывать деньги)
 акча ал (ырга) (букв. получить деньги)
 акча эшләп ал (ырга) (заработать деньги)
 акча бүл (ү) (букв. делить деньги)
 акча керт (ергә) (букв. пополнить деньги, счет)
 акча күчер (ергә) (переводить деньги)
 акча сал (ырга) (букв. пополнить деньги, счет)
 акча су(к) г (арга) (чеканить деньги; перен. зашибать деньги)
 акча тупла (арга) (копить деньги)
 акча жый (арга) (жыярга) (копить деньги)
 акча саклап тот (арга) (букв. сберегать деньги)
 акча тот (арга) (тратить деньги)
 акча чыгар (у) (тратить деньги)
 акча тү(к) г (әргә) (деньгами сорить (разбрасываться))
 акча туздыр (ырга) (деньгами сорить (разбрасываться))
 акча санау (арга) (считать деньги)
 акча тикшер (ү) (проверять деньги, счет)
 акча ваклау (арга) (разменять деньги)
 акча югалту (ырга) (потерять деньги)
 акча табу (ырга) (найти деньги)

Нами рассмотрены отношения между словами в словообразовательных гнездах по линии словообразовательных цепочек, т. е. горизонтальные.

Далее отношения рассматриваются между словами в словообразовательных гнездах по вертикали. Е.А. Земская пишет, что совокупность производных, имеющих одно и то же производящее и находящееся на одной и той же ступени словопроизводства, называют словообразовательной парадигмой [Земская, 1981].

В.В. Лопатин определяет словообразовательную парадигму как «совокупность производных слов одной и

той же ступени, непосредственно мотивированных одним и тем же словом» [Лопатин, 1974, с. 59].

Таким образом, словообразовательная парадигма является совокупностью всех производных одного производящего.

Укажем словообразовательную парадигму на примере гнезда с вершиной *акча* (деньги):

акча ис. (деньги)

акчалата р. (денежно)

акчалы с. (при деньгах, денежный)

акчалы уен (игра в деньги, денежная игра) *акчалы уйнау* (играть в деньги, играть на деньги)

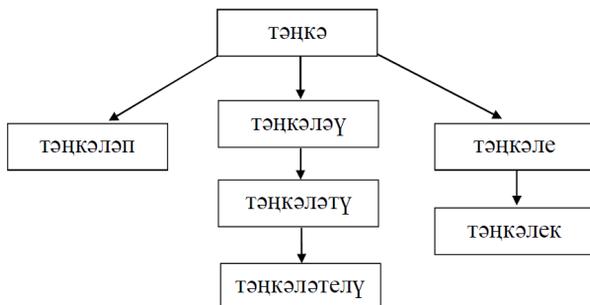
акчасыз с. (без денег, безденежный) *акчасызлык ис.* (безденежье)

В словообразовательных парадигмах в качестве производящего могут выступать как производные слова (*акчалы*, *акчасыз*), так и неппроизводные слова (*акчалата*).

Как видим, одно и то же производное слово является частью и словообразовательной цепочки, и словообразовательной парадигмы.

Для более полного изучения словообразовательной стороны концепта *акча* (деньги) рассмотрим также производные словообразовательных гнезд с вершинами *тәңкә* (монета), *тиен* (копейка, монета), *сум* (рубли), образующие синонимический ряд лексемы *акча* (деньги).

Проанализируем особенности словообразования лексемы *тәңкә* (монета, рубль).

В первом случае к производящей основе *тәңкә* (монета, рубль) присоединяется суффикс *-ләп*, в результате образуется наречие со значением «в той мере», которая указана в производящей основе: *тәңкә(монета, рубль) + -ләп = 1)* около определенного количества рублей; 2) рублями.

При образовании глагольных форм от лексемы *тәңкә* (монета) также использован суффиксальный способ словообразования. При помощи суффиксов *-лә*, *-ләт*, *-ел* образуются следующие формы глаголов: *тәңкә + -лә + -ү = тәңкәләү* (украшать монетами, украшать монистами);

тәңкә + -ләт + -ү = тәңкәләтү (понуд. от *тәңкәләү* – велеть, нанять или просить украшать монетами);

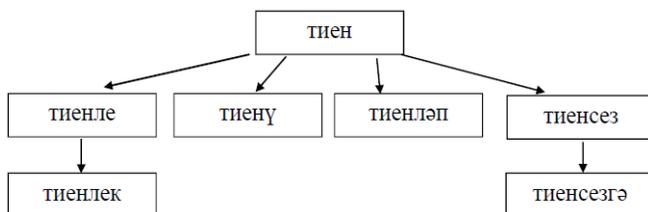
тәңкә + -ләт + -ел + -ү = тәңкәләтелү (страд. от *тәңкәләтү*);

При присоединении к существительному *тәңкә* (монета, рубль) производительный суффикс *-ле* образует прилагательное со значением «имеющий монету или монисто, с монетой».

Суффикс *-лек*, будучи многозначным производительным суффиксом, при слиянии с основой образует прилагательное *тәңкәлек* (рублевый) со значением, выражающим свойство или признак производящей основы.

Итак, существительное *тәңкә* (монета) концептуализируется в татарском языке следующими суффиксами: *-ләп*, *-ү*, *-тү*, *-телү*, *-нү*, *-лек*.

Слово *тиен* (копейка, монета) является вершиной следующего словообразовательного гнезда:

Суффикс *-ле*, присоединяясь к существительному *тиен* (копейка), образует прилагательное *тиенле* (букв. иметь мелочь).

Суффикс *-лек* является одним из высокопроизводительных аффиксов татарского языка. При слиянии с основой *тиен* (копейка) данный суффикс образует прилагательное со значением, выражающим свойство или признак: *тиенлек* (копеечный).

При присоединении непроизводительного суффикса *-у* к основе *тиен* (копейка) образуется глагол *тиену*, имеющий значение «достигать полного обеспечения».

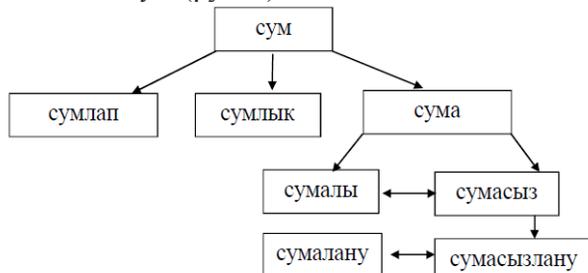
Будучи производящей основой, *тиен* (копейка) при присоединении суффикса *-лэп* образует наречие со значением «по копейкам, копейками».

Суффикс *-сез* является производительным суффиксом, присоединяясь к основе *тиен* (копейка), образует прилагательное, которое обозначает отсутствие признака или не характеризующееся тем, что указано в основе. Например, *тиен* (копейка) + *-сез* = *тиенсез* – «без определенного количества копеек».

Будучи словообразующим, суффикс *-гэ* при присоединении к прилагательному *тиенсез* (без определенного количества копеек) образует наречие со значением образа действия: *тиенсез* + *-гэ* = *тиенсезгэ* (даром, ни за копейку).

Таким образом, абстрактное существительное *тиен* (копейка) в татарском языке концептуализируется следующими словообразовательными суффиксами: *-ле*, *-лек*, *-у*, *-лэп*, *-сез*, *-гэ*.

Выделим производные слова, образованные от производящей основы *сум* (рубль).

В вышеприведенном примере производной основой суффикса *-лап* является существительное *сум* (рубль). Производное слово имеет значение «в той мере, которая обозначена производящей основой», *сумлап* – «около ... рубля», «около ... рублей».

При присоединении основы *сум* (рубль) и производительного суффикса *-лык* образуется прилагательное со значением, выражающее свойство или признак: *сум* + *-лык* = *сумлык* (рублевый).

Суффикс *-а* при присоединении к производящей основе *сум* (рубль) образует слово *сума* (денежное богатство) в значении средства, выраженного в основе производящего слова. *Сума*: 1) денежное богатство; 2) стоимость, цена

При присоединении производительного суффикса *-лы* к абстрактному имени *сума* (денежное богатство) образуется прилагательное со значением «содержащий в себе то, что выражено производящей основой». Так, например, *сума* (капитал) + *-лы* = *сумалы* (состоятельный).

Следующий производительный суффикс *-сыз*, как говорилось уже ранее, является антонимом суффикса *-лы*, и, присоединяясь к одной и той же основе, данные суффиксы выражают антонимичные значения:

сума (денежное богатство) + *-сыз* = *сумасыз* (несостоятельный);

сума + *-лан* + *-у* (получить деньги, обогатиться) – *сума* + *-сыз* + *-лан* + *-у* (остаться без денег)

Абстрактное существительное *сум* (рубль) в татарском языке концептуализируется следующими словообразовательными суффиксами: *-лап*, *-лык*, *-ма*, *-а*, *-лы*, *-лану*, *-сыз*, *-сызлану*.

Как показывает анализ исследуемого материала, в татарском языке *акча* (деньги) концептуализируется, главным образом, словообразовательными суффиксами. Данный способ словообразования является самым продуктивным. Словообразовательное гнездо, будучи струк-

турой, в которой отражаются все словообразовательные связи, является объединением производных слов, включающим в себя словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы.

2.5. Вербализация процессов осмысления денег синтагматической значимостью слова

Проблема сочетаемости слов является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Будучи самостоятельными единицами языка, слова существуют в языке не изолированно, а взаимодействуют друг с другом, в результате образуя различные словосочетания.

В синтагматических связях слов может находить свое выражение специфика осмысления тех или иных сторон действительности. По мнению исследователей, синтагматические сочетания слов обусловлены экстралингвистическими факторами и их отражают. В более или менее широком контексте через сочетаемость слова выявляется его информационный потенциал. Н.Ф. Алефиренко сочетаемостные значения слов относит к проявлению их синтагматических значимостей [Алефиренко, 1999, с. 56]. Особенности интерпретации явлений, обозначенных ключевыми словами, отражают их распространители (классификаторы).

Ученые указывают на эффективность данной методики в лингвокультурологических исследованиях. О.О. Борискина предлагает проводить ее через последовательное применение следующих операций: «1) выявление дистрибуции классифицируемых элементов; 2) определение и ограничение набора синтаксических позиций, замещаемых классифицируемыми элементами; изучение признаковой семантики языковых единиц, выполняющих функцию классификатора существительных; 4) интерпретация собственной сочетаемости классификаторов; 5) отнесение существительного к тому или иному криптоклассу, выде-

ленному на основании собственной сочетаемости классификатора» [Борискина, 1999, с. 155].

Применительно к парадигме нашего исследования определение культурных аспектов синтагматической значимости состоит в моделировании лингвосемиотических рядов на основе выделения базовых образов классификаторов ключевых слов концепта *акча* (деньги). Большинство классификаторов слов *акча*, *тәңкә*, *тиен* в прототипическом значении характеризуется стертой образностью.

Рассмотрим особенности семантического окружения ключевого слова концепта *акча* (деньги).

Акча (деньги) – заработанные деньги. *Монда мөгаллимлек урыны аңа хатыны Фатихәннен үтенүе буенча, Гаҗәр сүзе белән бирелде; юкса алар элек һәр ел авылдан авылга күчеп, урын табар өчен, һәр ел көз Мәкәрҗәгә барып, көз көннәрендә гәзитләрдә игълан биреп, жәдәп бетәләр, дүрт-биш ай эшләп тапкан акчалары жәй көне эшсез, урынсыз чакта тамак туйдырырга да житми иде* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 188] (букв. Место преподавателя ему дали по просьбе жены Фатихи, благодаря Хаджар, а то каждый год они в поисках места переезжали из деревни в деревню, каждую осень ездили на Макарьевскую ярмарку, давали объявление в газетах, мучались, так как денег, заработанных за четыре-пять месяцев летом, во время отсутствия работы, не хватало даже на еду).

Деньги являются формой оплаты труда и передаются сочетаниями слов. Например:

а) *деньги*, полагающиеся за проделанную физическую работу. *Бәйрәм алдыннан – кичәге көн барлык эшләгәннәрем өчен тиешле акча алынган иде* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 41] (букв. Перед праздником были получены полагающиеся мне деньги за весь проработанный вчерашний день).

Акча алган көн: Акча алган (получка) көннәр дә хатын өчен шатлыктан бигрәк кайгыга әйләнделәр [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 214] (букв. Дни получения зарплаты (получки) для жены превратились в горе, нежели счастье).

Эшчеләрнең акча ала торган бу билгеле көннәрендә завод капка төбә хатыннар белән тулы була иде [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 215] (букв. В определенные дни получения заработной платы около ворот завода собирались толпы женщин).

б) в значении «плата за умственный труд». *Кем акчасына укыдың? Стипендия алдым. Хәзер үзем, татар балаларын русча укытып акча табам* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 420]. (букв. За чьи деньги учился? Стипендию получал. Сейчас сам зарабатываю деньги, преподавая русский язык ученикам-татарам).

Акча (деньги) – сбережения, накопления. *Һәм шундый бәрәкәт булды инде: көз көне безнең әткәй шул кәсептән, йөрүдән, игеннән жыйелган акчага икенче ат та алды* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 112]. (букв. Нам так повезло: наш отец, благодаря торговле, а также деньгам, вырученным за урожай, осенью приобрел вторую лошадь).

Шул чакта жыйелган акча хәзер Баязидка эшкә ярады [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 70] (букв. Деньги, накопленные в то время, пошли на пользу Баязету).

Акча (деньги) – подарок за радостную весть. *Минем, каз кавырсыннары, чүпрәкләр сатып, сөенчегә дип әзерләнгән алты тиен акчам бар иде* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 119] (букв. У меня были сбережения от продаж гусиных перьев, тряпок, шесть копеек, на случай радостной вести).

Акча (деньги) – взятка. *Иманлы авыз белән ялган сөйләп тормам инде! Алар безгә икешәр мең сум акча бирергә дә әйттеләр, без алмадык* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 436]. (букв. Будучи верующим, я не стану обманывать! Они нам предложили по две тысячи рублей, но мы не взяли).

Акча (деньги) – залог. *Залог белән чыгарырга акча тапмагансыз икән. Алты йөзне мин бирим! – ди* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 89] (букв. Оказывается, вы не нашли денег за освобождение под залог. Тогда шестьсот я дам).

Акча (деньги) – денежная помощь. *Шуның сөяргә маржасы бар икән, акча түләп, читтә аерата торган ике*

баласы бар икән, диләр [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 292]. (букв. Говорят, у него есть русская любовница и двое детей на стороне, которых он обеспечивает деньгами).

Жинангир үзе Баязидның атасы инан ишанга ике тапкыр озын хат язды, бәлки йомшиар, бәлки килер, булмаса, зинданда туграк ашатырга акча-ярдәм жибәрер, дип уйлады [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 320] (букв. Джиганхир сам лично написал два длинных письма отцу Баязета ишану в надежде на его смягчение, на его приход в тюрьму и на то, что он пришлет деньги на более сытное питание в тюрьме).

Имея деньги, можно получить все. *Акчаң булса, сату-алу эшен укымыйча да бик шәп йөртә белер идем әле, – ди* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 26–27] (букв. Если были бы деньги, смог бы вести дела купли-продажи и без образования).

Много денег – это большие возможности. *Байларга нәрсә? Акча күп, танышлык зур. Алтын булгач, докторын да, алласын да, мулласын, патшасын да сатып алып була икән шул: ике мең тотканнар, диләр ...* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 63] (букв. Богатым что? Наличие больших денег обеспечивает знакомства. Если есть золото, то, оказывается, можно купить и доктора, и аллаха, и муллу, и царя. Говорят, потратили две тысячи...).

Акча (деньги) – деньги взаимы. *Кадыйр байның улы, теге Йосыфжан, алты йөз сум акча биреп тормакчы дигән нәр иде...* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 124]. (букв. Говорят, Сын богача Кадыйр бея Юсуфджан был готов одолжить шестьсот рублей денег...).

Акча (деньги) – деньги на дорогу. *Үзем белән бергә башкорт шәкретләреннән берәр иптәш алуны муафикь күрә, юллык егерме биш сум акча бирә* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 243] (букв. Он считает необходимым взять с собой в попутчики одного из башкирских шакирдов, на дорогу дает двадцать пять рублей денег).

Ач үлмәбез, ни күрсәк, бергә күрербез, – дигән. Житмәсә тагын, юлга тугыз сум акча да жибәргән [Ибраһимов,

1975, т. 3, б. 218] (букв. С голоду не умрем, что суждено, то вместе переживем. Еще в придачу на дорогу послал девять рублей денег).

Акча (деньги) рассматривается как расточительство. *Синнән, сездән өйрэнгән гадәтем буенча, актык тапкыр ачык-туры сүз әйттим: мин Йосыфжанның алай алла ризалыгы өчен акча түгә торган пакь күңелле егет түгел икәннен яхишы беләм* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 379] (букв. Следуя твоему, вашему примеру, в последний раз скажу прямо: я знаю, что Юсуфджан никогда не даст последние деньги за благословение Аллаха).

Акча (деньги) – сбор денег в помощь. *Төркия флотына акча җыю эшенә ничек карыйсыз? – дип соран, тоткыннын күзенә йотылды* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 421] (букв. «Как вы смотрите на то, чтобы собирать деньги на турецкий флот?» – спросил он и уставился на пленника).

Неумение обращаться с акча (деньгами) порицается: *Шулай ук акча тота белмәве дә хатын өчен бик күп кайгылар тудыргалады* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 212] (букв. Также не умение тратить деньги для жены создавало много проблем).

В татарском языке значение «количество денег» выражено антонимо-синонимическим рядом слов «много – мало». Значение «много денег» передается следующими словосочетаниями:

– **күп акча** (много денег) *Байларга нәрсә? Акча күп, танышлык зур* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 63] (букв. Богатым что? Много денег, большие знакомства);

– **зур акча** (большие деньги) *Төрле мәктәпләргә, мәдрәсәләргә, кызлар укуы эшләренә, тагы әлләнәрсәләргә бик зур акчалар түгәләр, ди* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 63] (букв. Говорят, тратится много денег на разные школы, медреса, на обучение девочек и еще на другие вещи).

Базар баганасына дүрт кешене аскан Галигә ярыйсы эләккән, ул, иске гадәтнчә, ике мәртәбә зур акча белән га-

скәрлектән котыла [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 90] (*букв.* Повесевшему четырех людей возле рынка Гали досталось хорошо. Он два раза спасается от армии благодаря большим деньгам).

– **күпме акча** (сколько, столько денег) *Кичә мәдрәсәдән кайткач, яман сүгенде дә: – Күпме акча тотам. Мәдрәсә салып бирдем. Жалуния бирәм* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 190] (*букв.* Вчера после возвращения из медресе, сильно зыругался и сказал: Столько денег трачу. Построил медресе. Жалование плачу).

– **ничаклы акча** (в значении «много денег») *Троицкида кымыз мәҗлесләрендә ничаклы акчалар җыйган, Сембер фабрикантлары, алдырып, нинди зур хөрмәтләр күрсәткәннәр* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 250] (*букв.* В Троицке на праздник кумыса было собрано столько денег. Какое уважение оказали Симбирские фабриканты, пригласив к себе).

Значение «определенное количество денег» выражается сочетанием **күпмедер акча** (сколько-то денег) *Теге Урманов, Мансуровларга да бит ике җүләр яшь татар бае күпмедер акча тыкмакчы, ди* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 95] (*букв.* Говорят, тот Урманов и два молодых глупых татарина собирались и Мансуровым сунуть сколько-то денег).

В татарском языке значение «мало денег» передается следующими сочетаниями:

Әз акча (мало денег)

Юк акча (нет денег)

Күп түгел акча (немного денег)

Бер күч вак акча (горсть денег (мелочь))

Бердә юк акча (всего ничего)

Например, *Юк акчага янчык текмә [пословица]* (*букв.* Не шей сумку для несуществующих денег).

Кроме того, в татарском языке значение «мало денег» передается посредством лексемы *тиен* (копейка). Например, *Менә инде дөнья хәсрәтенең зурсы: кесәләрдә бер тиен акча юк. Ни белән кайтып җитәргә?* [Ибраһимов, 1975, т. 4,

б. 257] (*букв.* Вот уж вселенская проблема: в карманах нет ни копейки. Как доехать?).

Юлдашым ...җир сатып алган акчадан актык тиеннәре дә очканын сизенде булса кирәк ... [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 247] (*букв.* Попутчик мой, кажется, понял, что потратил последние копейки, оставшиеся после покупки земли).

Деньги являются особым товаром, который выступает неким эквивалентом стоимости товара в купле-продаже. В русско-татарском словаре экономических терминов Ф.М. Газизовой *акча* (деньги) определяется как «гомуми эквивалент буларак йөри торган махсус товар» [Газизова, 1999, с. 96]. В данном словаре приводятся разновидности денег.

Деньги бумажные – *кәгазь акчалар*. Денежные знаки, которые в ходе истории вытеснили из оборота серебряные и золотые монеты [Газизова, 1999, с. 98].

Деньги универсальные – *универсаль акчалар*, считаются международным платежным средством [Газизова, 1999, с. 98].

В современной системе денежного обращения выделяются два основных типа денег: тат. *кулда булган акча* (рус. *наличные*) и тат. *акчалата булмаган, акча түләми торган* (рус. *безналичные*).

В татарском языке понятие *кулда булган акча* (рус. *наличные деньги*) может передаваться, например, при помощи следующих сочетаний слов: тат. *вак акча* (рус. *мелочь*), тат. *кәгазь акча* (рус. *бумажные деньги*), тат. *кредит акча* (рус. *кредитные деньги*) и др.

Тат. вак акча (рус. *мелочь, разменная монета*), металлические монеты небольшого достоинства, которые используются для мелких расчетов (денежных операций). В татарском языке *вак акча* (рус. *мелочь, разменная монета*) реализуется посредством следующих лексем: *тиен* (копейка), *тәңкә* (в значении монета) и т. д.

Тат. кәгазь акча (рус. *бумажные деньги*), представляющие собой денежные банкноты прямоугольной формы, отпечатанные на специальной бумаге. *Кәгазь акча* (рус. *бумаж-*

ные деньги) представлены следующими словами: сум (рус. рубль), в разговорной речи – унлык (рус. десятка), «десятирублевка», тат. иллелек разг. словом «пятидесятирублевка», тат. йөзлек «сотня» и др.

Тат. акчалата булмаган, акча түләнми торган (рус. безналичные деньги) – деньги, находящиеся на счетах в банке, они представлены записью на личном счете потребителя.

Разновидностями безналичных денег являются тат. пластик карталар (рус. пластиковые карты), тат. кредит (рус. кредитные) и тат. түләү карталары (рус. платежные карты) и тат. электрон акчалар (рус. электронные деньги) – деньги, которые используют при покупке или оплате тех или иных товаров или услуг через Интернет.

Тат. кредит карталар (рус. кредитные карточки) (разг. кредитка) – банковские платежные карты, на счету которых находится определенная сумма денег.

Тат. түләү карталары (рус. платежные карты) используются для различных денежных операций, а также получения наличных денег. На сегодняшний день получение заработной платы через банковскую пластиковую карту является нормой.

Приведем еще несколько разновидностей безналичных денег. На сегодняшний день все большую популярность получают различные виды карт оплаты.

Тат. электрон юл билеты (рус. электронный проездной билет) – пластиковая карта оплаты за проезд в общественном транспорте.

Тат. буләккә дигән карталар (сертификатлар) (рус. подарочные карты (сертификаты) – картонные или пластиковые карты с определенной суммой денег на них.

Деньги выполняют ряд функций: средство платежа, средство обращения, средство накопления и др. Так, например, деньги являются самым удобным способом оплаты труда. За проделанную работу работодатель платит заработную плату (тат. эш хакы) [Сэгъдиева, 2007, с.185].

Понятие *акча* (деньги) в своей семантике имеет значения *эш хаки* (рус. *плата за труд*), *хезмэт хаки* (рус. *оплата труда*), *түләү хаки* (рус. *оплата труда*) и др. Значения *хезмэт хаки* (рус. *оплата за труд*), *акчалата бүләкләү*, *акчалата түләү* (рус. *денежное вознаграждение*), *акчалата тэминат* (рус. *денежное обеспечение*) имеются и в семантике таких заимствованных через русский язык слов, как тат. *стипендия* (рус. *стипендия*) – ежемесячное денежное пособие, плата за умственный труд, тат. *пенсия* (рус. *пенсия*) – денежное обеспечение за выслугу лет, по нетрудоспособности и др., тат. *гонорар* (рус. *гонорар*) (в значении денежное вознаграждение за умственный труд), тат. *субсидия*, *акчалата ярдәм* (рус. *субсидия*) – денежное пособие и др.

Основными параметрами, определяющими понятие тат. *эш хаки* (рус. *плата за труд*, *оплата труда*) и тат. *хезмэт хаки* (рус. *плата за труд*, *оплата труда*), являются: место работы; время получения заработной платы: *айлык*, *ай саен* (рус. *ежемесячная*), *атналык*, *атна саен* (рус. *еженедельная*), *сэгать исэбеннән түләү* (рус. *почасовая*); размер заработной платы в татарском языке выражается при помощи антонимов: *күп-аз* (рус. *много-мало*), *эйбэт-начар* (рус. *хорошо-плохо*) [Сагдиева, 2007, с. 186] *югары-түбән* (рус. *высокий-низкий*) и др. Формы получения заработной платы: *саф акча* (рус. *наличный расчет*); *түләтми торган расчет* (рус. *безналичный расчет*) (перевод денег на пластиковые карты, электронный кошелек и т. д.).

Следует отметить, что в русском языке в разговорной речи активно используются такие образные выражения, как *черновая зарплата*, *черный нал*. В данных выражениях лексема *черный* является смысловым центром и имеет негативную окраску. В татарском языке слову *черный* соответствует слово *кара*.

Итак, исходя из приведенных примеров, можно выделить виды денег, которые передаются следующими сочетаниями слов:

эре акча	крупные деньги
вак акча	мелочь
кэгазь акча	бумажные деньги
металл акча	металлические деньги
тимер акча	железные деньги
универсаль акча	универсальные деньги
кредит акча	кредитные деньги
электрон акча	электронные деньги
кулда булган акча	наличные деньги
акчалата булмаган	безналичные деньги

Например: *Сез үзегез тиеш күргәнчә, Гәрәйгә, Качкын Хәбибка тапшырырсыз... – дип сөйләп, эченә кэгазь акча тулы бер пакет сузды* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 402] (*букв.* «Вы по своему усмотрению, Гараю, Беглецу Хабибу передадите...»), – продолжая говорить, протянул пакет, который был полон бумажных денег); *Вак акчаларны бөтен ике йөзәрлеккә алмаштырып, йөрәк өстенә бөти ясап тектем дә, Уралның тирән шахталары белән бәхилләшеп, Зәңгәр чишимә ягына таба юл тоттым* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 41] (*букв.* Поменяв всю мелочь на две сотенные, положил деньги в амулет и зашил его в одежду на уровне сердца и, попрощавшись с глубокими шахтами Урала, направился в сторону Голубого родника).

Наличие денег в татарском языке выражается следующими словосочетаниями: *кулдагы акча, кулда булган акча, булган акча* и др.

Отсутствие денег выражается посредством следующих сочетаний: *акча юк, акча юклык, акча булмау, булмаган акча, акчасыз калу, акчага интегү, акчага мохтаж булу* и т. д.

Значение *зарабатывать деньги* в татарском языке передается следующими словосочетаниями:

Например, *Хәзер үзем, татар балаларын русча укытып акча табам* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 420] (*букв.* Теперь сам зарабатываю деньги преподаванием русского языка татарским ученикам).

Основными параметрами, определяющими понятия плата за труд и оплата труда, являются:

место работы, которое в данном случае реализуется лексемой прииск: *Дүртенче көндә мин яңадан бер алтын приискасына килеп ялландым* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 41] (*букв.* На четвертый день я снова нанялся на один золотой прииск);

время получения заработной платы выражается при помощи лексем *ай* (месяц), *ел* (год): *...ул бик яхишы приказчик, айга йөз сум ала, үзе ялгыз, тик бердәнбер анасы бар, ул да башка кайналар кебек гыйфрит булмас, ди* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 82] (*букв.* ...он, говорят, очень хороший приказчик, в месяц получает сто рублей, сам одинок, есть только мама, и она, как другие свекрови, не будет жестокой). *...иң күбе елга өч мең алырсың, мин моны бер бармак селкетүдә табам дип әйтә икән, ди...* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 365] (*букв.* Самое большее, в год получишь три тысячи, говорит, я эту сумму могу получить одним шевелением (щелчком) пальца...).

Значение *оплата за труд* выражается следующими лексемами: *жалуния* (жалование), *гонорар*, *получка*, *стипендия* (ежемесячная плата за умственный труд): *Күпме акча тотам. Мәдрәсә салып бирдем. Жалуния бирәм* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 190] (*букв.* Сколько денег трачу. Построил медресе. Жалование даю); *Ә син һавадагы торнага ышанып, кесәңдәге актык тиеннәреңне бетергәнсең, гонорар алгач түләргә исәпләп, бурычка да баткансың* [Ибраһимов, 1975,

т. 4, б. 391] (*букв.* А ты, понадеявшись на журавля в небе, потратил последние копейки в кармане, решив заплатить после получения гонорара, влез уже в долги); *Акча алган (получка) көннәр дә хатын өчен шатлыктан бигрәк кайгыга әйләнделәр* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 214] (*букв.* Дни получения денег (получки) стали для жены горем, нежели радостью); *Кем акчасына укыдың? – Стипендия алдым* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 420] (*букв.* На чьи деньги учился? Стипендию получил).

Значение *посредством денег можно пополнить счет* передается следующими сочетаниями слов:

Значение *тратить деньги* в татарском языке выражается при помощи следующих сочетаний:

Например, *Төрле мәктәпләргә, мәдрәсәләргә, кызлар укыту эшләренә, тагы әллә нәрсәләргә бик зур акчалар түгәләр, ди* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 63] (*букв.* Столько денег тратят на разные школы, медресе, обучение девочек и еще на другие вещи).

Кичә мәдрәсәдән кайткач, яман сүгенде дә: – Күпме акча тотам. Мәдрәсә салып бирдем. Жалуния бирәм [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 190] (*букв.* Вчера после возвращения из медресе, сильно выругался и сказал: «Столько денег трачу. Построил медресе. Жалование плачу») и т. д.

Значение *остаться без денег, быть без денег* объективируется следующими сочетаниями слов:

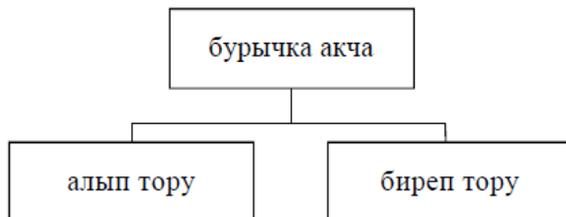

Значение *нуждаться в деньгах* выражается следующими словосочетаниями: *акчага интегу* и *акчага мохтаж булу*.

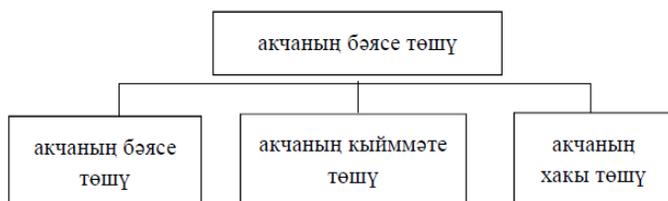
В татарском языке соответствующая лексема *бурыч* – «долг, задолженность» обладает богатой словообразовательной парадигмой [Байрамова, 2007, с. 84]. Производные слова от лексемы *бурыч*:

бурычлы – должный: *Иллене алсам да, йөзне алсам да, мин аңа бурычлы калмам, укуымны бетергәч, өч ел эчендә түләп өлгерермен дип ышанам* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 379] (*букв.* Если возьму пятьдесят или даже сто, я не останусь ему должным, когда окончу учебу, уверен, что успею вернуть в течение трех лет);

бурычлы – задолженник: *Бер төрлесе – бурыччылар: квартир хужасы, кибетче, яшерен аракы сатучы кебекләр* [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 215] (*букв.* Одна разновидность задолженников: владелец квартиры, продавец, подпольный (нелегальный) продавец водки).

Деньги могут потерять свою ценность. В татарском языке обесценивание денег выражается посредством следующих словосочетаний:

В.Н. Телия считает, что «система образов служит своего рода нишей для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о культурно-национальном опыте и традициях;

средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание» [Телия, 1996, с. 215].

В татарском языке деньги представлены образной номинацией. Рассмотрим сочетания с лексемой *акча* (деньги), представленные образной номинацией:

акча чыгу в значении *тратить деньги*. *Жир саткач, мең сум акча тигән икән. Шуңа, кулга кермәс борын, бурьчка батып, ун тәңкәлек киемгә татар сатучысына илле сумлык вексель, утыз тәңкәлеккә – йөз, йөзлеккә – өч йөз сумлык вексель биреп әрәм итүен, акча чыккач, калага барган жирендә авылның ун башкорты кайтмый атна буена эчеп ятуларын, акча алдыртуын, кулларына ике йөз дә кермәвен, аны да эчеп бетерүен, өй дә салдыра алмауларын, сөрдергән жирләрен дә чәчтерә алмый калуларын, инде шул меңнән тик бер арба белән шул атлас бишмәте генә калын сөйләп чыкты* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 248] (*букв.* От продажи земли осталась тысяча рублей. Затем, оказавшись в долгу продавцу-татарину, продававшему одежду, отдал ему пятидесятирублевый вексель за десять рублей, сторублевый – за тридцать, триста-рублевый – за сто...)

акча түгү в значении *тратить деньги, сорить деньгами*. *Пивога түккән акча әрәм китмәде, өй жәнланды, жырчыбыз, үзе сизмичә үк, сахра угылларында гына була*

ала торган киң авазы белән озын башкорт моңын сызып та жибәрде [Ибраһимов, 1975, т. 3, б. 251] (букв. Потраченные на пиво деньги впустую не ушли. Дом оживился, певец, сам не заметив, голосом, свойственным (присущим) только сыну степей, затянул башкирскую песню).

Синнән, сездән өйрәнгән гадәтем буенча, актык тапкыр ачык-туры сүз әйттим: мин Йосыфҗанның, алай алла ризалыгы өчен акча түгә торган пакь күңелле егет түгел икәннен яхшы беләм [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 379] (букв. Следуя тво-ему, вашему примеру, в последний раз скажу прямо: я знаю, что Юсуфджан никогда не даст последние деньги за благо-словение аллаха).

акча төгәлләү в значении *потратить деньги*. *Ахырдан беленде: ул кичә капканы чыгу белән кемнәргәдер очраган да, бергә-бергә шунда акчаны төгәлләгәннәр* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 256] (букв. В конце стало известно: выйдя из дома, он кого-то встретил, и они вместе потратили деньги).

акча арттыру в значении *подкопить, заработать де-нег*. *Алдагы кышка укырлык акча арттырымын дип әсу-анасың да барасың берәр авылга!..* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 389] (букв. Успокоив себя тем, что в следующую зиму по-лучит больше денег, он уезжает в другую деревню).

акча килү в значении *деньги приходят*. *Ул арада тагы берәр тәрҗемәме-нәрсә өлгерер, тагы акча килер, дисең* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 391] (букв. За это время появятся какие-нибудь переводы или еще что, и, думаешь, снова по-явятся деньги).

акча табу в значении *заработать деньги*. *Хәзер үзем, татар балаларын русча укытып акча табам* [Ибраһимов, 1975, т. 4, б. 420] (букв. Теперь сам зарабатываю деньги, пре-подавая русский язык татарским ученикам).

Итак, синтагматические связи ключевого слова кон-цепта *акча* (деньги) отражают актуальность и новизну концепта для татарской лингвокультурной общности. Экс-пликация коннотаций концепта *акча* (деньги) является од-

ним из следствий синтагматической значимости данного концепта. Данные значения отражают традиции словоупотребления в татарском языке и тем самым носят культурно обусловленный характер. Немаловажное значение на традиции словоупотребления оказывают этимология, содержание семантического инварианта многозначного слова, семный состав значения.

Таким образом, культурная специфика концептуализации находит свое выражение в динамике семантической структуры многозначного слова, значимостях антонимических, синонимических, деривационных парадигм и др.

3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРЕМИЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА, СВЯЗАННЫХ С МАТЕРИАЛЬНО-ДЕНЕЖНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

3.1. Паремии как средство вербализации лингвокультурного концепта

По мнению многих ученых, изучение паремиологического фонда языка очень важно, так как именно через пословицы и поговорки удается установить специфические черты менталитета. Пословицы и поговорки позволяют увеличить средства вербализации концепта от одного слова до целого предложения. На сегодняшний день паремии являются одной из репрезентантов основных устойчивых структур нашего сознания.

В составе паремиологических речений выделяют два больших класса: пословицы и поговорки. Проблема разграничения данных понятий многие годы остается одной из дискуссионных. В лингвистике же эти понятия объединяются под общим термином *паремия*.

Термин *паремия* заимствован из греческого языка и первоначально определялся как «притча». Однако со временем семантика данного понятия размылась и в настоящее время большинство специалистов определяют паремию как термин, родственные терминам «пословица» и «поговорка» [Телия, 1996, с. 58].

З.К. Тарланов пишет, что «пословица, являясь синкретичным по природе образованием, совмещает в себе черты как свободного, так и фразеологически связанного сочетания» [Тарланов, 1993, с. 176].

А.Н. Рамазанова определяет поговорку как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее высказывание в виде законченного предложения, часто обладающее переносным значением и пригодное к использованию в дидактических целях» [Рамазанова, 2005, с. 11–12].

Пословицы репрезентируют именно те концепты, которые являются важной составляющей национального сознания представителей той или иной культуры.

В.Н. Телия считает, что поговорки представляют собой «мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками формировавшейся обыденной культуры, в котором в синтаксической форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия, 1996, с. 241].

В словаре лингвистических терминов поговорка определяется как «образное, иносказательное выражение, отличающееся от поговорки своей синтаксической незаконченностью» [Ахманова, 1969, с. 328].

Многие ученые разграничивают поговорки от поговорок по семантическому различию. Так, например, поговорки имеют переносное значение и образно мотивированы, в то время как поговорки имеют буквальное значение.

В татарском языкознании проблеме разграничения поговорок и поговорок обратил внимание известный фольклорист Х.Ш. Махмутов. Ученый считает, что поговорки, в отличие от поговорок, поддаются идентификации при помощи синонимов. Х.Ш. Махмутов приводит следующий пример поговорки, который при определенных условиях переходит в поговорку: «Поговорка *Аның этәче дә күкәй сала* (*У него и петух яйца кладет (несет)*) в своем составе имеет переменный член – *у него*, который в речи легко заменяется каким-нибудь конкретным собственным именем. Обычно эта поговорка употребляется в отношении тех, кому сопутствует

удача. Если вместо *у него* поставим слово *у богатого*, частный случай превращается в обобщенный: *Байның этәче дә күкәй сала (У богатого и петух яйца кладет)*, т. е. поговорка переходит в пословицу» [Махмутов, 1995, с. 14].

В татарском языке термин *пословица* обозначается словом *мәкаль*, а для обозначения поговорки употребляется слово *әйтәм*. В языкознании данные термины осмысляются как нечто единое, поэтому в нашем исследовании мы будем рассматривать пословицы и поговорки с единых позиций. Термина *паремия* будет использоваться в качестве единого термина.

Лингвокультурология проявляет огромный интерес к изучению паремиологического фонда языка, так как паремии, будучи «феноменом культуры», являются вербально выраженными «стереотипом народного сознания» [Маслова, 2001, с. 43]. Кроме того, «в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры» [Бабаева, 2002, с. 28].

Как уже было сказано, пословица в татарском языке обозначается словом *мәкаль*, заимствованным из арабского языка и означающим «рассказ». В татарской фольклористике данное слово впервые встречается в «Татарской хрестоматии» М. Иванова (1842). По мнению Х.Ш. Махмутова, «вполне возможно, что в речи или рукописных источниках данное слово употреблялось и раньше» [Махмутов, 1987, с. 5].

Рассмотрим историю слова *мәкаль* (пословица), для этого обратимся к самому древнему источнику – словарю М. Кашгари «Диван Лугат ат-Турк». В данном словаре слово *мәкаль* (пословица) представлена лексемой *сае* [Кашгари, 2005, с. 855]. В словаре зафиксированы несколько значений данной лексемы: 1) пословица; 2) история, рассказ; 3) повествование; 4) послание; 5) речь; 6) новости, вести. Как видно из значений, содержание понятия *сае* было намного шире, чем понятия *мәкаль*.

В татарском языке работа по сбору и изданию пословиц и поговорок началась в первой половине XIX века. Извест-

ный ученый И.М. Снегирев занимался изучением произведений устного народного творчества, в особенности пословиц и поговорок. В 1831–1834 годах вышел в свет четырехтомный «Русские в своих пословицах», в котором ученый собрал не только русские пословицы и поговорки, но и пословицы многих других народов, проживающих на территории России. Таким образом, впервые татарские пословицы были опубликованы в труде И.М. Снегирева. Работа по сбору пословиц впоследствии была продолжена С. Кукляшевым, Г. Вагаповым, Г. Балинтом и др.

Весомый вклад в изучение татарских пословиц и поговорок внес известный деятель Каюм Насыри. В своих трудах ученый опубликовал свыше четырехсот пословиц и предоставил перевод некоторой части пословиц на русский язык.

В начале XX века, в дореволюционный период, были опубликованы различные сборники, авторами которых были Г. Тукай, Т. Яхин, Г. Минеев, Х. Фаизханов и др.

Однако нужно отметить, что в указанный период учеными и писателями был произведен лишь сбор и издание пословиц и поговорок татарского языка. Впервые изучение татарских пословиц, научное исследование их особенностей и разновидностей было осуществлено Г. Сагди. Таким образом, Г. Сагди стал первым ученым, который в дореволюционное время выпустил свои статьи в журнале «Шура» (1910 №12, 1912 № 13, 14), посвященные научному исследованию пословиц и поговорок.

В начале XX века возрастает интерес ученых к изучению произведений устного народного творчества. Х. Бадиги внес огромный вклад в изучение татарского народного творчества. Ученый в течение нескольких лет собирал пословицы и поговорки, а также систематизировал уже данный до него материал. Результатом работы стали сборники, выпущенные в 1912, 1919, 1926 годах. В последнем издании Х. Бадиги опубликовал татарские пословицы,

систематизировал их и разделил на отдельные главы по тематической основе.

В 1941 году вышел в свет сборник «Мәкальләр һәм әйтемнәр» под авторством Х. Гали. Ученый собрал 731 пословицу и поговорку и разделил их по тематическим группам: «Социаль тормыш, көнкүреш һәм хезмәт» (социальная жизнь, жизнедеятельность и труд), «Табигать» (природа), «Тел һәм сүз» (язык и слово). Кроме того, в сборнике представлено вступительное слово о пословицах и поговорках, написанное М. Маминым.

В 1948 году А. Ахмет выпускает сборник для детей «Мәкальләр». Чуть позднее, в 50-х годах XX века выходит в свет книга «Татар халык ижаты», в которой отдельная глава посвящена пословицам.

В 1960 году Х. Ярми выпустил сборник под названием «Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре». В своей книге ученый систематизировал все пословицы и поговорки по тематическим группам и предоставил теоретическую информацию о вопросе изучения пословиц и поговорок.

Н. Исанбет является автором трехтомного сборника «Татар халык мәкальләре» (1959, 1964, 1967). В 1987 году под серией книг «Татар халык ижаты» вышел в свет сборник «Мәкальләр һәм әйтемнәр».

Таким образом, можно сказать, что в татарском языке вопросу изучения пословиц и поговорок посвятили свои труды многие ученые. Среди них: К. Насыри, Г. Сагди, Х. Бадиги, Х. Гали, А. Ахмет, Х. Ярми, Н. Исанбет и др. На современном этапе данным вопросом занимаются следующие ученые: Ф.И. Урманчиев, Х.Ш. Махмутов, М.Х. Бакиров, М.И. Ахметзянов, Л.К. Байрамова и др.

Отношение человека к деньгам, признание их значимости, порой граничащее с обожествлением, является чертой человеческого сознания и закреплено в афоризмах разных народов: *Деньги – вещь очень важная. Особенно когда их нет* (Ремарк, Германия); *Имеющий деньги не может быть*

наказан (Цицерон, Древний Рим); *Любовь сильна, а деньги сильнее* (греч. посл.); *Деньги делают и хана рабом и раба ханом* (аварск. посл.).

Схожесть оценки роли денег у разных народов приводит к языковому заимствованию и усвоению афоризмов этой тематики. Разделяя мнение Б. Франклина «время – деньги», русский народ пополнил свой лексикон этим крылатым выражением, как и фразеологизмом «деньги не пахнут», связанным с именем римского императора Веспасиана. Этот фразеологизм стал более употребительным в русском языке, чем исконно русская поговорка с тем же смыслом: «На деньгах нет знаку». По всей вероятности, предпочтение иностранному выражению можно объяснить его большей экспрессией [Пугач, 2003, с. 147].

В таблице К. Ситарамы и Р. Когделлы «Структура ценностей в разных культурах», в которой рассматриваются западные, восточные, мусульманские культуры, ценность денег характеризуется следующим образом. Представители западных культур ставят деньги (богатство) на четвертое место среди первостепенных по важности ценностей. Эта ценность занимает очень высокое место в сознании людей данного типа культуры. В мусульманских культурах богатство стоит на третьем месте среди ценностей второй степени важности, а в восточных культурах оно находится на втором месте среди ценностей третьей степени.

Интересно заметить, что в целом сознание татарского народа единодушно с мусульманской религией. Тот, кто трудится, имеет право требовать справедливую оплату за свой труд. Ислам запрещает труд, связанный с недостойными способами зарабатывания денег. Если способ зарабатывания денег честный, то он считается разрешенным и в татарском языке передается лексемой *хэлэл*: *хэлэл акча*, *хэлэл мал* и др. Любой способ зарабатывания с причинением вреда другим людям считается запретным и в татарском языке передается лексемой *хэрэм/харам*.

Многообразие пословиц, поговорок, фразеологических единиц, характеризующих отношение человека к деньгам, свидетельствует о том, что ценность *акча* (деньги) для татар находится не на последнем месте.

Для анализа нами были отобраны пословицы из пословичных словарей и сборников с ключевым словом *акча* (деньги) и компонентами, репрезентирующие данный концепт.

Отобранный материал будет исследован поэтапно. Рассмотрим семантику паремий с ключевым словом *акча* (деньги), затем паремии, содержащие его репрезентанты (*тәңкә, тиен, сум, алтын көмеш, бакыр, мал, байлык*).

В пословицах и поговорках, репрезентирующих концепт *акча* (деньги), можно выделить три холические резульitatiрующие: позитивная – *Акча булса, мал табыла* (букв. Если будут деньги, имущество найдется), *Акчаның йөзе якты* (букв. Лицо денег светлое), *Акчалы кешедән бәла куркыр* (букв. Человека с деньгами побоится беда, несчастье), *Акчалы кеше арымас* (букв. Человек с деньгами не устанет); негативная – *Акча аздыра* (букв. Деньги портят, развращают), *Акча бирү – жан бирү* (букв. Одалживать деньги – отдавать душу), *Акча әдәмнең башына җитә* (букв. Деньги губят человека); и двусторонняя – *Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр* (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда деньги закончатся – будут ругать), *Акылны биргән дә акча, алган да акча* (букв. Деньги и дали ум, и забрали его) и др.

3.2. Пословицы и поговорки с компонентом *акча*

«Деньги – все» и «деньги – ничто» – это два типа осмысления человеком роли денег в его жизни, нашедшие отражение в татарских пословицах. Рассмотрим подробнее пословицы и поговорки с компонентом *акча*.

1. Деньги всесильны, деньги – это власть, за деньги можно купить все.

В понимании татарского народа деньги являются некой силой, с помощью которой можно купить все, осуществить

все дела. Деньги всесильны, имеют власть: *Акча авызны каплы* (букв. Деньги закрывают (затыкают) рот); *Акчалы алланы да, мулланы да сатып ала* (букв. Человек с деньгами подкупает и Бога, и муллу).

Деньги подразумеваются как закон: *Акча үзе закон* (букв. Деньги сами являются законом).

За деньги можно получить все, даже невозможное: *Акчага арслан сөте дә табып була* (букв. За деньги можно найти и молоко льва); *Акча аюны биетә* (букв. Деньги могут заставить танцевать медведя).

В татарских пословицах прослеживается мысль о том, что если у человека есть деньги, то у него будет все: *Акча булса бар да була* (букв. Если будут деньги, все будет); имущество: *Акча булса, мал табыла* (букв. Если будут деньги, и имущество найдется); земля: *Акча булса – бакча бульыр* (букв. Если будут деньги, будет огород); девушка: *Акча булса, кыз да табыла* (букв. Если будут деньги, и девушка найдется).

Деньги поработают не только человека, но и и сверхъестественное существо, в данном случае шайтана (черта): *Акча белән шайтанны да мәчеткә кертеп була* (букв. Деньгами можно и черта загнать в мечеть); *Акчага шайтан да хезмәт итә* (букв. Деньгам даже черт служит).

В паремиях татарского языка можно проследить следующую мысль: *акча* (деньги) являются верой мира: *Акча – дөнъя иманы* (букв. Деньги являются верой мира); *Дөнъяның иманы акча* (букв. Вера мира – деньги); *Дөнъя куласасы акча көче белән әйләнә* (букв. Мельница (мельничное колесо) мира крутится силой денег); а власть принадлежит тем людям, у которых есть деньги: *Акча кемнеке – дөнъя шуныкы* (букв. В чьих руках деньги, в тех руках и власть); *Акча кемнеке – мал шуныкы* (букв. У кого деньги – у того и имущество).

Акча (деньги) выступают неким образом, которому все под силу: *Акча кылычы үткен, бар нәрсәне кисә* (букв. Меч денег острый, все режет); *Акча таш кистерә* (букв. Деньги могут разрезать камень).

Человек с деньгами представляет собой силу, которой не только все подвластно, но которой боятся даже горы: *Акчалы әдәмнән таулар курка* (букв. Горы боятся человека с деньгами). Даже беда и несчастье боятся человека с деньгами: *Акчалы кешедән бәла куркыр* (букв. Беда испугается человека с деньгами).

2. Деньги любят счет.

Как и во многих языках, в татарском паремиологическом фонде существуют пословицы, в которых говорится о том, что деньги любят счет: *Акча санаганны ярата* (букв. Деньги любят счет); *Акча санаудан туймас* (букв. Деньги не устанут от счета); *Акча исәпне, акыл үлчәүне ярата* (букв. Деньги любят счет, а ум меру).

Среди пословиц приводятся сравнения, в которых нередко можно проследить отрицательную коннотацию. Например, *Акча санаудан, тәтәй хатын сөюдән туймас* (букв. Деньги не устанут от счета, а женщина легкого поведения – от ласки).

Однако в пословицах прослеживается мысль, что от постоянного подсчета количество денег не увеличится: *Акча санаган белән артмас* (букв. Деньги не увеличатся подсчетом).

Деньги можно не только заработать, но и найти. Значение «деньги можно найти» передается при помощи лексем, обозначающих место, например, *юл* (дорога), *жир* (земля) и т. д. В таких пословицах содержится совет, что нужно быть бдительным и пересчитывать деньги при находке: *Акчаны юлдан тапсаң да, санап ал, як-ягыңа карап ал!* (букв. Даже если найдешь деньги на дороге, посчитай, оглянись по сторонам); *Жирдән тапсаң санап ал, уң-сулга карап ал!* (букв. Если нашел на земле, пересчитай, оглянись по сторонам); *Ат алсаң, сынап ал; акча тапсаң, санап ал* (букв. Если купил лошадь, испытай, если нашел деньги, пересчитай).

Трудно заработать деньги, еще труднее их сохранить, удержать. Поэтому необходимо научиться их тратить: *Акча-*

ны табарга өйрэнгәнче, тотарга өйрән (букв. Прежде чем зарабатывать деньги, научись их тратить), Акчаны табасы жиңел, тотасы читен (букв. Легко заработать деньги, трудно удержать), Акчаны табу читен, тапкач саклау аннан да читен (букв. Трудно заработать деньги, заработав сложно сохранить (копить)).

3. В мире существует много вещей, которые дороже и выше денег (ум, совесть, спокойствие, душа, знания).

В татарском языковом сознании отдельное место отводится духовным ценностям человека. Приоритетнее денег для человека должны быть нравственность, ум, спокойствие, знания и т. д. Определение человеческих ценностей является одной из главных тем в паремиологии татарского языка, которое нашло отражение в пословицах.

Важнее материальных ценностей для человека должны быть нравственность, совесть: *Акчаң булмаса да, вәжданың булсын* (букв. Если даже нет денег, пусть будет совесть); *Акча тапканчы тәүфикь сора* (букв. Вместо того, чтобы найти деньги, проси (моли) о нравственности). Считается, что у человека может быть много денег, но не может быть спокойствия, которое не купишь за деньги: *Акчаң булса бер букча, жан тынычлыгы юк ла* (букв. Если есть мешок денег, нет спокойствия).

Превыше денег в татарских пословицах ставится ум: *Акча кесәдә түгел, башта* (букв. Деньги не в кармане, а в голове); *Акча тапканчы, акыл тап* (букв. Вместо того, чтобы найти деньги, найди ум). У человека может быть много денег, а ума нет: *Акчасы күп, акылы юк* (букв. Денег много, ума нет).

Акча тарат, белем жыый (букв. Раздай деньги, собирай знания). Существует стереотип, что: *Акчасы күп – залым кеше, акчасы юк – галим кеше*, человек с деньгами – деспот (бесчеловечный), человек без денег – ученый.

Считается, что глупый человек хуже человека без денег. Ум приоритетнее материальных ценностей. *Акча ярлысыннан акыл ярлысы яман* (букв. Бедность ума хуже бедности денег).

Хлеб также является большой ценностью для человека. Считается, что человек может прожить без денег, а без хлеба нет. *Акчасыз торып була, икмәксез торып булмый* (букв. Без денег можно прожить, без хлеба нет);

Акча өчен җан сатып булмый (букв. За деньги нельзя продать душу);

Әдәм булмыйм дисәң, акчага җан сатма (букв. Если хочешь быть человеком, не продавай душу деньгам);

Акча тапканчы исәп тап (букв. Вместо денег найди заботу).

4. Деньги приносят с собой заботы, являются источником несчастья.

Многие паремии с лексемой *акча* (деньги) маркированы отрицательно. В них деньги являются источником многих проблем, причиняют людям боль, сводят с ума и могут сжить со свету, т. е. деньги рассматриваются как источник несчастья: *Акча башны ашый* (букв. Деньги губят (сживают со свету)); *Акча әдәмнең башына җитә* (букв. Деньги губят (сживают со свету) человека); *Акча җан талавы* (букв. Деньги сводят с ума); *Йокы симертә, акча тилертә* (букв. От сна толстеют, от денег сходят с ума). Считается, что много денег впоследствии приводит к большим проблемам и заботам: *Күп акчаның мәшәкате күп* (букв. У больших денег – большие заботы).

5. Деньги притягивают к себе деньги, деньги идут к деньгам.

Акча акчаны табар (букв. Деньги найдут деньги, деньги идут к деньгам); *Акча акчаны ярата* (букв. Деньги любят деньги); *Акча янына акча сыя* (букв. Деньги помещаются к деньгам).

6. Деньги имеют власть над человеком, сбивают его с верного пути.

У татарского народа считается, что деньги портят человека, сбивают его с правильного пути. *Акча аздыра* (букв. Деньги сбивают с пути).

7. Человека ценят и уважают только тогда, когда есть деньги.

Паремии, содержащие данное значение, отрицательно маркированы. В татарском языке существуют пословицы, отрицательно оценивающие отсутствие денег. *Акча барда бар да дус* (букв. Когда есть деньги, все друзья); *Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр* (букв. Когда есть деньги – будут любить, когда нет денег – будут бранить); отсутствие денег *Акчаң бетте, кадерең бетте* (букв. Закончились деньги – закончилось уважение).

Человека без денег не ценят, цена ему – одна копейка: *Акчаң булмаса, бәһаң бер тиен* (букв. Если нет денег – цена твоя одна копейка).

8. Человек, который не имеет денег, ассоциируется с человеком, у которого мало ума.

Акчасы юк – акылы аз (букв. Нет денег – ума мало); *Бие озын, акылы кыска, акча өчен үтен коса* (букв. Рост длинный, ум короткий, ради денег испускает желчь).

9. Деньги достаются только настоящим мужчинам.

Акча арсланның авызында, егет булсаң, шуннан ал! (букв. Деньги в пасти льва, если ты мужчина, бери их оттуда).

В татарском языке пословицы с лексемой *акча* (деньги) включены в образную систему, представленную следующим образом:

Деньги как птица

Акча (деньги) сравнивается с птицей: *Акча аккош: муенын суза да оча* (букв. Деньги – лебедь, протягивают шею и улетают). Деньги передаются через образ птицы: *Акча кош, канаты-муены буш* (букв. Деньги – птица, крыло-шея пусты), *Тиленең акчасы торна булып кычкыра* (букв. Деньги безумного кричат, как журавль). Негативное отношение к тому факту, что деньги долго не задерживаются в руках: *Акча кошы кулдан төшми, кулдан-кулга оча* (букв. Денежная птица не спадает с рук, летит из рук в руки); *Акча кысып тотсаң*

үлә, йомшак тотсаң, очып китә (букв. Если крепко сжать в руках, деньги умирают, если слабо держать – улетают);

Деньги не собака

Акча эт түгел – хужаны танымый (букв. Деньги – не собака, хозяина не узнают)

Деньги в значении дружба

В татарском языке советуется не верить в дружбу денег, так как деньги ненадежны и могут тебя бросить, когда станет плохо: *Акчаның дуслыгына ышанма, авыр гач та сине ташлый*.

Деньги не родственники

Акчаның туганы юк (букв. У денег нет родственников).
Смысл этой пословицы следует понимать так: в делах денежных не существует родственных отношений.

Деньги не ураза, не пост

Акчаның уразасы юк (букв. У денег не поста), т. е. у денег всегда подразумевается расход.

Деньги – сабля

Имеется в виду, что деньги всемогучие: *Акча кылычы кылычы үткен, бар нәрсәне кисә* (букв. Сабля денег острая, все может порезать).

Деньги – узда, уздечка

Акчаның йөгәне юк (букв. У денег нет узды). В данной пословице говорится, что деньги невозможно удержать.

Деньги – замок

Акчаның йозагы саран, Ашлыкның йозагы салам.

В пословицах и поговорках татарского языка с компонентом *акча* (деньги) можно увидеть очеловечивание денег.

У денег есть лицо: *Акчаның йөзе якты* (букв. Лицо денег чистое). К данной пословице в татарском языке представляется следующая антонимическая пара: *Акчасызның йөзе кара*. Здесь уже идет конкретизация и имеется в виду, что у человека без денег лицо черное.

У денег есть уши: *Акчаның колагын киртмәгән* (букв. Здесь подразумевается то, что если упустишь деньги из рук, уже не сможешь их нигде найти).

У денег нет глаз: *Акчаның күзе юк.* Смысл данной пословицы состоит в том, что деньги могут «уйти» от тебя в нежеланное тобой место; *Акчаның күзенә ак төшкән* (букв. Глаз денег покрылось бельмом; *Акчаның күзенә ак төшсә дә, чәченә ак төшми* (букв. в вышеприведенных пословицах понимается следующее значение: *акчаның күзенә ак төшү* – деньги не узнают хозяина и могут уйти, *чәченә ак төшми* – деньги не стареют).

Пословицы с лексемой *акчасыз* (безденежный) также включены в образную систему. Например, человек сравнивается:

– с **цветком без аромата (запаха):** *Акчасыз кеше иссез чәчәк кебек* (букв. Человек без денег, как цветок без аромата (запаха));

– **безумным зайцем:** *Акчасыз олан – акылсыз куян* (букв. Юноша (товарищ) без денег, как глупый заяц);

– **нулем без палочки:** *Акчасыз кеше – таяксыз ноль* (букв. Человек без денег – ноль без палочки).

Деньги также являются

– **опорой мира:** *Акча – дөнъя тоткасы* (букв. Деньги являются опорой мира);

– **верой мира:** *Акча – дөнъя иманы* (букв. Деньги – вера мира), *Дөнъяның иманы акча* (букв. Вера мира – деньги).

В языковом сознании татарского народа понятие *акча* (деньги) ассоциируется с могуществом: *Дөнъя куласасы акча көче белән әйләнә*, *Акчалы кешедән бәла куркыр*, *Акчага арслан сөте дә табып була*, *Акча булса, кыз да табыла* и др. Смысл этих пословиц сводится к тому, что деньги могут все.

В татарском языке можно проследить ассоциативную связь между понятиями *акча* (деньги) и *янчык* (мешок): *Агачак кан – тамырда тормас*, *чыгачак акча – янчыкта тормас* (букв. Кровь, которая прольется, не будет оставаться в жилах, деньги, которые потратятся, не останутся в кошельке). А также *акча* (деньги) и *букча* (сумка) – *Акча бездә бер букча* (букв. Деньги у нас целая сумка).

В татарском языке существуют пословицы, в которых отрицательно оценивается одалживание денег: *Акча биру – жан биру* (букв. Давать в долг – отдавать душу), *Акча сора-саң миннән, боз кебек суынырмын синнән* (букв. Если спросишь у меня деньги взаймы, охладю к тебе как лед) и др. Данные пословицы отрицательно маркированы.

Среди татарских паремий можно встретить пословицы, где понятие *акча* (деньги) связано с понятием *смерть*. Употребление в этих паремиях ключевых компонентов приводит к выведению следующих структурных схем: *акча + зират*, *акча + кабер*. Например: *Әдәмне акчасыз зиратка да илт-миләр* (букв. Человека без денег даже на кладбище не проводят) и др. В пословице *Үлгәч, акчаңны кабергә куймаслар* (букв. После смерти деньги в могилу не положат) главный смысл заключается в том, что после перехода в иной мир человеку уже не нужны деньги. Однако в некоторых примерах приводится контраргумент, иллюстрирующий, что даже после смерти человеку нужны деньги, чтобы вырыть ему могилу: *Үлдем дә котылдым дип ятма, синең өчен кабер казучыга акча түлсе бор* (букв. Не думай, что умер и избавился, людям, которые копают твою могилу, нужно заплатить деньги).

Понятие *акчасыз* (< *акча* + афф. *-сыз*) (безденежный) представляет собой квазиценность человека: *Акчасыз кеше – таяксыз ноль* (букв. Человек без денег – ноль без палочки), *Акчасызның йөзе кара* (букв. У человека без денег лицо черное), *Акчасыз анаң атаңа да йөз бирми* (букв. Без денег и мать к отцу хорошо (благосклонно) не относится), *Акчасыз гүрдә тыныч ятканың күп артык* (букв. Лежать в могиле без денег намного лучше) и др.

Таким образом, в татарском языке во множестве пословиц о деньгах можно выделить две категории:

– первая группа содержит пословицы, отражающие убеждения, что деньги играют могущественную роль в жизни человека. Смысл этих пословиц сводится к тому, что *деньги могут все, деньги – благо*.

– вторая группа содержит пословицы, отражающие противоположное мнение: *деньги – ничто, деньги – зло*.

Пословицы, отражающие значение «деньги имеют силу», «деньгам подвластно многое», в целом маркированы положительно. В пословицах и поговорках со значением отрицательного отношения к деньгам основной смысл заключается в том, что деньги могут ввести человека в заблуждение, сбить с правильного пути [Сагдеева, 2009, с. 175].

Деньги являются общекультурным компонентом, поэтому многие татарские паремии с лексемой *акча* имеют эквиваленты и в других языках. Так, русском языке лексеме *акча* соответствует лексема *деньги*, в немецком – *geld*, в английском – *money*. Сравните:

тат. *Акча акчаны табар* – рус. *Деньга деньгу родит*;

тат. *Акча булса – бар да була* – рус. *С деньгами все можно сделать*;

тат. *Акчам бетсә, акылым бетә* – рус. *Рубль есть и ум есть, нет рубля – нет и ума*;

тат. *Ак акча кара көн өчен, Акчаны кара көн өчен сакла* – рус. *Береги денежку на черный день* – англ. *To put away money for a rainy day* – нем. *Sorge für einen Nothpfennig* или *Spaße was, so hast du was*;

тат. *Акча санаганны ярата* – рус. *Деньги любят счет* – англ. *Money likes to be counted* – нем. *Celd will gezält sein* и др.

3.3. Пословицы и поговорки с компонентами *тиен, тәңкә, сум*

В татарском языке многозначное слово *тиен* (копейка) означает мелочь, поэтому в семантике многих пословиц содержится значение, что с одной копеечкой ничего нельзя сделать. Например, за одну копейку нельзя построить баню: *Бер тиен акча белән мунча салып булмый*. Считается, что у человека, не имеющего копейки, не может быть денег: *Бер тиен акча тотмаганның каян булсын тәңкәсе, Сарык*

түгел эте юкның каян булсын тәкәсе? (букв. У человека (не имеющего), не потратившего копейки, откуда могут быть деньги (обобщ.), У человека не имеющего не то, что овцы, а собаки, откуда может быть баран). *Бер тиенне күпме шомартсаң да алтын булмый* (букв. Сколько не полируй копейку – алтыном не будет).

В татарском языке для обозначения полного отсутствия денег используется выражение *сукыр тиен* в значении «грош»: *Күзенә кырып салырга сукыр бер тиен дә юк* (букв. И гроша нет, чтобы отдать).

В татарских поговорках также наблюдается противоречивость в отношении тиен (копейка). Так, например, одна копейка означает мало денег, две копейки – много денег: *Бер тиен бер акча – ике тиен күп акча. Өч тиен бер акча* (букв. Три копейки – деньги).

Тиен (копейка) является основой денег. От одной копейки набирается рубль, от рубля много денег, богатство и т. д. Например, *Мал колыннан үсә, акча тиеннән* (букв. Скот растет (увеличивается) из жеребенка, деньги – из копейки).

Тамчы-тамчы күл була, Тиен-тиен сум була (букв. Капля к капле – озеро, копейка к копейке – деньги).

Тиен тәңкәне саклый (букв. Копейка рубль бережет).

Также нужно отметить, что в татарском пословично-поговорочном фонде порицается алчность, жадность и высокомерие человека. Так, например: *Бер тиен кергән бай булган* (букв. Получивший копейку разбогател). В данном случае имеется в виду саркастическое отношение к людям, которые одурманиваются даже от маленькой выгоды. В татарских пословицах прослеживается мысль, что нравственность должна быть превыше всего и не стоит идти на все ради денег. Следующий пример иллюстрирует человека, который продает душу ради денег: *Бер тиен өчен җата сата* (букв. Продает душу ради одной копейки). Данной поговорке противопоставляется следующий антонимичный вариант, в которой содержится совет: *Бер тиен өчен җан сатма* (букв.

Не продавай душу за одну копейку), т. е. не будь готов на все ради денег.

Несмотря на маленький номинал, копейке в татарском языке отводится большая роль. Считается, что от одной копейки человек может как разбогатеть, так и обеднеть: *Бер тиен кергән баеган, бер тиен чыккан бөлгән* (букв. Получивший одну копейку разбогател, потративший одну копейку разорился).

Бытует мнение, что человек, не знающий цену копейке, никогда не увидит (получит) денег: *Бер тиеннең бәясен белмәгән бер тәңкәне күрмәс* (букв. Не знающий цену одной копейки не увидит один рубль).

Лучше своя одна копейка, чем тысяча рублей другого человека: *Кешенең мең тәңкәсеннән үз бер тиенең яхшы*. Даже одна копейка, которую не третишь и хранишь, является прибылью: *Саклап тоткан тиенең табыш*.

В пословичном фонде татарского языка дается совет, что нужно беречь одну копейку на черный день: *Бер тиенеңне кара көнөң өчен сакла*. Данная пословица имеет эквиваленты и в других языках, например в русском: *Откладывать деньги на черный день*.

Сочетание *ике тиен* имеет двойное понимание в языке. Например, данным сочетанием можно выразить количество денег: *Ике тиен чыгармый бер тиен кермәс* (букв. Не потратив двух копеек, не получишь ни копейки). Также данное выражение в татарском языке может употребляться в значении «равнодушие»: *Безгә – ике тиен бер акча* (букв. Нам все равно).

Как уже отмечалось ранее, среди пословиц татарского языка с компонентом *тиен* (копейка), имеются сочетания существительного *тиен* и числительного. Например, *Биш тиенлек куян, ун тиенлек зыян* (букв. Пятикопеечный заяц, десятикопеечный урон); *Бер тиен биреп сөйләтәп булмас, ике тиен биреп туктатып булмас* (букв. Невозможно разговаривать за одну копейку, остановить за две копейки); *Бер тиен*

белән керәләр, ярты тиен белән чыгалар (букв. приходят с одной копейкой, уходят с половиной копейки); *Ике тиен бер акча – аңардан да сдача* (букв. Две копейки – деньги, и от него сдача).

В татарских паремиях *тиен* (копейка) также представлена образной номинацией. Так, например, деньги ассоциируются с *белкой*. В данном примере можно наблюдать также омонимию: *Тиен агачтан агачка, тиен (акча) кулдан кулга сикерә* (букв. Белка прыгает из дерева к дереву, копейка (деньги) из рук в руки).

Лексема *тиен* (копейка) содержится также в сравнениях:

– *иске бер тиен кебек ялтырау* (букв. Блестеть, как старая копейка);

– *иске бер тиендәй чәчрәп чыгу* (букв. Резко выскочить, как старая копейка);

– *тишекле бер тиен кебек әйләнеп кайту* (букв. Вернуться как ломаный грош, вернуться как фальшивая монета (говорят о никчемном человеке)).

Для более точного понимания пословиц и поговорок, иногда невозможно обойтись без определенных исторических фоновых знаний. В давние времена во времена меновой торговли, шкурки белки являлись разновидностью денежной единицы. Так, например, *Эшләгәнгә койрыклы тиен, эшләмәгәнгә койрыксыз тиен* (букв. Тому, кто работает, копейка (белка) с хвостом, кто не работает – без хвоста) или *Эшләмәсәң сиңа койрыклы бер тиен дә юк* (букв. Если не будешь работать, не получишь ни копейки (белки) с хвостом). У татар существует также поверье *Эшләгәнгә тиен үз койрыгын тоттыра, эшләмәгәнгә юк*, т. е. тем, кто работает, белка дает подержать свой хвост, кто не работает – нет.

Помимо лексем *тиен* (копейка), рассматриваются также лексем *тәңкә* (монета) и *сум* (рубль). В татарском паремиологическом фонде пословицы и поговорки с данными компонентами составляют меньшую часть, по сравнению с такими компонентами, как *акча* (деньги) и *тиен* (копейка).

В татарском языковом сознании существует мнение, что в денежном вопросе не существует равенства, справедливости: *Тәңкәлә жирдә тиңлек юк* (букв. В монетном месте нет равенства).

Лучше заработать деньги своим собственным трудом, нежели бесплатно их получить: *Тиген килгән тәңкәдән тир чыгарып тапкан тиен артык* (букв. Копейка, заработанная собственным трудом, лучше бесплатно полученных монет).

Превыше денег ценятся друзья, дружба: *Йөз сум акчаң булганчы, йөз дустаның булсын*. В русском языке существует эквивалент данной пословицы: Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

3.4. Пословицы и поговорки с компонентом алтын

В татарских паремиях золото уже само по себе является умом: *Алтын үзе акыл*. Ум человека подразумевается и ценится как золото: *Алтын өстенә акыл – ике алтын* (букв. Ум к золоту – два золота).

Ум человека ценится превыше всякого богатства, золота: *Алтын алма, акыл ал, алтын – акыл булалмас* (букв. Не бери золото, бери ум, золото не сможет быть (заменить) умом). *Алтын кирәкми, акыл кирәк, акыл булса, алтын табылыр* (букв. Не нужно золото, нужен ум, если будет ум, найдется золото).

Алтыннан акыл кыйбат (букв. Ум дороже золота);

Алтының белән мактанма, акылың белән мактан (букв. Не хвастайся золотом, хвастайся своим умом).

Идея, что золото оказывает на ум человека негативное влияние, передается следующим образом: *Алтын әдәмнең акылын алыр* (букв. Золото забирает ум человека);

Акыл булмаса, алтын ни эшкә? (букв. Если нет ума, зачем нужно золото?);

Алтын акылны да аптырата (букв. Золото мучает ум);

Алтынга ияргән югалган, Акылга ияргән юл алган (букв. Человек, следующий за золотом, потерянный, следующий за умом – вступивший на правильный путь).

Алтын өчен акыл корбан (букв. Ради золота ум приносит себя в жертву).

Алтын өчен акыл корыган (букв. Ради золота ум усыхает).

Алтын акылны картайта (букв. Золото старит ум).

Алтынга табынган – акылдан абынган (букв. Человек, поклоняющийся золоту, оступился от ума).

Алтыны барда жүләрне дә акыллы диләр (букв. При золоте и глупый считается умным).

В то же время человек, которому безразлично золото, деньги, считается сумасшедшим: *Алтынга исе киткән акылыннан читкә киткән*.

Золота много не бывает, однако тем оно и ценнее: *Алтынның бөтен кадере дә аның аз булуында* (букв. Вся ценность золота заключается в его малом количестве).

Напротив, меди бывает много и она обычно есть у нищих: *Алтын бик кечкенә – байлар янчыгында, бакыр бик зур – хәерчеләр капчыгында*.

Несмотря на то, что золота много не бывает, оно имеет огромное значение для людей: *Алтын кечкенә булса да, кадере зур*. Именно малость золота и делает его ценным: *Алтынның кыйммәте азлыгында*.

Люди ищут золото, богатство: *Алтын кешене эзләми, кеше алтынны эзли* (букв. Не золото ищет человека, а человек золото).

Золото приносит людям несчастье: *Алтын үзе чермәсә дә күп башларны чертә* (букв. Золото не гниет, но из-за золота страдают люди).

Смысл там где золото-серебро – беспорядки, волнения: *Алтын-көмеш әсирдә фетнә чыга*.

Алтыннан күз йәше түгелә (букв. Золото является источником слез).

Алтын сикертә (букв. Золото заставляет людей плясать).

Байның үз алтыны үзенә дошман (букв. Золото богачей является их врагом).

В татарских пословицах и поговорках прослеживается мысль, что золото превращает поклоняющегося в себя человека в дьявола: *Алтын жем итә, табынганны эҗен итә*.

В паремиях также советуется выбирать вместо золота благодарность: *Алтын алма, рәхмәт ал*, что в очередной раз свидетельствует о том, что превыше денег, золота и материальных богатств для человека должны быть другие ценности.

3.5. Пословицы и поговорки с компонентом мал

Пословицы и поговорки с компонентом *мал* (имущество, состояние, деньги) являются одной из самых многочисленных групп пословиц, включающих в свою семантику значение *деньги*. Рассмотрим несколько групп пословиц со значениями:

1. Имущество

В татарском языковом сознании существует мнение, что состояние – это все и всем людям, не только живым, но и мертвым, нужны деньги: *Үлегә дә мал кирәк, терегә дә мал кирәк* (букв. Имущество нужно и для живого, и для мертвого).

Деньги играют огромную роль в жизни человека. Только человек с состоянием может быть человеком: *Мал белән кеше кеше була*. Имущество считается опорой мира: *Ике дәнъя тоткасы – мал*.

Если у человека есть состояние, то впоследствии все имущество остается детям, если же наоборот, то детям остаются долги: *Мал булса, балаларга мал кала, булмаса, бурыч кала*.

В вопросах имущества, богатства не бывает друзей: *Жан кардәш булса да, мал кардәш түгел* (букв. Если даже душа является другом, имущество – нет). Блаженство души – тело, а блаженство тела – состояние: *Жан рәхәте тән белән, тән рәхәте мал белән*. Имущество является отщепком души: *Мал җанның юнгысы*.

Однако состояние получить не так-то просто: *Мал төркмәннең түрендә, арсланның авызында* (букв. Состояние у туркмена на почетном месте, у льва во рту).

Несмотря на всю значимость имущества, человек также признает не только материальные ценности. Например, для людей важным является семья, знания и только потом деньги: *Әүвәлге байлык – бала, икенче байлык – белем, өченче байлык – мал* (букв. Главное богатство – ребенок, следующее богатство – знания, третье богатство – состояние). Человеческая душа также является ценностью: *Мал кыйбат түгел, җәһан кыйбат* (букв. Состояние не дорого, дорога душа).

В пословицах прослеживается мысль, что состояние не только счастье, но и несчастье, проблемы: *Мал мәшәкәт тудыра* (букв. Имущество создает проблемы).

2. Получение имущества, умение обращаться с ним, трата имущества

Существует мнение, что человек уважаем только тогда, когда он успешен, богат и состоятелен. Данное значение прослеживается в пословицах и поговорках татарского языка. Например, *Ай бәгърем, вай бәгърем, малым беткәч, юк кадерем* (букв. Закончились деньги – пропало уважение). *Мал да очты, дан да бетте* (букв. И имущество пропало, и слава прошла).

Сложно не накопить имущество, а уметь его сохранить: *Мал кеиене баетмый, хикмәт тотә белүдә* (букв. Имущество не делает человека богатым, смысл (мудрость) в умении пользоваться деньгами).

Малны ансат табасы, мәшәкәт аны җыеп тотасы (букв. Легко накопить состояние, сложно его удерживать).

Малны табуы бер кыен, тотә белү ике (букв. Сложно заработать состояние, пользоваться им вдвойне сложнее).

Табә белү бер һөнәр, тотә белү ун һөнәр (букв. Одно дело зарабатывать, умение тратить десять).

Малны тотә бел, ашны йота бел! (букв. Умей тратить деньги, умей кушать).

В пословицах и поговорках татарского языка можно проследить интересную мысль, что юноша, мужчина должен зарабатывать деньги и копить состояние. Считается, что

если парень не в состоянии накопить имущество, то он уже не парень: *Бал тапмаган корт булмас, мал тапмаган егет булмас* (букв. Не будет пчелы, не умеющей добывать мед, не будет парня, не накопившего состояние). А если уж человек накопил имущество, то у такого человека даже нет грехов: *Мал тапкан ирнең гәнаһы юк* (букв. У мужчины, накопившего состояние, нет грехов).

Мал тапмас ир булмас, бала тапмас хатын булмас (букв. Нет мужчины, который не мог бы накопить состояние, нет женщины, которая не могла бы родить ребенка).

В этом мире очень сложно накопить деньги. Данное значение нашло свое отражение в пословицах и поговорках. *Мал бөртекләп җыела* (букв. Имущество собирается по крупинкам). Трата состояния сравнивается с уничтожением вшей, а накопление сравнивается с ловлей блохи: *Мал бетерү – бет утерү, мал табу – борча тоту*.

Сложно только копить деньги, тратить состояние очень просто и быстро: *Мал җыярга бер гомер, туздырырга ярты тәүлек җитә* (букв. Для того, чтобы накопить состояние, нужна целая жизнь, для того, чтобы потратить, – половина дня).

В пословицах и поговорках также говорится, что у глупых людей деньги и так долго не задержатся: *Дуракта мал тормас, иләктә су тормас* (букв. У дураков состояние долго не задержится, как вода в сито).

В татарском паремиологическом фонде отдельное место уделяется умственным способностям. Считается, что если человека глупый, то он не только не сможет накопить состояние, но и не сумеет его сохранить: *Ми булмаса, мал кими* (букв. Если не будет мозгов, состояние не «придет»).

Если хочешь узнать ценность состояния, то попробуй попросить у кого-нибудь взаймы, в этом заключается суть следующей пословицы: *Малның кадерен беләсең килсә, бергәдән барып бурычка сорاپ кара*. Здесь также дается совет: *Бирмә малыңны кешегә хисапсыз, кермә кеше өенә рәхсәтсез*

(букв. Не давай свое состояние никому без расчета, не заходи к человеку в дом без разрешения).

Для многих людей одалживание денег сравнимо с потерей души: *Мал биру – жан биру*.

К сожалению, часто люди понимают ценность имущества только тогда, когда они терют все: *Дөнъяның кадерен йөргәндә, малның кадерен бөлгәндә, жанның кадерен үлгәндә белерсең* (букв. Ценность мира узнаешь, когда ты жив, ценность имущества, когда разоряешься, а ценность души – когда умираешь).

Существует мнение, что если у человека чистая душа и нет грехов, то деньги сами придут к нему: *Күңелең яхшылыкта булса, мал табылыр* (букв. Если будет душа во благе, состояние само найдется).

Как уже говорилось, деньги идут к деньгам. Так и в половицах с компонентом *мал* прослеживается такая мысль: *Малны мал таба* (букв. Иущество находит имущество).

Человек, который ищет богатство, состояние, рано или поздно найдет его: *Мал эзләгән мал табар* (букв. Искавший состояние – найдет его). Однако считается глупостью тратить состояние, понадеявшись на богатства, которые еще не получил: *Тапмаган малга ышанып, кулдагын бетерү ахмаклык* (букв. Глупость тратить имеющееся состояние, понадеявшись на имущество, которое еще не получил).

3. Имущество, заработанное собственным трудом, дозволенное / недозволенное имущество, легко полученное состояние

В татарском языковом сознании бытует мнение, что состояние просто так не приходит: *Бушлай килгән мал булмас*.

Такое состояние долго не задерживается и уходит так же, как и пришло: *Бушлай килгән мал бушлай китә* (букв. Бесплатно (легко) полученное состояние также бесплатно (легко) уходит).

Михнәтсез тапкан мал исәпсез китәр (букв. Легко полученное состояние также беззаботно уйдет).

Жиңел табылган жылга китә (букв. Легко полученное уходит ветру (также легко улетает)).

Имущество, заработанное без труда, не будет благополучным (не к обру): *Хезмәтсез тапкан мал дәүләт булмас*.

Үзебез тапкан мал түгел, халыкныкы эҗәл түгел (букв. Не нам и заработанное имущество, а заработанное другими людьми не жалко).

Үзең тапмаган малның кадере булмас (букв. Имущество, не заработанное самим, не будет цениться).

Состояние, заработанное не своим трудом, сравнивается с чужим ребенком: *Үзең тапмаган мал үзең тапмаган бала шикелле* (букв. Имущество, не заработанное самим, как чужой ребенок).

Деньги, имущество играют огромную роль в жизни человека. Поэтому состояние, накопленное самим, является очень дорогим для человека, иногда даже дороже собственной души: *Жан көче белән тапкан мал – җаннан газиз* (букв. Имущество, заработанное душевной силой, дороже самой души).

Һәркемнең малы үзенә кадерле (букв. Каждому человеку дорого свое имущество).

В татарских пословицах и поговорках советуется не завидовать чужому благополучию: *Кеше малын күпсенмә* (букв. Не завидуй чужому состоянию); не хвастаться чужим богатством: *Кеше малы белән мактанма*; и не трогать чужое богатство: *Кеше малына тимә, үзеңнекен җибәрмә* (букв. Не трогай чужое богатство, свое не отпускай).

В пословицах и поговорках с компонентом *мал* говорится также о состоянии, заработанном дозволенным и недозволенным путем. Например, *Хәләл мал кире кайта* (букв. Дозволенное имущество обратно возвратится); *Хәләл мал югалмас* (букв. Дозволенное имущество не потеряется); *Хәрәм малда бәрәкәт юк* (букв. В недозволенном имуществе нет счастья); *Хәрәм малның хәере юк* (букв. У недозволенного имущества нет благополучия).

4. Общее имущество

В татарских пословицах и поговорках говорится, что состояние не может и не должно быть общим. Например, *Аеңкөнең уртак булсын, малың уртак булмасын!* (букв. Пусть месяцы и дни будут общими, но состояние не будет общим!)

В отношении богатства не существует ни друзей, ни родственников: *Кан уртак, мал уртак түгел* (букв. Кровь общая, имущество – нет).

В татарских поговорках наблюдается двойственность по отношению к общему имуществу. Так, например, *Уртак малга эт тимәс* (досл. Общее имущество собака не тронет); *Уртак малың эт ашы* (досл. Общее имущество собака кушает).

5. Состоятельный / несостоятельный

В татарских пословицах и поговорках прослеживается мысль, что когда у человека есть богатство, состояние, то ему все рады и перед ним открыты все двери: *Мал булса, кая барсаң ишек ачык, Ябык булса, кертерләр тиз-тиз ачып* (букв. Если будет состояние, то куда бы ты ни пошел, везде открыты двери, а если закрыты, то быстро откроют).

Человек ценен и дорог только тогда, когда он состоятелен и богат, если он остается без имущества, то уже никому не нужен. Например, *Малың барда бар да дус, малың бетсә кая дус?* (букв. Когда у тебя есть состояние, все друзья, а если закончатся богатства, где друзья?); *Малың барда дусларыңны куалап та жибәрә алмасың, Малың беткәч, эзләп тә табалмасың* (букв. Когда ты состоятелен, друзей, если даже прогонешь, не уйдут, когда закончится состояние, друзей не сможешь найти).

Человек, у которого нет богатства – неуважаем: *Малы юкның кадре юк*.

Богатство – это сила, и против этой силы не стоит идти. В пословицах и поговорках советуется не спорить с состоятельными людьми: *Маллы белән дулашма; Маллы белән сөйләшмә, көчле белән көрәшмә* (букв. Не разговаривай с состоятельным, не борись с сильным).

Во многих пословицах и поговорках с компонентом *мал* присутствует слово *сансыз*, что на русский язык переводится как *непочтительный, беспутный, ненужный*. Посредством данного слова выражается значение, что без богатства мир ненужный: *Малсыз дөнъя сансыз*.

Юноша без состояния является беспутным: *Малсыз егет – сансыз егет. Малсызның көне сансыз*.

Люди, у которых есть богатство, известны, славны: *Малы купнең даны күя*. Однако в то же время у таких людей много хлопот: *Малы барның мәшакәте бар*.

В татарских пословицах и поговорках советуется довольствоваться тем, что и терпеть, если нет богатства: *Малың барда шөкер ит, малың юкта сабыр ит*.

Превыше любого богатства и состояния ценится человеческий ум, потому что бедность, скудность человеческого ума намного хуже, чем бедность в материальном плане: *Мал ярлылыгыннан акыл ярлылыгы яман*. В паремиях советуется не оставаться глупым, если даже остался без богатств: *Малдан ярлы калсың кал, акылдан ярлы калма*.

6. Много имущества, мало имущества, лишнее имущество

В татарском языковом сознании существует двойное отношение к лишнему имуществу. С одной стороны, считается, что лишнее состояние ни к чему плохому не приведет: *Арткан мал баш ярмас* (букв. Увеличившееся имущество не страшно). С другой стороны, в пословицах и поговорках присутствует смысл, что лишнее состояние до добра не доведет. Количество таких паремий преобладает: *Артык мал күз чыгарыр* (букв. Лишнее богатство ослепляет); *Артык мал – артык чөй: баш тишимсә, күз тишәр* (букв. Лишнее богатство – лишний клон, если не проколет голову, то проколет глаз); *Мал куп булса, ка-дере юк* (букв. Несмотря на большое богатство, ценности нет).

7. Имущество и здоровье

В татарских пословицах и поговорках имущество непосредственно связано со здоровьем человека. Здоровье в

данном случае выражается посредством слова *баш* (голова). Так, например: *Баш сау булса, мал табыла* (букв. Если здоровье будет, состояние найдется); *У кого все хорошо со здоровьем, хорошо все и с деньгами, имуществом: Башы сауның малы сау.*

Баш бетмәсә, мал бетмәс (букв. Если будет здоровье, имущество не закончится); *Баш булса – мал, аш булса, казан табылыр* (букв. Если будет здоровье – имущество, если будет суп – найдет казан); *Мал бетте дип уфтанма, Мал кыйбат түгел, баш кыйбат* (букв. Не расстраивайся, что деньги закончились, деньги не дороги, дорого здоровье); *Мал казасы баш казасы түгел, мал табыла, бага табылмый* (букв. Проблемы с имуществом – это не проблема со здоровьем, имущество можно найти, а здоровье нет); *Мал бәя түгел, баш бәя* (букв. Состояние не ценность, здоровье ценность).

Превыше денег и состояния человеком ценится также душа: *Жаным малымнан газиз* (букв. Душа моя ценнее, чем мое имущество).

Таким образом, из приведенных выше примеров видим, что в жизни человека ценятся не только материальные ценности, но и здоровье человека и его душа.

8. Имущество отца, завещание

В татарском паремиологическом фонде содержатся поговорки, в которых отмечается принадлежность имущества отцу. В пословицах и поговорках говорится, что состояние, оставшееся от отца ребенку, – это не состояние: *Ата малы мал булмас. Ата малы бала малы түгел* (букв. Имущество отца не является имуществом ребенка).

В паремиях татарского языка прослеживается мысль, что имущество отца только портит ребенка, а вот самим заработанное состояние организует: *Ата байлыгы боза, үзең тапкан төзә.*

В большинстве пословиц и поговорок, содержащих в себе значение *состояние отца*, содержится смысл, что имущество отца для ребенка не жалко истратить: *Кеше малы мал*

түгел, ата малы жәл түгел (букв. Имущество людей не имущество, а имущество отца не жалко).

Во многих таких пословицах и поговорках слово *ата* (отец) передается диалектальным вариантом *атай*: *Атай малы катай* (букв. Прокутить отцовское добро; спустить отцовское добро на ветер); *Атай тапкан малның кадере юк* (букв. У имущества, заработанного отцом, нет ценности); *Атай тапкан мал түгел, үзебез тапкан жәл түгел* (букв. Спустить родительское добро).

Состояние отца быстро истратится, если самому ничего не делать и не накапливать: *Ата мирасы янган шам кебек* (букв. Состояние отца, как горящая свеча). В данном примере имущество передается через образ свечи, состояние отца также быстро заканчивается, как быстро сгорает свеча: *Ата малы тиз төкәнер* (букв. Отцовское добро (наследство) быстро кончается).

Если не заработаешь имущество своим собственным трудом, состояния отца хватит только на месяц: *Үзең тырышып тапмасаң, ата малы – бер айлык*.

В татарском языковом сознании считается, что хорошему ребенку не нужно состояние отца, а плохому ребенку нельзя оставлять имущество: *Яхшы балага ата малы кирәкми, яман балага мал калдыру кирәкми*.

В целом нужно отметить, что в татарском языке существует двойственное суждение об имуществе. Во-первых, нужно отметить, что имущество всегда нужно человеку. Например, *Өч көн яшәсәң дә мал кирәк* (букв. Даже если будешь жить три дня – имущество нужно).

В пословицах и поговорках прослеживается мысль, что имущество не так-то и просто заработать: *Дөнья малы ансат табылмый*. Состояние очень сложно заработать, оно буквально собирается по крупинкам: *Мал бөртекләп җыела*.

Для того, чтобы заработать себе состояние, нужно очень много времени: *Мал җыярга – йөз ел, таратырга – ярты көн* (букв. Заработать состояние – нужно сто лет, потратить – половина дня).

Существует мнение, что, пока состояние накопится, человек уже умрет: *Мал малга җиткәнче газраил җанга җитәр* (букв. Пока имущество накопится, ангел смерти доберется до твоей души (заберет твою душу)).

Сколько ни копи имущество, после твоей смерти оно останется и ты не сможешь забрать его на тот свет: *Малны күпме җыйсаң да, үзең белән теге дөнъяга алып китә алмасың*. В то же время богатство нужно и живому, и мертвому: *Үлегә дә мал кирәк, терегә дә мал кирәк*.

Малны шайтан бирер, алла алып калыр. В данном примере говорится, что состояние дает шайтан, а Аллах его заберет.

Считается, у кого много богатства, у того нет проблем: *Малы күпнең хисабы күп*. А у кого нет имущества, у того нет постоянства: *Малы юкның вафасы юк*.

Имущество ценится превыше всего. Лучше быть без души, чем быть без богатства: *Малсыз булганчы җансыз бул*. Человек без имущества сравнивается с соколом без крыльев: *Малсыз кеше канатсыз лачын шикелле*. У кого есть состояние, у того есть душа, а если нет состояния, значит, и души нет: *Малы барның җаны бар, малы юкның җаны юк*.

3.6. Пословицы и поговорки с компонентом байлык

В татарских пословицах и поговорках с компонентом *байлык* (богатство) наблюдается двойственное отношение татарского народа к богатству. С одной стороны, богатство расценивается положительно: *Фәкыйрьлек сугыштырса, байлык килештерер* (букв. Если бедность заставляет драться, то богатство мирит); *Байлык батырайта, ярлылык кәкрәйтә* (букв. Богатство делает храбрым, бедность сгибает); *Байлык белән акыл теләсә ни гаепне каплай, ярлылык белән наданлык аны ачып ташлай* (букв. Богатство и ум покрывают любую вину, бедность и глупость ее раскрывают).

С другой стороны, богатство рассматривается отрицательно. По количеству такие паремии преобладают над

положительно маркированными пословицами и поговорками. Считается, что богатство сбивает человека с верного пути: *Байлык, бушлык, ялгызлык кешене аздыра, юлдан яздыра, тормышын туздыра* (букв. Богатство, пустота, одиночество портят человека, сбивают с пути, ломают жизнь). *Юклык өйрәтә, байлык боза* (букв. Бедность – учит, богатство – портит).

Богатство портит человека: *Байлык – кешенең күңелен ташка, күзен акка әйләндерә* (букв. Богатство превращает душу человека в камень, а глаза затягивает бельмом).

Излишнее богатство расценивается также отрицательно, считается, что это лишняя головная боль для человека. Например, *Артык байлык – башка имгәк* (букв. Излишнее богатство – только обуза); *Артык байлык адәмне аздырыр* (букв. Излишнее богатство собьет человека с пути).

Считается, что лучше бедность, которую ценят, чем богатство, которое не ценят (*Кадерен белмәгән байлыктан кадерен белгән ярлылык яхшы*).

Бедность ценится даже выше, чем богатство. В паремиях говорится, что не стоит стесняться бедности, так как это не позор. Например, *Байлык зурлык түгел, юклык хурлык түгел* (букв. Богатство не величие, а бедность не унижение, не позор); *Байлык морат түгел, ярлылык оят түгел* (букв. Богатство не цель, бедность не позор).

В паремиях татарского языка говорится, что ценность богатства познается только при его потере: *Байлыкның кадере беткәч беленер* (букв. Человек начинает познавать ценность богатства лишь при его разорении); *Байлык кадерен бөлгәндә, жанның кадерен үлгәндә белерсең* (букв. Ценность богатства познаешь при утрате, ценность души – при смерти).

В пословицах и поговорках говорится о том, что богатство не постоянно, богатство сравнивают с гостем. Например, *Байлык бүген синдә кунак, иртәгә – миндә* (букв. Богатство сегодня у тебя гость, завтра – у меня).

Считается, что богатство по сравнению с бедностью очень быстро течет: *Байлык – айлык, ярлылык – елык* (букв. Богатство – месячный, а бедность – годовой. Или, например, *Байлык – бер айлык, ярлылык, «тота белсән», – мәнҗелек* (букв. Богатство – один месяц, бедность, «если сумеешь пользоваться» – вечно).

Богатство легко не зарабатывается. В паремиях татарского языка говорится, что богатство иногда зарабатывается нечестными путями. Например, *Байлык этлек белән табыла* (букв. Богатство достается подлостью, нахальством).

Существует мнение: для того, чтобы накопить богатство, не нужно особых умений. Нужно просто уметь правильно пользоваться и тратить имеющиеся средства. Например, *Байлык хэзинә жыюда түгел, булганны белеп тотуда* (букв. Богатство не в том, чтобы накапливать сокровище, а в том, чтобы правильно тратить имеющееся).

Двойственное отношение к деньгам также присутствует в паремиях со значением «копить богатство». Считается, что если будешь накапливать богатство, то у тебя будут хлопоты, если ты потеряешь свое богатство, что это будет досада. Так, например, *Байлыкны жыйсаң мәшәкатъ, югалтсаң үкенеч*.

Богатство – всеильно: *Байлык куәтле, фәкыйрьлек белән генә беленми* (букв. Богатство – могущественно, только не заметно с бедностью).

Богатство даже является опорой религии: *Байлык – дингә терәк*.

Как уже говорилось ранее, чем больше денег, тем больше проблем. Так, считается, что с ростом богатства, растут и хлопоты: *Байлык арткан саен мәшәкате дә артыр; Байлыкны жыйсаң мәшәкатъ, югалтсаң үкенеч* (букв. Если копить богатство – хлопоты, потерять – раскаивание).

В пословицах и поговорках советуется не хвастаться богатством: *Байлык белән мактанма* (букв. Не хвастайся богатством).

Считается, что ценность двух вещей познается только при их потере: *Ике нәрсәнең кадере кулдан киткәч беленер: байлык белән саулык* (букв. Ценность двух вещей познается только при потере: богатство и здоровье).

Паремии с компонентом *байлык* (богатство) включены в образную номинацию. Богатство сравнивается:

с птицей: *Байлык – күгәрчен* (букв. Богатство – голубь);
Байлык – чыпчык (букв. Богатство – птичка) и др.

природным явлением: *Байлык – кырау* (букв. Богатство – изморозь, заморозки).

душой: *Байлык жән түгел, жиңел генә биреп булмый* (букв. Богатство не душа, легко не сможешь отдать).

Итак, анализ языкового материала показывает, что в татарских пословицах и поговорках о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей оценке денег, отразившего опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями [Сагдеева, 2009, с. 175]. Паремии с лексемой *акча* (деньги) и репрезентанты дают представление о ценностях и в то же время антиценностях татарского народа. Деньги являются предметом эмоций, симпатий и антипатий, приятия и неприятия, почитания и поругания.

Изучив пословицы и поговорки, мы выяснили, что для человека важны не только деньги, богатство, приоритетнее денег являются нравственность, ум, спокойствие, знания и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепт является основной единицей лингвокультурологии. Данное понятие в лингвокультурологическом понимании представляет собой глобальную многомерную единицу ментального уровня. Для концепта характерны исторический детерминизм, широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; неоднородность содержания, разнообразие типов знаковых репрезентаций.

Многообразные репрезентации концепта *акча* (деньги) позволяют представить его модель в виде общечеловеческой, культурной, субкультурной единицы. Семантика языковых единиц указывает на то, что культурный слой концепта структурируется двумя компонентами – модусным и диктумным.

Проведенное исследование показало, что процессы концептуализации и категоризации могут быть культурно маркированы. Процессы концептуализации культурного знания наиболее полно отражают лексические средства – экстенсионал и интенсионал значения, синонимические, оппозитивные и деривационные связи слов, семантическую структуру многозначного слова и др.

Для характеристики особенностей тех или иных культур широко применяется понятие «ключевое слово». К ключевому слову изучаемого нами концепта относим слово *акча*. Это слово удовлетворяет психологическому критерию выделения ключевых слов, имеет простой семный состав входящих в него значений, что обуславливает его широкую экстенциональность, общеупотребительность, широкую сочетаемость.

Культурно релевантную концептуальную информацию может отражать каждый из компонентов значения слов и

фразеологических единиц. В зависимости от системы актуализированных ценностей находятся классификация явления, определение набора существенных признаков, выбор внутренней формы. Культурно значимые явления действительности могут быть отражены в семном составе слова. Также семный состав слов может интерпретировать в соответствии с культурными установками, стереотипами и другие универсальные знания.

Процесс концептуализации того или иного явления отражает многозначное слово. Также определением прототипического значения объективируется развитие концепта. Семемы того или иного многозначного слова вербализуют смыслы. В характере отношений между значениями находит свое отражение и специфика процессов концептуализации.

Значение языковой единицы (лексической и фразеологической) представляет собой разнородную, а с другой – взаимосвязанную информацию. Лексическая и фразеологическая семантика отражает культурно маркированные смыслы. Характер семантики языковых единиц позволяет представить структуру культурного концепта.

Семантико-этимологический анализ многозначного слова *акча* (деньги) позволяет проследить путь становления данной лексемы в татарском языке. Для описания лексемы *акча* (деньги) мы обратились к различным лексикографическим источникам.

Имеются разные точки зрения на происхождение слова *акча* (деньги). В основном большинство ученых придерживаются мнения, что слово *акча* произошло от слова «белый, беленький», другие считают – от слова «сокровище».

В процессе структурирования синонимического ряда проявляются культурные аспекты интерпретации. Изменение когнитивной стратегии объективирует эволюционный синонимический лингвосемиотический ряд: *акча, сэмән (гади акча), тәңкә, тиен, сум, алтын, көмеш, бакыр, капитал, байлык, мал, керем, файда* и др.

Особенности развития концепта отражают антонимические парадигмы. С одной стороны, они отражают углубление процессов концептуализации, с другой – ценностную шкалу, функционирующую в лингвокультурной общности. При активации концепта *акча* (деньги) антонимия играет особую роль: она показывает противоречивость, антонимичность татарского мировидения.

Будучи самостоятельными единицами языка, слова существуют в языке не изолированно, а взаимодействуют друг с другом, в результате образуя различные словосочетания. В нашем случае синтагматические значимости эксплицируют коннотации определяемого слова и отражают новизну концепта *акча* (деньги) для татарской лингвокультуры.

Ценностную направленность процесса номинации отражают производное слово, словообразовательные макроединицы. Количественным составом словообразовательных гнезд, продуктивностью типов словообразовательных значений, многообразием словообразовательных типов и моделей может выражаться ценностный аспект культурной информации.

Таким образом, словообразование в определенной степени является индикатором национально-культурной специфики определенного народа. Анализ исследуемого материала показал, что целесообразным является необходимость рассмотрения словообразования как системы отражения знаний и опыта человека в языковых формах, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям.

Наиболее продуктивным способом словообразования является суффиксальный способ. Производные образуют словообразовательное гнездо с производной *акча* (деньги).

В паремиологическом фонде татарского языка концепт *акча* (деньги) представлен при помощи слов *акча*, *акчалы*, *акчасыз*, *алтын*, *көмеш*, *тиен*, *тәңкә* и др.

Деньги – все и *деньги – ничто* – это два типа осмысления человеком роли денег в его жизни, нашедшие отражение в

татарских пословицах и поговорках. Противоречивое отношение к деньгам углубляется в противопоставлении пословиц со смыслом *деньги – благо* и *деньги – зло*. Есть примеры, когда одна и та же пословица подчеркивает двойственное отношение к деньгам.

Стремление к достатку, богатству, т. е. желание денег – общечеловеческая черта. В данной работе на материале паремиологического фонда татарского языка рассматривается этическое отношение к деньгам. Подробно анализируется уважительное, почтительное, реверентное (как к религии) отношение к деньгам. Деньги рассматриваются прежде всего с точки зрения того блага, добра, которые с их помощью можно совершить; свободы, которую можно приобрести; могущества, которого можно достичь.

Отношение к деньгам анализируется с точки зрения праведности и несправедности его возникновения и использования. Источник богатства должен быть честным. Присвоение чужой собственности осуждается. Деньгами, богатством следует делиться с нуждающимися.

В татарских пословицах и поговорках мерилom ценности человека и человеческого счастья не всегда выступают деньги. Выше денег ценятся добрые дела человека, его душа, ум, знания и др.

И все же многие качества человека проверяются деньгами. Главная черта человека, непосредственно связанная с деньгами, скупость (или щедрость). С одной стороны, скупость вовсе не приветствуется и даже осуждается, с другой – бережливость скупого одобряется.

Пословицы, отражающие значения *деньги имеют силу, деньгам подвластно многое*, в целом маркированы положительно. Деньги и счет также маркированы положительно.

В пословицах и поговорках со значением отрицательного отношения к деньгам основной смысл заключается в том, что деньги могут ввести человека в заблуждение, сбить с правильного пути. Человеческие отношения между собой также

проверяются деньгами. Благодаря им люди могут стать друг другу чужими.

Пословицы и поговорки со значениями *просить в долг* и *давать в долг* также отрицательно маркированы. В то же время пословицы, рекомендующие не давать в долг, не обнаружены.

Одним из главных компонентов в пословицах и поговорках, отражающих представления татарского народа о том, кто не имеет денег, является лексема *акчасыз*. Человек без денег не представляет собой особой ценности.

Как видно, в татарских пословицах и поговорках о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей к их оценке, отразившем опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями.

В целом проведенное исследование подтверждает эволюционный характер концепта *акча* (деньги). Настоящая работа представляет собой лишь одну из ступеней изучения концептуализации денег в лингвокультурологическом плане.

Дальнейшее исследование концепта *акча* (деньги) возможно и в других направлениях. С нашей точки зрения, значительный интерес представляет изучение этого концепта на основании данных ассоциативного эксперимента. Перспективным представляется и сопоставительное рассмотрение особенностей актуализации концепта *акча* (деньги) в различных лингвокультурах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Опубликованные источники

Ибраһимов Г.Г. Әсәрләр / төз.: А.Ш. Шамов, Х.Я. Гобәйдуллин. Сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 3. – 1975. – 455 б.

Ибраһимов Г.Г. Әсәрләр / төз. А.Ш. Шамов. Сигез томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 4. – 1975. – 463 б.

Мәкальләр / төз. А. Әхмәт. – Казан: Татгосиздат. – 1943. – 23 б.

Мәкальләр һәм әйтемнәр / жыючысы Х. Гали. – Казан: Матур әдәбият секторы. – 1941. – 64 б.

Татар халык мәкальләре / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 1. – 1959. – 913 б.

Татар халык мәкальләре / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 2. – 1963. – 959 б.

Татар халык мәкальләре / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 3. – 1967. – 1013 б.

Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр / төз. Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр. – 1987. – 591 б.

Татар халык мәкальләре һәм әйтемнәре / төз. Х. Ярми. – Казан: Татар. кит. нәшр. – 1960. – 242 б.

2. Литература

На русском языке

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 1999. – 273 с.

Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания / Н.Ф. Алефиренко // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 3–11.

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М., 2002. – 392 с.

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 2003.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические аспекты / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Арутюнова Н.Д. Введение в лингвокультурологию / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 28–36.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 895 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–269.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.

Бабушкин А.П. Общезыковые концепты и концепты языковой личности / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – Воронеж. – 1997. – № 2. – С. 113–120.

Бабушкин А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта / А.П. Бабушкин // Филология и культура: материалы международной конференции 12–14 мая 1999 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – С. 100–104.

Базылев В.Н. Мифологема скуки в русской культуре / В.Н. Базылев // RES LINGUISTICA. Сб. статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. – М., 2000. – С. 130–134.

Байрамова Л.К. Что такое фразеологическая интерпретация / Л.К. Байрамова // Совет мәктәбе. – 1985. – № 7. – С. 25–27.

Байрамова Л.К. Семантико-синтагматическое изменение слова и его дефиниция в словаре / Л.К. Байрамова // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1990. – С. 7.

Байрамова Л.К. Отражение национального менталитета в универсальных концептах языка / Л.К. Байрамова // Когнитивная лингвистика конца XX века. – Минск, 1997. – С. 84–86.

Байрамова Л.К. Культура этноса и фразеология / Л.К. Байрамова // Язык. Культура. Взаимопонимание. – Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1997. – С. 146–148.

Байрамова Л.К. Концепт «Любовь» и его лингвистическое отражение в произведениях А.С. Пушкина «Каменный гость», «Русалка» и Л.Н. Толстого «Крейцера соната» / Л.К. Байрамова, Л. Амирова // Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб. – Тула: Изд-во Тульск. пед. ун-та, 1999. – С. 134–136.

Байрамова Л.К. Концепт «конфликт»: лингвокультурологический анализ / Л.К. Байрамова // Культура мира: от утопии к реальности. – Казань: АБАК, 1999. – С. 168–175.

Байрамова Л.К. Роль компонента «желтый» в разноязычных фразеологизмах / Л.К. Байрамова, О.В. Праченко // Фразеология и межкультурная коммуникация. – Тула: Изд-во Тульск. пед. ин-та, 2002. – С. 78–81.

Байрамова Л.К. Лакунарные фразеологизмы и универсальные концепты языка / Л.К. Байрамова // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 41–46.

Байрамова Л.К. Отражение менталитета в языке / Л.К. Байрамова // Менталитет и ментальность. – 2003. – С. 13–17.

Байрамова Л.К. Русские паремии и фразеологизмы о жизни и смерти / Л.К. Байрамова // Семантика и форма фразеологических знаков языка. – Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2003. – С. 7–10.

Байрамова Л.К. Образ женщины-патриотки в славянской литературе (лингвокультурологический аспект) / Л.К. Байрамова

ва // VI Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 82–86.

Байрамова Л.К. Философская и лингвистическая аксиология счастья и несчастья / Л.К. Байрамова // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом аспектах: сб. науч. ст., посв. 80-летию доктора филол. наук проф. Чепасовой Антонины Михайловны. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 12–17.

Байрамова Л.К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке / Л.К. Байрамова, Г.А. Багаутдинова // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 81–89.

Байрамова Л.К. Русские и татарские фразеологизмы о рае и аде: аксиологический аспект / Л.К. Байрамова // Языковые уровни и их анализ. – Казань: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2007. – С. 25–29.

Байрамова Л.К. Ориентализмы в лексике и фразеологии болгарского языка: (в сопоставлении с тат. яз.) / Л.К. Байрамова. – Казань: Алма-Лит, 2007. – 328 с.

Баскаков Н.А. Тюркские языки / Н.А. Баскаков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

Беркутов В.М. Народный календарь и метрология булгаро-татар / В.М. Беркутов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 95 с.

Бижева З.Х. Язык и культура / З.Х. Бижева. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкар. ун-та, 1997. – 47 с.

Бижева З.Х. Антропоцентризм культуры – антропоцентризм языка / З.Х. Бижева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспектив. – Казань, 2004. – С. 207.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – 412 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1999. – 526 с.

Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 287 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / А. Вежбицкая. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 368 с.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. язык, 1980. – 320 с.

Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. руководство / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. язык, 1983. – 269 с.

Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. язык, 1990. – 246 с.

Верещагин Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1999. – 84 с.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафорических показателей безразличия в русском и испанском языках / С.Г. Воркачев // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 16–24.

Воркачев С.Г. Концепт «оскорбление» и его семантическая память / С.Г. Воркачев, Г.В. Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 90–102.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. – Краснодар: Изд-во КГТУ, 2002. – 142 с.

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурологические принципы презентации учебного материала (проблемы концентризма) / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1993. – 238 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1996. – 239 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 352 с.

Галиуллина Г.Р. Прецедентные имена в современном татарском языке / Г.Р. Галиуллина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филол. науки. – Симферополь, 2016. – С. 117–121.

Ганиев Ф.А. Фонетическое словообразование в татарском языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 40 с.

Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 231 с.

Ганиев Ф.А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке / Ф.А. Ганиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 107 с.

Ганиев Ф.А. Татарский язык: Проблемы и исследования / Ф.А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 432 с.

Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование / Ф.А. Ганиев. – Казань: Дом печати, 2005. – 359 с.

Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование / Т.М. Гарипов. – Уфа, 1959 .

Гиганов И. Грамматика татарского языка / И.Гиганов. – СПб., 1801.

Говердовский В.И. Коннотемная структура слова / В.И. Говердовский. – Харьков: Выща школа: Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. – 92 с.

Голубева Е.В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала / Е.В. Голубева // Языковая личность. Речевые жанры – М., 2008. – С. 15–21.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 451 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Том I. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль. – М., 1999.

Дадабаев Х. Общественно-политическая и социально-экономическая терминология в тюркоязычных письменных памятниках XI–XIV вв. / Х Дадабаев. – Ташкент: Езувчи, 1991. – 186 с.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

Зайнуллина Л.М. Лингвокогнитивное исследование адекватной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков) / Л.М. Зайнуллина. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2003. – 256 с.

Закиев М.З. Татары: Проблемы истории и языка: сборник статей по проблемам лингвистики, возрождения и развития татарской нации / М.З. Закиев. – Казань, 1995. – 464 с.

Закиев М.З. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Ч.1: Простое предложение / М.З. Закиев. – Казань, 1997. – 87 с.

Закиев М.З. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Ч.2: Простое предложение / М.З. Закиев. – Казань, 1997. – 87 с.

Замалетдинов Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 210 с.

Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. – М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС»; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.

Замалетдинов Р.Р. Теоретико-методологические предпосылки изучения языковой картины мира / Р.Р. Замалетдинов // Вестн. Казан. гос. пед. ун-та. – 2004. – № 3. – С. 134–142.

Земская Е.А. Словообразование / Е.А. Земская // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 237–279.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

Иванов М. Татарская грамматика / М. Иванов. – Казань, 1842.

Казем-Бек А. Грамматика турецко-татарского языка / А. Казем-бек. – Казань, 1839.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3–15.

Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 75–80.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Ключевский В.О. Терминология русской истории: в 9 т. / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Т. VI.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. – С. 13–24.

Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. – 204 с.

Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Костомаров В.Г. Современный русский язык и культурная память / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 20–32.

Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – С. 32–65.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

Крючкова О.Ю. Когнитивно-дискурсивная парадигма и словообразование / О.Ю. Крючкова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Ч. 1. Матер. междунар. научн. конф. – Волгоград, 2003. – С. 201–207.

Крюкова О.Ю. Концепт и словообразовательное гнездо (Содержание концепта ВЛАСТЬ по данным этимологии родственных словообразовательных гнезд) / О.Ю.Крючкова // Лингвистические и культурологические аспекты коммуникации: сб. науч. ст. – Ч. IV. – Саратов, 2004.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М., 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–416.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – № 1. – С. 3–10.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

Лопатин В.В. Словообразование как объект грамматического описания / В.В. Лопатин // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. – С. 47–60.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.

Ляхнеэньяки М. Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах / М. Ляхнеэньяки // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 1: Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Воронеж, 1999. – С. 32–45.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 208 с.

Маслова В.А. Конитивная лингвистика: учеб. пособ. / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособ. / В.А. Маслова. – 2-е изд., стер. – М.: Academia, 2004. – 208 с.

Махмудов Г. Практическое руководство к изучению татарского языка / Г. Махмудов. – Казань, 1857.

Махмутов Х.Ш. Афористические жанры татарского фольклора: дис. в виде науч. доклада д-ра филол. наук / Х.Ш. Махмутов. Казань, 1995. – 76 с.

Мельцер Е.М. Об Основном словарном фонде и словарном составе языка / Е.М. Мельцер // Иностранные языки в школе. – М., 1951. – № 6. – С. 27–40.

Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособ. к спецкурсу по стилистике / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.

Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья / А.Г. Мухамадиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.

Насыров К. Краткая татарская грамматика / К. Насыров. – Казань, 1960.

Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра / С.С. Неретина. – М., 1994. – 216 с.

Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 231 с.

Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 290 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. – 283 с.

Осадчий М.А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда / М.А. Осадчий – М.: Либроком, 2009.

Павиленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 368 с.

Пименова М.В. Ментальность: Лингвистический аспект / М.В. Пименова. – Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1996. – 322 с.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего опыта человека / М.В. Пименова. – Кемерово, 1999. – 151 с.

Попова З.Д. Семантическое пространство как категория когнитивной лингвистики / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки, 1996. – № 2. – С. 64–68.

Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – 32 с.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002.

Попова З.Д. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособ. / З.Д. Попова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 23–25.

Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 364 с.

Проблемы словообразования в тюркских языках: матер. конф. / АН РТ, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова. – Казань: Фикер, 2002. – 367 с.

Сабитова И.И. Словообразовательная характеристика лексики татарского языка / И.И. Сабитова. – Казань: Фикер, 2000.

Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия / Ф.К. Сагдеева. – Казань: Фикер, 2003.

Сагдеева Ф.К. Образная основа концепта «Труд» / Ф.К. Сагдеева, Л.К. Байрамова // Мир человека и мир языка. – Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 302–309.

Сагдеева Ф.К. Понятие деньги (акча) в татарских пословицах и поговорках / Ф.К. Сагдеева // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 29 июня 2009 г.). ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Казань: Алма-Лит, 2009. – С. 175–176.

Сагдеева Ф.К. Ключевое слово как понятие лингвокультурологии / Ф.К. Сагдеева // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Всерос. науч.-практ. конф.: тр. и матер. – Казань, 2012. – С. 250–251.

Сагдеева Ф.К. Концепт «акча» (деньги) в татарском паремиологическом фонде / Ф.К. Сагдеева // Мир языковых форм. – СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 125–126.

Сагдеева Ф.К. Ценность «хезмэт»(труд) в языковом сознании татар / Ф.К. Сагдеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Филол. науки. – Симферополь, 2016. – С. 429–433.

Светозарова Н.Л. Синтагма / Н.Л. Светозарова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 447 с.

Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках / Э.В. Севортян // Исследование тюркских языков. Ч. II. Морфология. – М., АН СССР, 1956.

Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М., 2000. – 128 с.

Слышкин Г.Г. К проблеме составления лингвокультурологического концептуария / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 27–31.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 29–33.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 339 с.

Степанов Ю.С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / Ю.С. Степанов // Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1990. – С. 5–25.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1997. – 824 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

Стернин И.А. Концепт и языковая семантика / И.А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализация. Когнитивный аспект. – Тамбов, 1999. – Вып. 2. – С. 69–75.

Тарланов З.К. Этнический язык и этническое видение мира / З.К. Тарланов // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. – С. 421–430.

Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. – 448 с.

Татарская грамматика: в 3 т. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – Т.1. – 583 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Языки картина мира: сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 35–44.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 13–24.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В.Н. Телия // Филология и культура: Материалы 2-й междунар. конф. Ч. 3. – Тамбов, 1999. – С. 14–15.

Тенишев Э.Р. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск» / Э.Р. Тенишев. – Л., 1953.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т.1. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 18–52.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики / В.И. Убийко // Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: науч. конф.: тез. докл. – М., 1999. – С. 52–53.

Уорф Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 173–176.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М.: Яз. слав. культуры, 2003. – 224 с.

Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – М., 1996. – № 4. – С. 25–38.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 205 с.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: сб. науч. тр. – М., 1988. – С. 52–59.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология / А.И. Федоров. – Новосибирск, 1980.

Фейзханов Х. Краткая татарская грамматика / Х. Фейзханов. – СПб., 1862. – 155 с.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство / Р.М.Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1992. – № 3. – С. 1–8.

Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 1995. – С. 80–117.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. для студ. высш. уч. завед. / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.

Хальфин И. Азбука и грамматика татарского языка / И. Хальфин. – Казань, 1809.

Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления / М.А. Холодная. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983.

Худяков А.А. Концепт и значение / А.А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 97–103.

Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 80.

На татарском языке

Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы / Г. Алпаров. – Казан, 1926.

Әхмәтжанов М.И. Мәгариф, археографик эзләнүләр / М.И. Әхмәтжанов. – Казан: ТФА Ш. Мәржәни ис. Тарих интты, 2009. – 188 б.

Әхмәтьянов Р.Г. Татар терминологиясенә тарихи чыганаclarы / Р.Г. Әхмәтьянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 174 б.

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленә этимологик сүзлегә / Р.Г. Әхмәтьянов. – Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т., 2005. – 233 б.

Бадиғый Х. Грамматика / Х. Бадиғый. – Казан: Татгосиздат, 1938.

Бәширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Бәширова. – Казан, 2010. – 532 б.

Вәлиди Ж. Татар теленә грамматикасы / Ж. Вәлиди. – Казан, 1919.

Ганиев Ф.Ә. Хәзергә татар әдәби теленә сүзьясалышы / Ф.Ә. Ганиев. – Төзәт. – 2 нче басма. – Казан: Мәгариф, 2006. – 271 б.

Жамалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният: татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р.Р. Жамалетдинов. – Казан: Мәгариф, 2006. – 351 б.

Зәкиев М.З. Татар теле морфологиясенә кереш / М.З. Зәкиев // Хәзергә татар әдәби теле морфологиясе. – Казан, 1972.

Зәкиев М.З. Татар теле грамматикасы, Т. 1: Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Морфемика. Словообразование / М.З. Зәкиев. – Казань, 1995. – 583 б.

Зәкиев М.З. Татар теле грамматикасы, Т. 2: Морфология / М.З. Зәкиев. – Казань, 1997. – 397 б.

Зәкиев М.З. Татар теле грамматикасы, Т. 3: Синтаксис / М.З. Зәкиев. – Казань, 1995. – 576 б.

Ибраһимов Г. Татар сарфы, беренче басма / Г. Ибраһимов. – Казан, 1911.

Иманаев Ш. Татар теленә нәхүе вә сарфы / Ш. Иманаев. – Казан, 1910.

Мәхмүтов Х. Татар халкының афористик иҗаты / Х. Мәхмүтов // Татар халык иҗаты. Мәкаль һәм әйтемнәр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. – Б. 5–36.

Мәхмүтов Х.Ш. Борынгылар әйткән сүзләр (VIII–XVII йөз төрки-татар ядкярләрендә афоризмнар) / Х.Ш. Мәхмүтов. – Казан: Фикер, 2002. – 256 б.

Нугайбәк Г. Төрлек / Г. Нугайбәк. – Казан, 1911.

Сафиуллина Ф.С. Тел гыйлеменә кереш / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 2001. – 111 б.

Сәгъдиева Ф.К. «Хезмәт» концепты: лингвокультурологик тәҗрибә / Ф.К. Сәгъдиева // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Выпуск 5. – Казань, 2007. – С. 185–188.

Сәгъдиева Ф.К. Хезмәт концепты белән бәйлә булган кайбер күпмәгънәлә сүзләренң семантик структурасы / Ф.К. Сәгъдиева // Инсани фәннәр: эзләнү һәм табышлар. – Казан, 2013. – Б. 121–124.

Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан университеты нәшрияты, 1964.

Урманче Ф.И. Татар халык иҗаты: хрестоматия / Ф.И. Урманче. – Казан: Мәгариф, 2005. – 478 б.

Фәсиев Ф.С. Татар телендә кушма сүзләргә карата / Ф.С. Фәсиев // Совет мәктәбе, 1957. – № 4.

Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангильдин. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959.

Справочная литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1969. – 608 с.

Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Норинт, 1997.

Газизова Ф.М. Русско-татарский словарь экономических терминов / Ф.М. Газизова. – Казань: Раннур, 1999. – 448 с.

Ганиев Ф.А. Русско-татарский словарь / Ф.А. Ганиев. – Казань: Раннур, 2009. – 630 с.

Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. III. Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XV–XVII веков / А.Н. Гаркавец. – Алматы, 2010. – 1802 с.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / М. Кашгари. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. – Т. I. – СПб, 1893; Т. II. – 1899; Т. III. – 1905; Т. IV. – 1911.

Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Инсан, 1997. – 736 с.

Татарско-русский словарь однокоренных слов. Казань, 2007. – 468 с.

Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. X. – СПб, 1898. – 486 с.

Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – 356 с.

Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. II. – Чебоксары, 1996 – 511 с.

На татарском языке

Ахунжанов Г.Х. Татар теленең идиомалары / Г.Х. Ахунжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 119 б.

Әхмәтъянов Р. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р. Әхмәтъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 271 б.

Борханова Н. Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре / Н. Борханова, Л. Мәхмутова, Л. Жәләй. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – 177 б.

Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек / төз. А. Тимергалин. – Казан: Мәгариф, 2007. – 575 б.

Русча-татарча ижтимагый-сәяси сүзлек / төз. Ф.А. Ганиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. – 127 б.

Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча тезмә сузләр сүзлеге / Ф.С. Сафиуллина, Ф.М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002.

Сафиуллина Ф.С. Антонимнар сүзлеге: Хәзерге татар поэзиясе һәм мәкальләрдән / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 2005. – 235 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Казан: Тат. кит нәшр., 1977. – 1 т. – 475 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Казан: Татар. кит нәшр., 1979. – 2 т. – 726 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. – Казан: Татар. кит нәшр., 1981. – 3 т. – 832 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Магбугат йорты нәшрияты, 2005. – 848 б.

Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан, 1993.

Ханбикова Ш.С, Синонимнар сүзлеге / Ш.С. Ханбикова, Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 255 б.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татарские пословицы и поговорки, выражающие материально-денежные отношения

Акча; акчалы һәм акчасыз кеше

Агачак кан – тамырда тормас, чыгачак акча – янчыкта тормас.

Ак акча кара көн өчен.

Ак акча кара күңел ачар.

Акча авызны каплай.

Акча аздыра.

Акча аккош: муенын суза да оча.

Акча акчаны табар.

Акча акчаны ярата.

Акча акыл өйрәтә.

Акча әдәмгә акыл бирер; Акча акыл таптыра.

Акча алача түгел, өйдә суга алмассың,

Акча алма, малын ал.

Акча арсланның авызында, егет булсаң, шуннан ал!

Акча зур тырышлык һәм хезмәт белән табыла, дигәне.

Акча аюны биетә.

Акча – байныкы, янчык – тайныкы.

Акча бакчада үсми.

Акча балык тәнкәсе түгел.

Акча барда бар да дус.

Акча барда дуслар күп була.

Акча башны ашый.

Акча бездә күн түгел, кирәгенә юк түгел, килә тора, китә тора, кирәгенә житә тора.

Акча белән башма баш.
Акча белән жүләр дә байый.
Акча белән бетмәгән эш булмас.
Акча белән шайтанны да мәчеткә кертеп була.
Акча безне тапмый ул, без акчаны табабыз.
Акча бездә бер букча, ефәк бездә мунчала.
Акча беркайчан да кычкырмый.
Акча беткәнгә кайгырма, эш беткәнгә кайгыр.
Акча бетми акыл керми.
Акча бетсә дә, старшина булдым эле.
Акча бетсә кесәдә, ефәк була мунчала.
Акча бирү – жан бирү.
Акча бөтен дөньяны гизә.
Акча була бай жирдә, күбәләк була сай жирдә’.
Акча булса, акыл табыла.
Кечерәк әкиятә дә бар.
Акча булса – бакча булыр.
Акча булса – бар да була.
Акча булса, барын да эшләп була;
Акча барып да эшли (булдыра).
Акча булса, кыз табыла
Акча булса, мал табыла.
Акчага арслан сөтә дә табып була.
Акчага әйләндереп булган һәрбер нәрсә – мал.
Акчага сат, акчага сатылма.
Акчага һәр бәндә бәндә.
Акчага кем төкергән?
Акчага шайтан да хезмәт итә.
Акча гарипкә тансык.
Акчадан кибән коймыйлар.
Акча күп булмый, күп жыймыйлар, дигәннән.
Акча – дөнья иманы.
Акча – дөнья тоткасы.
Дөнья иманы – акча.
Акча әдәмнең башына житә.

- Акча жан талавы.
Акча жыюда файда юк.
Акча исәпне, акыл үлчәүне ярата.
Акча кемнеке – дөнья шуныкы.
Акча кемнеке – мал шуныкы.
Акча кесәдә түгел, башта.
Акча кешене кешегә ят итә.
Акча кешене сикертә.
Акча көчсезгә көч, телсезгә тылмач.
Акча күн ягы белән килә, илэк ягы белән китә.
Акча күргәч, ахун азган.
Акча күргәч, күзәң тонмасын.
Акча күрсә, фирештә юлдан таяр.
Акча күргәч шайтан азган.
Акча калада кала.
Акча картаимый.
Акча үзе картаймаса да, бик күпләрне картайта.
Акча кадерен бай белер.
Акча кош, канаты-муены буш.
Акча кошы кулдан төшми, кулдан-кулга оча.
Акча кылычы үткен, бар нәрсәне кисә.
Акча кысып тотсаң үлә, йомшак тотсаң, **очып** китә.
Акчалы алланы да, мулланы да сатып ала.
Акчалы әдәмнән таулар курка.
Акчалы әдәмнән таулар курка, акчасыздан куян да курыкмый.
Акчаны әүлия дә ярата.
Акчалы кешедән бәла куркыр.
Акчалы кеше арымас.
Акчалының жаны ике, акчасызның – бер.
Акчалы кешегә сәламне дә буш бирәләр, акчаң беткәч, биргән сәламеңне дә алучы юк.
Акчалының кулы уйный, акчасызның күзе уйный.
Акчалының эше күп.
Акчалы сайланыр.

Акчам бетсә, акылым бетә.
 Акчам юк – акылым юк.
 Акча мине тапмый, мин акчаны табам.
 Акча ничек **килсә**, шулай китәр.
 Акчаны ахмак та ярата.
 Акчаны берәү дә суга атмый.
 Акчаны юлдан тапсаң да, санап ал, як – ягыңа карап ал!
 Акчаны кара көн өчен сакла.
 Акчаның башы аһ, соңы чаһ.
 Акчаның дуслыгына ышанма, авыргач та сине ташлый.
 Акчаның йозагы саран,
 Ашлыкның йозагы салам.
 Акчаның йөгәне юк.
 Акчаның йөзе якты.
 Акчаның күзенә ак төшсә дә, чәченә ак төшми.
 Акчаның күзенә карама.
 Акчаның күзе юк.
 Акчаның күзе суқыр.
 Акчаның күзенә ак төшкән.
 Акчаның күзе юк, кармаласаң үзе юк.
 Акчаның күзе юк, туздырганның юне юк.
 Акчаның кадере беткәч беленер.
 Акчаның колагын киртмәгән.
 Акчаның ни икәннен беләсең килсә, сорап кара.
 Акчаның туганы юк.
 Акчаның уразасы юк.
 Акчаның үзен ашап булмый.
 Акчаны табарга өйрәнгәнче, тотарга өйрән.
 Акчаны табу белән түгел, тоту белән.
 Акчаны табасы жиңел, тотасы читен.
 Акчаны табу читен, тапкач саклау аннан да читен..
 Акчаны тавык та ашамый.
 Акчаны тоту рәхәт, калдыгын санау күңелсез.
 Акчаны чөйгән саен кошлы ягы төшмәс.
 Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр.

- Акчаң барда юк чагын истә тот.
Акчаң бетте, кадерең бетте.
Акчаң булмаса, бәһаң бер тиен.
Акчаң булмаса, бәяң буш.
Акчаң булмаса да, вөжданың булсын.
Акчаң булмаса, кесәң ертыклыгыннан ни кайгы.
Акчаң булса, авызың уйнар; акчаң булмаса, күзен уйнар.
Акчаң булса бер букча, жан тынычлыгы юк ла.
Акчаң булса, курыкма.
Акчаң житмәслекне сатып алма.
Акчаң житмәстәйгә ымсынып, хәлеңне бетермә.
Акчаң киттеме дип сорамыйлар, эшең беттеме дип сорыйлар.
Акча өчен жан сатып булмый.
Акча өчен үлүчән, акча керсә, уч табанын үбүчән.
Акча өчен мулла да намаз боза.
Акча патшаны жингән.
Акча санаган белән артмас.
Акча санаганны ярата.
Акча санаудан туймас.
Акча санаудан, тәтәй хатын сөюдән туймас.
Акча санаулы, акчалы – танаулы.
Акча саранны таный.
Акча сездән, хәйлә миннән.
Акча сорасаң миннән, боз кебек суынырмын синнән.
Акчасы ак булганның бакма йөзе карасына.
Акчасы акның йөзе ак.
Акчасы акның эше хак.
Акчасы булган сакланыр.
Акчасы булса, букчасы булыр.
Акчасы булса, эткә дә «һау-һау кода», диерләр.
Акчасыз анаң атаң да йөз бирми.
Акчасыз базарга барганчы, кәфенсез гүргә кер.
Акчасыз гүрдә тыныч ятканың күп артык.
Акчасыздан ата каз.

- Акчасын кеше иссез чэчэк кебек.
Акчасыз кеше – таяксыз ноль.
Акчасызның йөзе кара.
Акчасызның лулы кыска.
Акчасыз олан – акылсыз куян.
Акчасы саулык – авырусыз хэстәлек.
Акчасыз торып була, икмәксез торып булмый.
Акчасыз эш пешми, ярмасыз бөлеш пешми.
Акчасын эш чыкмый, майламый таба купмый.
Акчасын ялга туймас, акчалы йокыга туймас.
Акчасын янчык күң кырпулыгы.
Акчасы күп, акылы юк.
Акчасы куп – залим кеше, акчасы юк – галим кеше.
Акчасын биргән кубызын тартыр.
Акчасын биргән, патшасы үлгән.
Акчасын кулына йомарлап сөйләгән кешенең сүзендә куәт бар.
Акчасы юк – акылы аз.
Акча тапкан, куяр жирен тапмаган.
Акча тапканчы акыл тап.
Акча булса, акыл үзе керә.
Акча тапканчы исәп тап.
Акча тапканчы белем тап.
Акча тапканчы тәүфикь сора.
Акча таптым – жиргә салдым.
Акча тарат, белем жый.
Акча тау аркылы юл сала.
Акча таулар тишә.
Акча турында жүләрләр генә уйнап сөйләшәләр.
Акча таш астында, таш аждаһа башы астында.
Акча таш кистерә.
Акча үзе закон.
Акчага закон түзми.
Акчага закон берни тормый.
Акча хезмәт исәбе.

Акча чыкканны ир тоймас, тир чыкканны тире тоймас.
Акча чыкмый акча керми.
Акча эт түгел, хужаны танымый.
Акча эчне тишми.
Акча янына акча сыя.
Акча ярлысыннан акыл ярлысы яман.
Акыллы акча жыя, акылсыз таш жыя.
Акыллыга акча бирсәң, ахмак булырсың.
Акылны биргән дә акча, алган да акча.
Акылны биргән акча ала да белер.
Аллаһы тәгалә саулыкны биргән, акчаны үзең тап дигән.
Алты акчам бар – ат алырмын, жиде акчам бар – жир алырмын.
Ансыз – дөнья сансыз.
Ат алсаң, сынап ал; акча тапсаң, санап ал.
Акча алсаң, санап ал.
Бай акчасының кадере юк.
Бакча жимеше түгел – акча жимеше.
Баш бетергән дә акча, баш коткарган да акча.
Башлыга баш тиресе мая булыр, башсызга йөз мең акча зая булыр.
Бездә акча бер букча.
Бездә акча бер букча: үлсәң кәфенең чорнарга житәрлек!
Бездәге акчаны тавык та чүпләп бетермәс.
Берәү алла бәндәсе, берәү акча бәндәсе, берәү бәндә бәндәсе.
Берәү акча жыя, берәү капчык тегә.
Бу дөнъяның мутлыгы – бар да акча юклыгы.
Бу дөнъяның хурлыгы – бар да акча юклыгы.
Буе озын, акылы кыска, акча өчен үтен коса.
Казан миллионеры Озын Ибрай турында әйтелгән булса кирәк.
Бәла башы – бер акча.
Бәлане башлау бер акча.
Бирмәсәң оят бәтбәхеткә, бирсәң кыен,

Ул акчаны тапкан бит ошбу муен! *Тукай*.
Дингез артында бозау бер акча, китерүе мең акча.
Динарның ахыры нар, дирхәмнең ахыры һәм.
Дөнъяның иманы акча.
Дөнъя куласасы акча көче белән әйләнә.
Әдәм акча колы.
Әдәм булуйм дисән, акчага жан сатма.
Әдәмне акчасыз зиратка да илтмиләр.
Жирдән тапсаң санап ал, уңга-сулга карап ал.
Иман сатмый акча табылмый..
Ишек алдында салкын, кесәдә акча эри.
Ишек йөрткән тупсадыр, эшне йөрткән акчадыр.
Йокы симертә, акча тилертә.
Кем акчасын биргән – шуның сыбызгысы уйнар.
Акчасын биргәннең сыбызгысы уйнар.
Кешедәге акча – төштәге акча.
Киём суыктан, акча хурлыктан саклый.
Күзеңне күзөңдә тот, акчаңны кассада тот.
Күп акчаның мәшәкәте күп.
Күп сүз – аз акча.
Колынлы биядән кое суы да артмас,
Юньсез малайга акча бирсән, әйләнеп кайтмас.
Мал башы бер акча.
Меңнең яртысы биш йөз, ул да бездә юк акча.
Пигамбәр дә доганы акчага кылган.
Сүзең азагы – акчаң күпме?
Сүзең аз, акчаң күп булсын.
Табылмаган акчаны урлатмаска баш ватма.
Тиленең акчасы торна булып кычкыра.
Тирләмичә акча табылмый.
Торып була патшасыз, торып булмый акчасыз.
Тотарга акчаң булсын, алырга мал табылыр.
Тугызлыкны ватып булмый.
Үзең тапмаган акчаның кадере юк.
Үлгәч, акчаңны кабергә куймаслар.

Үлдем дә котылдым дип ятма, синең өчен кабер казучы-
га акча түлисе бар.

Үлемгә юлыктырган да акча, үлемнән йолган да акча.
Фальше акча кая барып эләксә дә, барыбер кире кайта.

Хәлемә ачынучы күп, акча бирүче юк.

Хәл иминлек, акча меңлек.

Хәләл акча жылап китмәсен, хакын чыгарырга кирәк.

Чиләгенә күрә капкачы, сәүдәсенә күрә акчасы.

Шак-шак иткән дагачык, эш бетергән акчачык.

Ындыр тулы кибән, кесә тулы акча.

Эт сөйрә дә акча тап!

Эш башы – акчада.

Юк якчага янчык текмә.

Юк бул, ярлы бул, кулыңда акчаң булсын.

Үзең ярлы булсаң да, акчаң күп булсын!

Явым белән жир йәшәрә, акча бәлән ир йәшәрә.

Явым белән жир күгәрер, акча бәлән ир үзгәрер.

Алтын, көмеш, бакыр, тиен-тәңкә акчалар

Акча бакыр – санарга такыр.

Акча бакыр, киткән юл такыр.

Акчагыз бакыр, килгән юлыгыз такыр.

Акча тиеннән үсә, куй – кузыдан.

Акыл бәлән алтын табыла.

Акыл алтынны таба, алтын акылны табалмый.

Акыл булмаса, алтын ни эшкә?

Алтын азса, жиз булыр.

Акылын алтынга алышкан – алтынын бакырга алышыр.

Алтын акылны да аптырата.

Алтын акылны картайта.

Алтын алма, акыл ал, алтын – акыл булалмас.

Алтын алма, рәхмәт ал.

Алтын ачкыч ачалмаган йозак юл.

Алтые ачкыч кала капкасын ачар.

Алтын белән алда, сары май белән майла.

Алтын бик кечкенә – байлар янчыгында, бакыр бик зур – хәерчеләр янчыгында.

Алтынга исе киткән акылыннан читкә киткән.

Алтынга ияргән югалган, акылга ияргән юл алган.

Алтынга тап кунмас, яхшылык онытылмас.

Алтынга тут төшми.

Алтын гомер торса да – төсен югалтмый.

Алтын да бар, көмеш тә бар, алай да булса һаман күнел тар.

Алтын да бер дәнҗелдек, көмеш тә бер дәнҗелдек.

Алтында тузан тормас.

Алтын да үзен таныган кешене ярата.

Алтын әдәмнең акылын алып.

Алтын жем итә, табынганны жөн итә.

Алтын жирдән, галим илдән чыга.

Алтын жирдә ятмас.

Алтын жирдә ятмас, ятса да черемәс.

Алтын жирендә сыйлы.

Алтын зур булмас, тәмле күп булмас.

Алтын эур булмас, асыл сөяк хур булмас.

Алтын ияр атка тисә, алтынын ал да утка як.

Алтын ияр, атка тияр, хужалары белмәс, ат белер.

Алтын йотса токымга (ыруга), аш йотса карынга (корсакка).

Алтын кечкенә булган белән кадере зур.

Алтын кешене эзләми, кеше алтынны эзли.

Алтын кирәкми, акыл кирәк, акыл булса, алтын табылып.

Алтын киткәч, акыл бирүче күп.

Алтын-көмеш Асиядә, матур кызлар Расиядә.

Алтын-көмеш дөньяда, гәүһәр-якут дәрьяда.

Алтын-көмеш жирдә ятмый.

Алтын-көмешне сарраф белер.

Алтын кыйммәтен сарраф белер

Алтын-көмеш күп жирдә фетнә чыга.

Алтын-көмеш таш, имеш, алабута аш, имеш.
Алтын-көмеш таш булмас, алабута аш булмас.
Алтын көмеш янында, әдәм эш янында таныла.
Алтын күзне тондыра.
Алтын күзнең явын ала.
Алтын күргәч, фирештә юлдан язган.
Алтын кургәч, фирештә дә азган.
Алтыш кулны пычак кисмәс.
Алтыннан акыл кыйбат.
Алтыннан бакыр кыйбат.
Бакырдан алтын кыйбат, алтыннан бакыр кыйбат.
Алтыннан күз йәше түгелә.
Алтынны баткакка ташласаң да пычранмас.
Алтынның бәясен банка белер.
Алтынның кулда барда кадере юк.
Алтынның эт муенында кадере юк.
Алтынның кыйммәте азлыгында.
Алтынны саррафтан сора, жәүһәрне – коемчыдан.
Алтынны тоткан таныр.
Алтынны тоткан кеше генә таний.
Алтын өстенә акыл – ике алтын.
Алтын өчен акыл корбан.
Алтын өчен акыл корыган.
Алтын өчен баш китә.
Алтын пычракка төшеп ди бәһасең жуймас.
Алтын сарысы сарыга сабыштыра.
Алтын сарысы йөзне саргайта, йөрәкне карайта.
Алтын сикертә.
Алтын тауга кош кермәс...
Алтын төпкә бага, тирес өстә йөзә.
Алтын тузан арасында да ялтырый.
Алтын тутыкмый.
Алтын умак уар идем, алтын тәхеткә куяр идем.
Алтын үзе акыл.
Алтын үзе черемәсә дә, күп башларны черетә.

Алтын чикмән – теләгәнгә, алтын кесә – эшләгәнгә.
Алтын чүплектә дә ялтырый.
Алтын – чын хакыйкәт пәрдәсе.
Алтыны барда жүләрне дә акыллы дигәннәр.
Алтыны барның акылы бар, акылсызга дөнья тар.
Алтының белән мактанма, акылың белән мактан.
Алтының булса, көмешәң табылыр.
Алтын янында тимер дә ялтырый.
Байның үз алтыны үзенә дошман.
Бакыр жыйсаң, көмеш булыр.
Барнагыл да барнагыл дин, Барнаулга бармагыл!
Безгә – ике тиен бер акча.
Без юк жирдә алтынны капчыклап табалар.
Бер алтын гына искерми.
Бер алтын гына картаймый.
Бер подаука акылдан бер тамчы алтын яхшырак.
Бер тиен акча белән мунча салып булмый. ,
Бер тиен акча тотмаганның каян булсын тәңкәсе, сарык
түгел эте юкның каян булсын тәкәсе?
Бер тиен бер акча – ике тиен күп акча.
Бер тиен кергән – бай булган.
Бер тиен кергән баеган, бер тиен чыккан бөлгән.
Бер тиен тапкан баеган, бер тиен югалткан бөлгән.
Бер тиенне күпме шомартсаң да алтын булмый.
Бер тиенеңне кара көнәң өчен сакла.
Бер тиенең бәясен белмәгән бер тәңкәне күрмәс.
Бер тиен өчен йолдызга кармак атыр, бер тиене оны-
тылып калса, йөз чакрымны кире кайтыр.
Бер тиен өчен жан сатма.
Бетсен иде шул сары йөз, шундадыр зур куркыныч!
Йөз тәңкәгә тулмаса, янчыгы белән хисапларсың.
Ил өстендә илле алтын.
Кешенең алтыны ятсын, алма.
Кешенең алтыны жирдә ятса да алма.
Юлда кешенең алтыны ятса да тимә!

Кешенен мең тәңкәсеннән үз бер тиенен яхшы.
Көмеш кулга йомшак.
Көмеш – яхшы, алтын – артыграк.
Калайны күпме шомартсаң да көмеш булмый.
Канга кан, тиенгә тиен.
Кулдагы алтынның кадере юк.
Мал колыннан үсә, акча тиеннән..
Нократның нуктасы юк.
Өч тиен бер акча.
Саклап тоткан тиенен табыш.
Саклап тотсаң, мең көмеш; сакламасаң, бер көмеш.
Суга таянма, алтынга алданма.
Сары алтын өчен кара күз чыккан.
Тамчы-тамчы күл була, тиен-тиен сум була.
Тамчы-тамчы күл ясый, тиен жыелып сум ясый.
Тәңкәле жирдә тиңлек юк.
Тәңкә тиеннән үсә.
Тәңкә тиеннән үсәр, елки колыннан үсәр.
Тиген килгән тәңкәдән тир чыгарып тапкан тиен артык.
Тиен агачтан агачка, тиен (акча) кулдан кулга сикерә.
Тиен тәңкәне жыя, тәңкә тиенне жуя.
Тиеннән тәңкә жыела.
Тиенсез сум булмас.
Тиен тәңкәне саклый.
Хәерсез бер тәңкәдән, хәерле бер тәңкә артык.
Хәерсез мең тиен, хәерле бер тиен.
Хәкыйкәт һавада, аның баскычы алтын.
Эксплуатация хөкем сөргәндә хәкыйкәтнең булмавына киная.
Читтәге бер тиен монда да бер тиен.
Эшләгәнгә койрыклы тиен, эшләмәгәнгә койрыксыз тиен.
Эшләмәсәң сиңа койрыклы бер тиен дә юк.
Алтын утта сыналыр.

Алтын тоткан алтын таныр, күрми күргән жизне алтын саныр.

Алтынны ала белгән бүлә дә белер.

Бакырны күпме юсаң да алтын булмый.

Туфрақ алтын булмас.

Фэлән жирдә алтын бар, барсаң бакыр табылмас.

Хэзинә таптым – чүпкә аттым, алтын таптым – бакырга саттым.

Үз алтыннарымны кешегә тараттым, кеше бакырларын мин жыйдым, дип әйтте ди бер карчык.

Һәр ялтыраган алтын түгел.

Алтынга тут төшми.

Алтын ком арасында ятыр.

Алтынны учлый алмаган черетер.

Сәүдәгәр

Акчасыз сәүдәгәр тиз картаер.

Куркып сәүдә иткән файда итмәс.

Кытлыкта сатучыда, муллыкта алучыда оят булмас.

Мал саткан да сәүдәгәр, жан саткан да сәүдәгәр.

Сәүдәгәр бер тиенлек хөрмәт итәр, ун тиенлек миннәт итәр.

Сәүдәгәрнең иманы акча.

Сәүдәгәрнең кулы алтын.

Сәүдәгәр рибасыз булмас, мужик риясыз булмас.

Сәүдәгәр санавы белән байый.

Сәүдәгәр сыгып ала, икене бергә сала, берне юкка сала.

Солдат патша колы, сәүдәгәр акча колы.

Тимерченең балтасы юк, сатучының акчасы булмас,

Сәүдәгәргә юлдаш булсаң, малын сөйләр.

Яхшы сәүдәгәр бар малын да берьюлы чыгарып салмый.

Алып сатарлар – базарда малыңны, ресторанда жаныңны алып сатарлар.

Кесә, сума, янчык, мая

Барлы-юклы акча белән мал башы ясап булмый.
Башлыга баш тиресе мая.
Берәү башы белән уйлый, берәү кесәсе белән.
Буш кесә бүлтәйми.
Кесә бушаса, әдәмнең кадере бетә.
Кесәгә оят килсә дә, йөзгә ят килмәсен.
Кесә буш булса да, күнелең хуш булсын.
Кесәндә булмаса бүксәнне киерә алмассың.
Кесәндә булса кешнәрсең.
Кешндә йөз мең булса да, әтәчкә атланып очып була.
Кесәндә малың булмаса, телендә балың юкмы?
Кесәң коры булса да үзең туры бул.
Кесә, кул кыска.
Кеше кесәсеннән түлисе жинел.
Кеше кеше белән дус булса да, кесә кесә белән дус
булмый.
Кирәген кирәк, кесәдә кибәк.
Маяң булса зая булмыйсың.
Маясыз тавык та күкәй салмый.
Мая ясамый сума жыелмый.
Танык астыма күкәй куймасаң, чебеш каян килсен?
Үз кесәсе буш кеше кеше кесәсендәген санаучан.
Үз кесәсе буш кеше кеше кесәсендәген санарга
оста була.

Файда, зарар, табыш

Аз файдадан күп зыян.
Алдым файда итәргә, белмим кайда итәргә.
Алдың ефәк, саттың ефәк.
Яхшы мал дип алып та, алданганнан сон, файдасызга
булса да сатып котылганда әйтелә.
Алты тиенлек куян, алтмыш тиенлек зыян.

Алты тиен файда итэм дип, алтмыш тиен акчасын чыгарган.

Бер тиеи куян, ун тиен зыян.

Аламын дигэн колыннан, тартып алыр кулыннан.

Бирим дигэн колына, чыгарып куяр юлына.

Берэу бер яктан файда китерсэ, икенче яктан зыян китерэ.

Бер файда файда, ике файда кайда?

Биш чыкмый алты керми.

Диңгезнең арьягында бер инэгэ бер сыер, ди. Шулай да диңгез аркылы кичэргэ ун сум кирэк, ди.

Зарар белән зыян әдәм өчен яратылган.

Зарураттан зарар юк.

Зарар файдадан соң йөрер.

Зарар файданың кардәше.

Зыян да файданың кардәше.

Зыян күргән жиреңнән файда көтмә.

Зыян күрми файда итеп булмый.

Зыяннан да файда тап.

Зыянны кайсы ягыннан гына туктатсаң да барыбер файда.

Кергән файда, чыккан зыян.

Кесэгә зыян, акылга файда.

Кешегә файда итсәң, үзеңә зыян итмә.

Кәсеп итми табыш булмый.

Көлле дахилен яньфәгы, овәләү канә бозау аягы. |

Күктән эзлэгәнне алла жирдән бирә.

Күктән телэгәнең жирдән булды.

Күктән эзлэгәннен жирдән тапты .

Жирдән эзлэгәнне алла күктән бирде.

Күп кеше үз файдасын әүвәл карар.

Ошбу эштән башка кеше күрде зарар.

Күргән бер зарардан акыл арта бара.

Кулга төшкәннең бары да файдага.

Куркак сәүдәгәр файда күрмәс, зарар да күрмәс.

Куян урынына зыян булмасын.

Сиксэн чыкмый туксан керми.
Сиксэн бетми туксан керми.
Табыш булса, уңышы белән булсын.
Табышсыз егеттән колынлаган бия артык.
Тапканыңа да куанма, жуйганыңа да елама.
Тегермәнгә су коеп кал.
Тәкә булса да сөте булсын, куян булса да ите булсын.
Юктан барны чыгару.
Төймәдән төядәй файда юк.
Унны алам дип утызны ычкындырма.
Утызны ташлап унны алган.
Уртақ күп булса зыян аз булыр.
Уф дисең файда була, юк дисең хәйлә була.
Файда белән зарар – бер арбада йөрер.
Файда белән зарар бертуган.
Файдадан элек зарарны исәплә.
Файда зарарның кырында йөри.
Файда зарарның карендәше.
Файда, зарар хисап башында билгеле булыр.
Файда итмәгән кибетче көлмәс.
Табышсыз кибетче көлмәс.
Файда күргән жиреңә миһнәттә дә барып жит, зарар күргән жиреңнән рәхәттә дә читкә кит.
Файданы әүвәл үз башыңа, үзеңнән артса юлдашына (кыл).
Файдасыз зарар юк.
Файдасын файда, кара сыер кайда?
Файда, файда дисең дә, кара сыер кайда?
Файдасын файда, кара сыерның тиресе кайда?
Файдасы эздән, зыяны тездән.
Хәерсез файдадан хәерле зыян (артык).
Һәрбер зыянның бер сабагы бар.
Икенче вакыт уйлабрак эшлисең.
Эстә үзең табыш, эстәмә кешегә сагыш.
Янда калган – файдага, калмаганы – эт койрыгы астына.

Бирәчәк, бурыч, әжәт

Авыру булсан үлеп котыл, бурычың булса, биреп котыл!
Авыруын яшергән үләр, бурычын яшергән бөләр.
Авыруың булса булсын, бурычын булмасын.
Ач тор, бурычың булмасын.
Баеган ярлыдан бурычка алма.
Бәхетле әдәм бурычка алмас, бурычка бирмәс.
Бирәсеңәр биргәннең кесәсе буш калмас.
Бурыч алу – буйсыну.
Бурыч алып дуслыкны югалтма, бурыч биреп, дошман күбәйтмә!
Бурыч алсаң, тиз кайтар, икенче аласыңар жинел булыр.
Бурыч биру белән кими.
Бурычка акча алу – муенга элмәк салу белән бер.
Бурычка йөз сум алсаң, йөз илле сум итеп кайтарысың.
Бурычлы булып уянганчы, ач килеш йокларга ятуың яхшы.
Бурычлы ни үлмәс, ни терелмәс, ни жылынмас, ни көлмәс.
Бурычлы үлмәс, йөзе сулар.
Бурычны аяк өсте бирсәң тезләнеп кайтарып аласың.
Бурычны үтәү үзе бурыч.
Бурычсыз бер алла.
Бурычсыз әлмәс, бурычлы тынычлык күрмәс.
Бурычсыз фәкыйрь түрәдән артык.
Бурычсыз ярлылык – үзе байлык.
Бурыч хәсрәте бай өстендә тау, ярлының муенына бау.
Бурыч хәсрәте белән бала хәсрәте йөрәккә төшәр.
Бурыч югы – байлык, авыру югы – саулык.
Гарьсез кеше бурычка сорар.
Дөнья бурычсыз булмас, итек кунычсыз булмас.
Дошман казанасың килсә бурычка акча бир.
Әжәткә алу – хәерчелек.
Әжәткә алып баемассың.

Әжәт кайчысы дуслык жебен кисәр.
Әжәттән үлмиләр, әжәлдән үләләр.
Малның кадерең бурыч сораганда белерсең.
Нәсияне малым бар димә.
Нәсия таптым – хәзинә таптым.
Сораганчы сораучыга оят, сорагач бирмәүчегә оят.
Сорау бер яман, бирмәү – ике яман.
Сорау – сырхау, бирмәсә – үлем.
Сынамаган кешенңән бурычка алма.
Теләнче дә теләнче, бурычка теләнгән дә теләнче.
Тыныч йәшим дисәң, бурычка бирмә, бурыч та алма.
Үтеч алган соранырга өйрәнер.
Үтеч атка менгән ярты юлда төшәр.
Үтеч ашаган кесәсеннән ашар.
Үтеч көлеп китүр, жылап килер.
Хәреж, хәрежне түләү фарыз.
Чирле үлми, бурычлы үлә; кайгылы үлми, карызлы үлә.
Чирле үлми, көн дә күрми.
Юл йөрү белән, бурыч бирү белән (кими).
Юньсезгә бурычлы булма, йә бәйрәмдә сорар, йә жыенда.
Яманнан бурычка алсаң, тар жирдә сорап жаныңны
кыйнар.
Яңа байга бурычлы булма.
Яңа бурычка кереп иске бурычны каплай алмассың.
Бай бирәчәген мал белән, ярлы тир белән түли.
Бурычсыз ярлы бурычлы байдан баерак.

Мал-мөлкәт

Акыллыга баш кыйбат, акылсызга мал кыйбат.
Бал – балчык, мал – кылчык.
Дин кардәш булса да, мал кардәш түгел.
Егетнең малы – жир астында.
Әүвәлге ‘байлык – бала, икенче байлык – белем, өченче
байлык – мал.

Жан кардәш булса да, мал кардәш түгел.
Бай туган ярлы туганга ярдәм итмәгәндә.
Мал карендәш түгел, жан карендәш.
Жан рәхәте тән белән, тән рәхәте мал белән.
Ике дөнья тоткасы – мал.
Ир күрке – мал, үзән күрке – тал.
Йәш чакта мал да кирәк ир егеткә, мал булмаса, кылган
эшләр килмәс ипкә.
Кеше күрке мал белән.
Мал ачуы – жан ачуы.
Мал башка ‘бетәр, кына ташка бетәр.
Мал белән бала – дөнья зиннәте.
Мал белән кеше кеше була.
Мал – бәгырь ите.
Мал – бавыр ите.
Мал булса, балаларга мал кала, булмаса, бурыч кала.
Мал гарипкә тансык.
Малда, канда карт булмас,
Мал жанның, юнгысы.
Мал кирәк – кал кирәк.
Мал кыйбат түгел, жан кыйбат.
Мал мәшәкәтә тудыра.
Мал-мөлкәте тамактан керер, жан мөлкәте колактан
керер.
Малның таягы булсын.
Мал төркмәннең түрендә, арсланның авызында.
Миндә булсын, миндә булмаса да, илдә булсын.
Өй салмыйча мал булмый.
Үлегә дә мал кирәк, терегә дә мал кирәк.
Яхшы ат малдан артык.
Ай бәгърем, вай бәгърем, малым беткәч, юк кадерем.
Алдыңдагын эзлә, кулыңдагын алдырма.
Алла бирсә колына, чыгарып куя юлына.
Алла тешсезгә ит бирә.
Алтмышныкы бетә – алтыныкы кала.

Алтмышныкы бетмәс, алтыныкы бетәр.

Ат тапканчы тай ярар.

Ашап-эчкәннән бетмәс, тота белмәгәннән бетәр.

Ашый белмәгәнгә ашатма.

Бала тапмас хатын булмас, торырын әйт, мал тапмас егет булмас, тотарын әйт.

Бал тапмаган корт булмас, мал тапмаган егет булмас.

Бар итәргә йөз ел, юк итәргә ярты көн.

Бар чагында бүредәй, юк чагында шуредәй.

Баш булса мал, аш булса казан табылыр.

Без бөлгәннән кем көлгән!

Безнеке каян килеп кая китмәгән!

Бер димичә ике диелмәс.

Берен тапсаң бере юк.

Бер кулың белән жый, бер кулын белән тарат.

Бер төрле торсаң, йөз ел торырсың.

Бетмәгән малдан өмет, чыкмаган жаннан өмет.

Бәхет алга барганда, мал арты белән дә керә.

Бирим дигән колына, чыгарып куяр юлына.

Аламын дигән колыннан, тартып алыр кулыннан.

Бирмә малыңны кешегә хисапсыз, кермә кеше өенә рөхсәтсез.

Булмастайга ымсынма, кулыңа төшкәннән аерылма.

Вактан эре жыела.

Гайрәтең барда мал тап!

Гайрәтле ирдә мал торыр.

Дөнья вактан жыела.

Дөнья корамадан жыела.

Дөнья малы ансат табылмый.

Дөнъяның кадерең йөргәндә, малның кадерең бөлгәндә, жанның кадерең үлгәндә белерсең.

Дуракта мал тормас, иләктә су тормас.

Егет кулына мал төшә.

Егет малы жир астында.

Әдәм малны бер дусы өчен, бер дошманы өчен таба.

Жиңел табылган жылгә китә.
Жыйганда гомерлек, чәчкәндә бер көнлек.
Икене бергә сана, берне юкка сана.
Ике бер диген, берне юк диген.
Ике бер урынында, бер юк урынында.
Йөгөрөк атка ял бетмәс, тактакка мал бетмәс.
Итәгең белән түксәң, жиңең белән жыйарсың.
Итәк белән жыйганны жин белән туздырмыйлар.
Йөз кешенең тапканын бер кеше туздыра.
Йомычка тапкан кеше баемас.
Йөрсәң маллар табыла, йөрәккә кан савыла.
Көргән малда бәрәкәт бар.
Кесәгә хәрәкәт, малга бәрәкәт.
Кешенекен макта, үзеңнекен сакла.
Кәгазьдәге фалга ышанганчы, кулыңдагы малга ышан.
Күренгән мал күпкә бармый.
Күренгән мал күбеккә китә.
Кия иясен табар.
Күктән арар, жирдән, табар.
Күктән эзлэгәнне жирдән бирде.
Күнелең яхшылыкта булса, мал табылыр.
Күп эзләсәң, күп табарсың.
Кабырга жиргә кар йокмас, каудырга мал йокмас.
Казганмаган бернәрсә дә тапмас.
Кашыклап жыйганны чүмечләп түкмә.
Кашыклап жыйган малны чапчаклап түккән.
Каты жирдә как горыр, гайрәтле ирдә мал торыр.
Куеннан түгелсә, кунычка.
Кул белән жыйганны итәк белән түкмиләр.
Кулдан киткән кулга керми.
Кулдан чыккан кире кайтмас.
Кулың белән таратсаң, аягың белән жыйарсың.
Кулыңда барда кадерен бел
Кулыңдагыдан аерылма.
Кулыңдагың жылгә чәчкәнче, жиргә чәч.

Кулыңдагын илгә бир, аннан башың жиргә ор.

Мал бетерү – бет үтерү, мал табу – борча тоту.

Мал бирү – жан бирү.

Мал бөртекләп жыела.

Мал да очты, дан да бетте.

Мал жыярга бер гомер, туздырырга ярты тәүлек житә.

Жыярга йөз ел, таратырга ярты көн.

Мал кешене баетмый, хикмәт тота белүдә.

Мал кадерен белмәгән малын көтәргә бирсен.

Малны ансат табасы, мәшәкәт аиы жыеп тотасы.

Малмы жиңел табасы, мәшәкәт аны жыясы.

Малны баш таба, башны мал тапмый.

Акча безне тапмый, без акчаны табабыз.

Малны бетерергә тәүфыйк кирәкми.

Малны кулың белән каракка тапшыр.

Малны мал таба.

Мал малны таба.

Малның кадерен беләсен килсә, берәүдән барып бурычка сорап кара.

Малны табу бер мәрифәт булса, аны тота белү ике мәрифәт.

Малны табу бер хикмәт, тота белү ике хикмәт.

Малны табуы бер кыен, тота белү ике.

Малны табуыннан багуы кыен.

Малны тапкан баксын, утынны чапкан яксын.

Малны тапканга бактыр, утынны чапканга яктыр.

Утынны алган яксын, малны тапкан баксын.

Малны тиле дә таба, тота белүгә акыл кирәк.

Малны тота бел, ашны йота бел!

Мал табам димә, тота беләм диген.

Мал саклама, өр сакла.

Мал табылмый ял табылмас.

Мал тапкан ирнең гөнаһы юк.

Мал тапмаган мал тапса, кешене күзгә алмам дияр.

Мал тапмас ир булмас, бала тапмас хатын булмас.

Мал тапмас егет булмас, корырын эйт, ул тапмас хатын
булмас, торырын эйт.

Малы беткән кешенең эте өрүчән, аты йөрөмчән була.

Мал эзлэгән мал табар.

Менә сиңа мал, тота белсәң ал!

Ми булмаса, мал кими.

Таба белү бер һөнәр, тота белү ун һөнәр.

Таба белүчедән тота белүче кадерле.

Табылган малда бэрэкәт юк.

Табылмаган мал күп булыр.

Табылмаган мал – тары бөртегеннән дә күп.

Табылмаган мал – тау чаклы.

Табылмаган мал тау кадәр.

Табылмаган нәрсә – алынмаган кала.

Табылмаган – таудай күренер.

Таллы күлдә су булмас, ярты акылда мал тормас.

Тапканда тай тана, тапмаганда ни бозау бар, ни тана!

Талкан егет түгел, тоткан егет.

Тапкан кеше тота да белер.

Тапканын тамагына, йотканын йомыгына.

Тапканын эт ашар, аркасын бет ашар.

Тапмаган малга ышанып, кулдагый бетерү ахмаклык.

Тапмас тапса, табан китерер.

Тапсаң, тота бел, капсаң, йота бел.

Тегесенә дә чәйлек, монысына да чәйлек, кич белән үзең
ач ятсаң, булыр кәйлек.

Төшлек гомерең булса, кичлек мал жый.

Тота белсәң мал.

Тота белсәң мал, танысаң ал!

Тота белсәң, мең көнлек, тота белмәсәң, бер көнлек.

Төпсезгә төмән житмәс.

Тетмәгәнгә төмән житмәс.

Түбән карап йөргән төшөп калганны эзләр.

Түгелгәнне ялап кал.

Түгелгән тулы булмас.

Түгелгән төгәл булмас.
Түгелгән туфрагы белән тулар.
Түгелгән туфрагы белән тулмас, түгелмичә дә булмас.
Учлаганның кулында, тешлэгәннең авызында.
Учыңны ачып та жибәрмә, йомып та жибәрмә.
Үз кулыңда булмаса, атаңда ят.
Үлән бетмәс дип жирдән аерылма, мал ‘бетмәс дип
ирдән аерылма.
Чабата мал табар.
Чеметеп жыйсаң, учлап ашарсың.
Чәчү жиңел, жыйнау кыен.
Чүпләп жыйсаң күп булыр, чүпләмәсәң юк булыр.
Эзлэгән – бал агачы тапкан.
Эзлэгән корт бал табар, эшлэгән кеше мал табар.;
Эзлэгән табар.
Эзләмичә энә дә табылмый.
Ырыкныкы кырыкка, кырыкныкы шырыкка.
Ырыкныкы шырыкка.
Юрганына күрә аягын сузмаганның тәпиләре тышта
калыр.
Яткан агач ял табар, йөргән аяк мал табар.
Янын казган ялчымас.
Яхшыга да мал койма, яманга да мал койма.
Мал табу, мал тану, мал алуга мисалдашлар
Бер дага бар, тагы өч дага табасы да, бер ат кына сатып
аласы.
Суда бер балык йөзә, ун балыкчы кармак сала.
Чүп жыйсаң, чүмәлә, чүмәлә жыйсаң, богыл.
Алтын чыккан жирне билдән казы.
Әйберне тану – файдасын табу.
Мал алсаң, барлыдан ал.
Ишәк табар, эт ашар.
Тапканым тамагыма, йотканым йомрыма.
Өй салмыйча мал булмый.
Дуңгыздан кыл йолка белү дә һөнәр.

Санаулы мал югалмас.
Санаулы куйны бүре ашамый.
Тамгалы мал югалмый.
Терлек-туарның йортта кунганы яхшы.
Исәпленең куге төгәл.
Киртәле кибәнгә мал тими .
Малның жаен тапкан белер, утынның жаен яккан белер.
Тарта жисең тай калыр, куя жисең куй калыр, куймый
жисең ни калыр? Савып эчсәң – мең көнлек, суеп жисең –
бер көнлек.
Бетмәгән малда өмет бар.
Ат аунаган жирдә төк калыр.
Бикле сандыкта жәүһәр ятыр.
Суну учта саклап булмый .
Коры жирдә су тормас.
Коры жиргә никадәр су сипсәң дә юеш булмас.
Файдасыз болыт дәрьяга явар.
Яңгыр яуса, диңгезгә.
Исәпсезнең куге төгәл.Ишәк казганыр, эт ашар.
Нәрсәнең кулда барда кадере юк.
Танымаган буре ашаганчы, таныган эт ашасын.
Малына дошман булсаң, кәфил бул.
Яз берәүне аздырыр, берәүне малдан яздырыр.
Аккан сунуң кадере юк.
Сунуң кадере кое корыгач беленер.
Боткалык дип тора идем, өйрәлек тә калмады.
Куян койрыгын тапкан, куяр жирен тапмаган.
Бер кулны икенче кулга мохтаж итмәсен!
Үз көчең белән яшәүнең горурлыгы.
Бушлай килгән мал булмас.
Жан көче белән тапкан мал – жаннан газиз.
Бушлай килгән мал бушлай китә.
Жилнеке жилгә.
Жилдән килгәнне жил очырыр.
Жилнеке буранга китеп тора.

Жилдән килгән жилгә китәр.

Жинаять белән табылган мал тәүбәсенә китәр.

Жиңел табылган жилгә китә.

Жиңел югалыр.

Икесе кешенеке, берсе күршенеке, биштән калганы үземнеке.

Ил белән килгән бетәр, үзеңә килгән гомергә житәр.

Кемнәр, малы кемгә язмый.

Кемнең малы кемгә калмый, кемнең яры кемгә калмый.

Кеше аты тирчән, кеше киеме керчән.

Кеше аяк астында алтын ятса да алма.

Кешегә хәрәм килешә.

Кешедәге нәрсә – холайдагы нәрсә.

Кеше әйбереннән кеше исе аңкыр.

Әдәм әйберсеннән әдәм исе килер.

Кеше әйбере шырпылы.

Кеше кулындагыга өметләнгән үз кулындагыдан язган.

Кеше кулындагыга үрелмә.

Кеше малына нәфсеңне сузма.

Кеше малы белән мактанма.

Кешенеке белән мактанма.

Кеше малын ашыйм дип, үз гареңне ашама.

Кеше малына тимә, үзеңнекен жибәрмә.

Кеше малына күзеңне алартма.

Кеше малын күпсенмә.

Кешенеке белән йорт салма.

Кешенеке белән кештәкле булма.

Кешенеке кештәктә, үземнеке эч якта.

Кешенең хақы кешедә калмый.

Кешенең энәсенә дә тимә.

Кешенекен тартып алган үзенекен югалтыр.

Кеше хақы кешегә батмый.

Кеше хақы кешене жибәрми.

Кеше хақы мантытмый.

Кеше хақы тота.

Кеше хақы кешегә керми кеше баемый.
 Киём кемнеке булса, кесәсендөгә тиен шуныкы.
 Киткәннең балтырын тара, кайтканның куенын кара.
 Корының куанычы артык.
 Кулына төшкәндә имеп кал!
 Очраклы хәлләрдән файдалану турында.
 Мең кешенең хәлэл көчен бер кеше хәрәм ясый.
 Михнәтсез тапкан мал исәпсез китәр.
 Мәшәкәтсез табылган малның кадере юк.
 Синекә синдә, минекә миндә..
 Синекә – минекә, минекәндә сиңең эшең юк.
 Түләүсез малның кадере булмый.
 Үзебез тапкан мал түгел, халыкныкы жәл түгел!
 Үземнеке дигәндә үгез кара көчем бар, кешенеке дигән-
 дә булыр-булмас эшем бар.
 Үзеңнеке үз булыр,
 Бүзле киндер көз булыр.
 Үзеңнеке үз, сукуыр булса да күз.
 Үзеңнеке үзәктә, кешенеке кештәктә.
 Үзеңнең алама атың кеше чабышкысыннан яхшырак.
 Үзең тапмаган малның кадере булмас.
 Эшләп табу гына малның кадерен белүгә өйрәтә, дигән
 урында әйтелә.
 Эшләп тапмаган малның кадере юк.
 Үзең тапмаган мал үзең тапмаган бала шикелле.
 Мәнди анасы әйткән, имеш.
 Үз күлмәгең үзеңә якын.
 Үз малыңны азсынма, кеше малын күпсенмә.
 Хезмәтсез тапкан мал дәүләт булмас.
 Хәерсез малны сөннәтсез ашар.
 Хәләлдәй тавыгым юк, хәрәмнән пәсәем.
 Хәләлләп суйгач, дуңгыз да китә.
 Хәләл малдан туймак юк.
 Хәләл мал кире кайта.
 Хәләл мал кая китәр?

Хэлэл мал югалмас.
Хэлэл эчкә батар, хэрәм тышка калкар.
Хэрәм жисәд туйганчы, бөерен чыкмас үлгәнче. Аз жи-
сәң дә хэлэл жи, карның ачмас үлгәнче.
Хэрәмләшкән эрәмгә китәр.
Хэрәм эчне төртә.
Хэрәм корсакны төртә.
Хэрәм малда бәрәкәт юк.
Хэрәм малда бәрәкәт тернәкләнәп торалмас.
Хэрәм малның хәере юк.
Хэрәм малны эт жимәс.
Хэрәм малны эт жияр.
Хэрәм мал төс бирми.
Хэрәмнеке эрәмгә.
Хэрәмнән жыелган мал эрәмгә китәр.
Хэрәмнән килгән буранга китәр.
Хэрәмнән туган хэлэл ризыктан туймас.
Хэрәмнән туганга хэрәм килешә.
Хэрәм тота.
Хэрәм жибәрми.
Хэрәм төбе эрәм.
Хэрәм хэрәмгә китәр.
Хэрәмнән жыйган мал хэрәмгә китә.
Һәркемгә үз кәләпүше, бүрек теләсәң кайдан ки.
Һәркемнең малы үзенә кадерле.
Һәркемнең үз аламасы үзенә алтын.
Һәркемнең үзенеке үзенә газиз.
Чиләк кемнеке капкачы аныкы.
Агачны кем утыртса, жимеш шуныкы.
Шундагысы синекә, мондагысы минекә.
Энәдән куркыр, лом йотар.
Таудан килгән ташка китәр.
Жилдән килгән давылга.
Жилдән килгән жылгә киткән.
Жилдән килгән жылнеке.

Жилнекен буран очырыр.
 Үзеңдә юк белән мактанма .
 Атлансаң мен үз атыңа, кеше аты тиз арыр.
 Кеше атына менгән тиз төшәр.
 Берәүнең үрдәген ашасаң, казыңның аягыннан то-
 тып тор.
 Кеше үрдәген ашаганда, үз казыңны онытма .
 Вәйт ходайның фәрманы, кыр үрдәге тамгалы!
 Юкә өзсән, каеш түләрсең.
 Ашаганда көлсән, косканда еларсың.
 Бер кеше дә үз әйрәнән әче димәс.
 Икмәгем ару булса, юлда утырып ашармын.
 Кәжә сауғаннан сыер сауған сөт сорап килгән.
 Кеше көшелен очыра, үзенекен жил алмый.
 Аең-көнең уртақ булсын, малың уртақ булмасын!
 Ике башканың малы уңмас.
 Кешене танийм дисәң йә уртакка кер, йә бергә юлга чык.
 Кан уртақ, мал уртақ түгел.
 Малы бернең жаны бер.
 Синдә барда миндә бар, синдә юкта миндә юк.
 Уртақ аттан тай артык, иртәнге тавыктан бүгенге күкәй
 артык.
 Уртақ әйбер эткә кала.
 Уртақ күп булса, зыян аз булыр.
 Уртақ малга эт тимәс.
 Уртақ үгең булганчы, ялгыз песиң булсын.
 Уртақ яхшы булса, алла үзенә уртақ яратыр иде.
 Уртақ нәрсә, артык нәрсә.
 Уртақ тавыктан ялгыз күкәй хәерлерәк.
 Үзеңнеке агач башында, козгынныкы уртақ.
 Бары бергә, югы уртақ.
 Уртақ тавыктан ялгыз йомырка артык .
 Үгез үлгән, уртактан аерылган.
 Уртақ үгездән үги бозау артык .
 Уртақ ат тиз үләр.

Уртак сыердан бозау яхшы.
Уртак сөякне эт жимәс.
Убырныкы уртак, козгынныкы агач башында.
Тегермәне уртакның суы да уртак.
Без юк жирдә ата казлар да алтын йомырка сала.
Без юк жирдә тавык савалар,
Без бар жирдә сыер да күтәртә.
Бохарада малы барның карыны тук.
Бохарада сыер да кәжә, барсаң юк бернәрсә дә.
Ерак жирдән кайткан мал кадерле була.
Мал кайда? Төркмәннең түрендә, арсланның авызында.
Мал төркмәннең түрендә, арсланның авызында.
Ерактан арба белән китергәнче, якындагы капчык белән
китәр (китер).
Күренгәннең ераклыгы юк, табылганның кыйммәте юк,
Алла органның үпкәсе юк.
Куактагы ике коштан кулыңдагы бер кош артык.
Кырдагы колыннан кулдагы куян яхшы.
Судагын тотам дигәнче, өйдәге кулдан ычкына.
Судагы качмас, өйдәге качар.
Төркстанда куй бер сум, килә-килә унбер сум.
Фәлән жирдә казан бар, барсаң бакрач та табылмас.
Читтә арбалаганнан, үз илендә дорбала.
Ягадан килгән яңалыкта яхшы.
Без юк жирдә яхшы.
Күрмәгән жирнең күле сөт, күмәче бал.
Бармаган жирдә бакыр бар, күрмәгән жирдә көмеш бар,
алмаган жирдә алтын бар.
Бармаган жирдә бакыр бар, барсаң тимер табылмас.
Фәлән жирдә алтын бар, барсаң бакыр табылмас.
Жимәс жирдә жимеш күп .
Канат алырга бардык, койрыксыз кайттык .
Агыйделнең арьягында бер энәгә бер сыер.
Диңгезнең арьягында бер энәгә бер сыер, диңгез аркылы
кичәргә йөз сум кирәк.

Бохарада бер энэгэ бер сыер, барып карасаң ни дә юк.
Идел арьягында бер инэгэ бер сыер.
Идел кичэргэ илле сум кирэк, ди.
Өстерханда сыер бер акча, килә-килә мең акча.
Өстерханда мал бер акча булса да, китерүе мең акча.
Биш чыкмый – алты керми.
Дөнья йорты килем дә китем, үлем дә жетем.
Жил кебек килгән сил кебек китәр.
Кергәндә бэрэкәт бар.
Керем бар жирдә чыгым бар.
Кереме кереп беткәнче, чыгымы чыгып китә.
Кеременә күрә чыгымың.
Керешенә карап чыгышы.
Килгәнгә сөенмә, киткәнгә көенмә.
Килгәндә жеп белән тартсаң да килә,
Киткәндә аркан белән дә тоталмассың.
Килгәндә жеп белән дә килә, киткәндә аркан белән дә
тотып булмый.
Килгән дәүләт, киткән миһнәт.
Килгәнәнә сөенмәгән киткәнәнә көенмәс.
Килемен баксаң – игез-игез, китемен баксаң – сигез-
сигез.
Килергә башласа – игез-игез, китә башласа – сигез-
сигез.
Килерәң киң булсын.
Килер жирәң киң булсын.
Килер жирен, дә, китер жирәң дә киң булсын.
Килер жирәң киң булсын, чыгар, жире тар булсын.
Килер жире киң булсын, һәммә санга тиң булсын.
Килә белгәнне китә белер.
Килә тора, китә тора, кирәгенә житә тора.
Килүенә күрә китүе!
Килүенә күрә китүе, килеренә күрә чыгымы.
Кеременә күрә чыгымы.
Китәр мал кулның керәдәй.

Китәсе мал китмичә, киләсе мал килмәс.
Китәсе малны тире тоймый.
Китәчәк китмичә, торып, киләчәге килмәс.
Кайткан малда бәрәкәт бар, тапкан малда рәхәт бар.
Кайткан малда бәрәкәт бар.
Кайда китмәгән безнең мал!
Кайткаң малда хәер бар.
Мал – кунак, кадерен белмәсәң китер жулап.
Малны шайтан бирер, алла алып калыр.
Михнәтсез чабылган мал мәшәкәтсез китәр.
Мөгезен саклыйм дин колагыннан яздырдым.
Насыйп мал иясенә кайта.
Насыйп мал тешен сындырып керер.
Тәңре узе биргәне тиген улжа.
Тотсаң каты тот, ычкындырсаң артыннан йөрмә.
Һайдан килгән һайга китәр.
Чыгасы килсә, иясе сәбәп була.
Чыгасы малга иясе башчы булыр.
Чыгасы малга иясе яучы.
Чыгасы малга иясе яу.
Чыгасы канны тир тоймас, чыгасы малны ир тоймас.
Чыгасы малны ир тыймас, чыгасы канны тире тыймас.
Чыгасы тирне тире тоймас, чыгасы малны ир тоймас,
Чыгасы чыкмый керәсе кермәс.
Чыгым чыкмый керем керми.
Чыгым чыгымчы ат кебек, бер ычкынса тоттырмый.
Болагы булмаса, үзән дә кибә .
Югалып табылган мал – улжа.
Язган мал үз аягы белән кайта.
Суны учта саклап булмый.
Утын ишектән керер, төтен моржадан чыгар.
Бака күлгә төшсә, суертыр.
Берәүнең бердәнбер тавыгы торна булып кычкырган, ди.
Каз өчен тавык жәл түгел.

Сарык йөзгә житкәнче, тиресе меңгә житәр.
Иделдә иң зур балык – кармактан төшкәне.
Төлке дә йөземгә буге житмәгәч, пешмәгән әле дип
әйтте, ди.

Мәче дә иткә буге житмәгәч, сөрсегән дигән.
Мәче буге житмәгән бавырны сасыган дигән.
Иң зур балык һәрвакыт тоткач китә.
Их, тоттырмаган балыкның ите тәмле дә соң!
Тотылмаган балык – беләк буйлыгы.
Шамбы шома, тота да кулдан шуа.
Башта эләкмәгән балыкка соңыннан үкенмә.
Балык тота алмаган – суны яманлаган.
Чебешне көз көне санылар.

Атаның акыллы баласына мал ни эшкә, Акылсызына
даны ни эшкә?

Атның күрке ял белән,
Егет күрке мал белән.
Бары тигез жәннәттә.
Дини уйдырмаларга киная
Берәүгә учлап биргән, берәүгә чеметеп тә бирмәгән.
Мал азлыкка да, акыл кимлегенә дә ишарә.

Берәүнең жир күтәрмәе малы бар, берәүнең күтәрмәс
даны бар.

Бер туганың чит тибәдер,
Дәүләт тигез булмаса,
Ана сөтен аеры имәр
Бала игез булмаса.
Ир малсыз булмас, мал булмаса, ир булмас.
Кемнең кулында – шуның авызында.
Кемнең кулында мал, шуның кулында власть.
Кемнең малы – шуның даны.

Күнел бай, тормыш сай.
Күнел бай, кесә сай.

Күпме толпар булмасын, менеп булмас ялсызны; күпме
галим булмасын, халык сөймәс малсызны.

Кан кардәшне мал кардәше аерган.
Кулың озын, кесәң сай булса, дөнья киңлегеннән ни файда?
Кул шыр булса, йөз кара булыр.
Кулыңда мал булмаса, телендә балың юкмы?
Кулың тар булса, йөзең сары булыр.
Кулың тар булса, кунычың киңлегеннән ни файда?
Куышың тар булса, дөнья киңлегеннән ни файда?
Мал барда малай да дус.
Мал булса, кая барсаң ишең ачык,
Ябык булса, кертерләр тиз-тиз ачып.
Мал булса, тегермән тарта, жайлап жибәрсәң, шәбрәк
тә тарта.
Малдан ярлы калсаң кал, акылдан ярлы калма.
Мал иясе таз торна.
Маллы белән дулашма.
Маллы белән сөйләшмә, көчле белән көрәшмә.
Маллы кеше тупланда, малсыз булсаң, туган-кардәш ят
булыр.
Малсыз дөнья сансыз.
Малсыз егетләр дә үлми, дөнья рәхәте күрми.
Малсыз егет – сансыз егет.
Малсызның бите чарык, маллының бите ярык.
Малсызның көне сансыз.
Малы азның гаме аз.
Малы барның мәшәкәте бар.
Малы барның саны бар.
Малы барның хәле бар.
Малы күпнең даны күп.
Малың барда бар да дус, малың бетсә кая дус?
Мал барында меңе дус, мал беткәчтен кая дус?
Малың барда дусларыңны куалап та жибәрә алмассың,
малың беткәч, эзләп тә таба алмассың.
Малың барда шөкер ит, малың юкта сабыр ит.
Малың булса бар кардәш, утырталар уртага, кесәләрдә
акчаң бетсә, бирми салкын шулпа да.

Малы юкның жаны юк.
Малсыз кеше жансыз кеше.
Малы юкның кадере юк.
Малың бетсә, кадерең бетә.
Малы юкның сыны юк.
Мал ярлылыгыннан акыл ярлылыгы яман.
Малсыз кеше жансыз кеше.
Малы юкның сые юк.
Алла малын шайтан кызганган.
Баш икәү булмый(ча) мал икәү булмый.
Үз малын азсынган, кеше малын күпсенгән үз малына
ия булмас.
Берәү мал жыя, берәү капчык тегә.
Дөньяда мал жыймак – олы ташны биек тауга
мендермәк.
Дөньяда һичкем калмас, малы жанына юлдаш булмас:
Дөнья малы – бер акча.
Дөнья малы – дөньяда калыр.
Дөнья малы – дунгыз каны.
Дөнья малы дунгыз каны, фани дөнья эт каны.
Дөнья малы тозлы су: эчкән саен эчәсене китерә.
Дөньяны куган – иманын жуйган.
Дөньяны куган – дөнья колы булыр.
Дөнья жыеп нишләрсең, бер көн ташлап китәрсең.
Әдәм баласының күзе туймас, мәгәр гүр туфрагы-
на туяр.
Әдәмнең күзе туймый.
Жәмегъ кылгыл, малны жыйгыл, аны яхшы саклагыл,
дошманыңа калса калсын, дуска мохтаж булмагыл!
Жыеп жиде булмас, алып алты булмас.
Жыйган малың, сөйгән ярың, язмаса ятка кала.
Зәхмәтсез мал жыймаслар.
Ике кеше туймас: берсе – мал эстәүче, икенчесе гыйлем
эстәүче.
Илдән биздергән дә мал, жиһан сиздергән дә мал.

Иясе икәү итәм дисә, алла берәү итә, ди.

Кешегә кешенәң малы (күп күренер), үзенәң акылы күп күренер.

Кешенәң күзен алтын тутырмас, бер уч туфрақ тутырыр.

Кешенәң күзен бер уч туфрақ тутырыр.

Кешенәң юлдан чыгуы – берсе малга кызыгу, икенчесе – телен сакламау.

Көчәнә масайма, малыңа ышанма!

Күз күргәннәң барын да учлый алмассың.

Күпме жыйсаң да, үзең белән теге дөнъяга алып китә алмассың.

Күпме малың булса да, монда калыр.

Мал арткан саен мәшәкәт тә артыр.

Мал белән бала – үскән саен мәшәкәт тә бәла.

Малга чукынган кеше үлгән аттан дага суырган.

Мал жыйрга дәрман юк, мал түгәргә фәрман юк.

Мал казанма, дус казан.

Егет малга житкәнче, газраил жанга житә,

Малы малга, жаны жанга үлчәмле.

Мал сөю – явызлыкның кадагы.

Мал сөймәк – явызлык кадагы.

Малы китсә бер жиргә, иманы китәр мең жиргә.

Малым киткәнче, жаным китсен!

Малым гаремә сәдака булсын, гарем жаныма сәдака булсын!

Малым гарем сәдакасы, гарем жаным сәдакасы.

Гарь өчен мал сәдака, жан өчен гарь сәдака.

Малым – жаным.

Мал өчен баш китәр.

Мал өчен баш-күз чыгар.

Мал өчен үз жанын аямаган, кеше жанын аямас.

Мин кыламын утыз, ходем кыла тугыз.

Сабак укыган сума жыйган, дөнъя куган дин жуйган.

Тар корсак арпа икмәге белән дә тук була, тар күзле әдәмгә дөнъя тулы мал да аз була.

Таңре малын шайтан кызганыр.

Тикән гөлен саклый, бал корты балын саклый, яман малын саклай, яхшы гарен саклай.

Төннең бер яртысында кеше байлыгы өчен янам, икенче яртысында үз ярлылыгым өчен янам.

Үз өендә су чүлмәге кеше өендә май чүлмәге булып күренә.

Үз утына кан койган кеше утына май коймас.

Үзе ике итәм дисә, тәңре бер итәр.

Чупайга да чүп кирәк.

Яманга мал төшсә, якынын танымас.

Яман әдәмгә мал төшсә, якының танымас.

Яман кулына мал төшсә, янына күрше кундырмас.

Яманның өсте су булса, кипмәстәй күрер, яман әдәмгә мал төшсә, китмәстәй күрер.

Яхшы гаренә кол, яман малына кол.

Аз аздырыр, күп яздырыр.

Аз булса житәр, күп булса бетәр.

Аз булса житәр, күп булса китәр.

Аз булса китәр, күп булса тияр.

Аз булсын, үз булсын.

Аз булса да үз булсын.

Аз булса да саз булсын.

Азга бәрәкәт кунган, күпкә дунгыз туйган.

Азга рази булмаганны күпкә дә рази итә алмассың.

Азга чебен кунган.

Азда бәрәкәт.

Азга шөкер итмәгән күбенә дә итмәс.

Аз да житә, күп тә бетә.

Аздан артып калыр.

Аздан күп була, күптән юк була.

Аздан күлне тудырган бай булыр.

Аз житәр, күп житмәс,

Аз күпкә тиенер.

Аз нәрсә саз булыр, күп булса чүп булыр.

Азны авырлык белән, күпне жиңеллек белән (тотасың).
Азны күпкә кушканның кимүе юк.
Азны күпкә кушканның кайгысы юк.
Азның атасы – бер.
Азның атасы бергә.
Азның кадерен белмәгән – күпнең кадерен белмәс.
Азны аяган күптән коры калган.
Азын сакламаган күбен сакламас.
Азын йотмый ярлы үләр, күбен йотмый бай үләр.
Артык әйбер – артык мәшәкать.
Арткан мал баш ярмас.
Артык мал күз чыгарыр.
Артык мал – артык чөй: баш тишмәсә, күз тишәр.
Күпкә кызыгып аздан коры калган.
Күплек кайда – туклык шунда.
Күплек кайда – юклык шунда.
Күпне көтеп аздан коры калма.
Күпне өмет иткән аздан коры калыр.
Күптә бәрәкәт бар.
Күп тә бетә, аз да житә.
Чыгымны тота белеп, канәгать һәм тыйнак яшәүгә
өндәү.
Күп тә бетә, аз да бетә, тату торганга ни житә.
Күп эзләсәң күп табарсың.
Мал күп булса, кадере юк.
Чүпләп жыйсаң, күп булыр, чүпләмәсәң, юк булыр.
Яхшы әйбер күп булмый.
Һәрнәрсәнең күбе зарар.
Аламын дигән колыннан, тартып алыр кулыннан.
Бал булса, чебене булыр, өстен ябып тотмасаң, Мал бул-
са, казасы булыр, саклый белеп тотмасаң!
Баш бетмәсә, мал бетмәс.
Баш булса – мал, аш булса, казан табылыр.
Баш сау булса, мал табыла.
Баш исән булса, мал табыла.

Башына чир тисэ, малыңа талау тия.
Башы сауның малы төгэл.
Берәүгә баш кайгы, берәүгә мал кайгы.
Берәүгә мал кайгысы, берәүгә баш кайгысы.
Дөнья малы – дунгыз каны, безгә газиз баш кыйммәт.
Жаным малымнан газиз,
Мал бетте дип уфтанма;
Мал кыйбат түгел, баш кыйбат.
Мал бәя түгел, баш бәя.
Үләсе мал егылыр жирен эзләр.
Үләсе мал сазга китәр.
Үләсе мал кое тирәсендә әйләнер.
Йә баш, йә мал!
Яман булса да, аман булсын.
Мал казасы эткә яхшы.
Ата байлығы боза, үзең тапкан төзә.
Ата байлығы жиргә сеңәр.
Ата байлығы улга йокмас,
Ана байлығы кызга йокмас.
Атадан яхшы туса, ятып ашар, яман туса, сатып ашар.
Атай малы катый.
Атай малы – Кытай малы.
Читтән кергән мал кебек кенә, үз түгел.
Атай миңа тай бирде, анай миңа май бирде.
Таен сугып үтердем, маен ашап бетердем.
Атай тапкан малның кадере юк.
Атай тапкан мал түгел, үзебез тапкан жәл түгел.
Ата малы балага йокмас.
Ата малы бала малы түгел.
Ата малы белән ул тормас, ана малы белән кыз тормас.
Ата малы мал булмас.
Ата малы тиз төкәнер.
Ата малыннан ни файда, башта дәүләт булмаса.
Атамда булганчы, бичәмдә булсын,
Бичәмдә булганчы, кесәмдә булсын.

Ата мирасы янган шәм кебек.
Аю малы бүрегә калыр.
Атаның яман улы малга уртак.
Атаңда булганчы, алкыныңда булсын.
Атасының аты бар, анасының туны бар, аңгырага ни кайгы.

Бай атадан бәхет яхшырак.
Бүрекне атай тапкан, итекне үзем тапкан!
Иясез малны бүре ашар.
Кеше малы мал түгел, ата малы жәл түгел.
Мал балада кала, акылы үзендә кала.
Мал балада калыр.
Мал балада калды, бала далада калды.
Мирастан йодрык тисә дә хакыңны ал.
Үзең тырышып тапмасаң, ата малы – бер айлык.
Үле малы үргәлап куйсаң да үргемәс.
Үле малы үрчемәс.
Хәерле мал иясен табар.
Ярканат теләгән белән төн йөрми, ата малы белән бала көн күрми. .

Яхшы балага ата малы кирәкми, яман балага мал калдыру кирәк.

Ачык ишеккә сорамый керәләр.
Ачык ишеккә ватып кермиләр.
Бакча иясенә түтәл, өй хужасына бүкән юк.
Иясез бакчага сораусыз керәләр.
Иясез малга ия күп.
Иясез тактаны ил алыр, ил алмаса, жил алыр.
Иясенә ошамаган мал хәрәм була, ди.
Каракка әйтерләр: «Урла!» – дип, хужага әйтерләр: «Авызыңны ачып торма!» – дип.

Малны таба белмәгән тота да белмәс.
Начар хужалык юк, начар хужа гына бар.
Нәрсә-карасын карамаучы (кеше) каракка ялчы.
Өрмәсә, хужа этне дә асрамый.

Син дә хужа, мин дә бай, басу капкасын кем ача?
 Тәпиенне юрганыңа карап сузасың.
 Үзе барның күзе бар, үзе юкның күзе юк.
 Үзем юкта күзем юк.
 Үз күзең үле тергезгән.
 Үз кулың дөнья тоткасы.
 Хезмәтче булмаган хужа булмас.
 Хужа килә, китеп тора, тик хужалык китек тора.
 Хужа кулындагы чүлмәк шыңрамый гына ватыла.
 Хужалыкта иске аркан өзеге дә эшкә ярый.
 Хужамның хужасы бар.
 Хужа сүзе закон.
 Хужасы хақына этен дә сыйлылар.
 Хужа юкта эт хужа.
 Этне кыйнар алдыннан кара, хужасы күренмиме?
 Яхшы мал иясен табар.
 Арткан малда бәрәкәт бар.
 Артык мал күз тишми.
 Артык мал күз чыгармас.
 Артык мал эчне чыгармас.
 Бар чагында бүр күк, юк чагында көзән күк.
 Бар чагында бүредәй, юк чагында шүредәй.
 Булганда бүредәй, булмаганда шүредәй.
 Булган эйбер тамагына сорамый.
 Жиде ел торган эйбердә бәрәкәт бар.
 Запас вактан жыела.
 Запас ипи сорамый.
 Запаслы нәрсә тиз зая булыр.
 Запас телне кисмәс.
 Малы барның сагы бар.
 Сакланганның сакалына тамар.
 Сакламасаң, алла сакласын!
 Сакламның сапламы бар.
 Сакланганның садагы тулы булыр.
 Саклап тотсаң, ун көнлек, сакламасаң, бер көнлек.

Сакның төбе сары алтын.
Сындырып атма, утка якма, көне килер – кирәк булып.
Төшлек гомерең булса, кичлек мал жый.
Үз дәүләтенче саклмасаң, ят ишеге төбен сакларсың.
Хәстәрле кеше байдан яхшырак.
Хәстәрленең ыштаны да астарлы.
Ярты көнлек гомерең булса, алты көнлек мал казган.
Мал арткан саен хисабы артыр.
Мал табылып, исәп кирәк.
Малы күпнең хисабы дөрөс.
Малы күпнең хисабы күп.
Михнәтсез тапкан мал исәпсез китәр.
Чамасыз тотсаң, май да лайга әйләнәр.
Берәү акча жыя, берәү капчык тегә.
Берәү алтын табактан нан жиер, берәү нан кайгысыннан
нан бирер.
Берәү икмәк кайгысыннан жан бирер.
Берәүгә мал кайгысы, берәүгә баш кайгысы.
Берәү жанын кая куярга белми, берәү малын кая тыгарга
белми.
Байлык-дәүләт. хәзинә, баю дәүләт иясе булу
Авыруын йәшергән үләр, байлыгын йәшергән бөләр.
Ай-һай, минем байлыгым, тәңкә чуар айгырым, кулымда
чакта кайгым юк, кулдан киткәч кайгырым.
Алтын ләгәнә булып та эченә кан коскачтын ни файда?
Авызың кара кан төкергәч, ләгәнәң алтын булганнан ни
файда?
Аракы макмыры бетә, байлык макмыры бетми.
Артык байлык – башка имгәк.
Артык дәүләт башка бәла.
Артык байлык әдәмне аздырыр.
Артык дәүләт баш ярмый.
Артык дәүләт эч тишми.
Артык дәүләт башны авырттырмый.
Артын кысқан бай булып.

Атым Дәүләт булганчы, Хөрмәт кенә булсачы!
Байыйсың килсә, мич башыңнан төш!
Баерның баерга таба.
Баерның эте үлән ашар.
Баер кешенең эте үлән ашар, кире киткәннең килене уй-
наш итәр.
Бай баеса хан булыр.
Бай булсаң, бик рәхәт, байлык яхшы, булмасаң, өмет
өзмә, саулык яхшы.
Байлыгыбыз булмаса, яхшы атыбыз булсын.
Байлык акыл тудыра.
Байлык арткан саен мәшәкәте дә артыр.
Байлыкның мәшәкәте үзе белән артыр.
Байлык, байлык төбе бурлык.
Байлык белән мактанма.
Байлыгыңа масайма.
Байлык белән торылмый, холык белән торыла.
Байлык – бер айлык.
Байлык – бер айлык, тора белсәң гомерлек.
Байлык бер айлык, керә дә бетә.
Байлык – бозга язган.
Байлык булмаса, канәгать бар.
Байлык бүген миндә, иртәгә синдә.
Байлык бүген синдә кунак, иртәгә миндә.
Байлык – дингә терәк.
Дин байлыкка терәк.
Байлык жан түгел, жиңел генә биреп булмый.
Байлык жирдә ятмый.
Байлык – кешенең күңелен ташка, күзен акка әй-
ләндерә.
Байлык кешене тудырмый, кеше байлыкны тудыра.
Байлык көнең инанма, хатыннар сүзенә алданма, йөгө-
рек атка таянма.
Байлык – күгәрчен.
Байлык күрке мал белән.

Байлык – кырау.

Байлык матур күрсәтә.

Байлык морат түгел, юклык оят түгел.

Байлыкны йәшерә алмассың.

Байлыкның чишмәсе Бохарада түгел.

Байлыкны жыйсаң мәшәкәт, югалтсаң үкенеч.

Байлыкның кадере – юмартлык белән.

Байлык тәкәллеф тудыра.

Байлык – чыпчык.

Байлык этлек белән табыла.

Байлыкка чама юк, жигәргә чана юк.

Бар дәүләтнең рәхәтен күр.

Бар чагында малыңның кадерең бел.

Берне биргәнгә алла унны бирә, ди.

Бу дәүләт мәңге тормас, бер көн бетәр, шул көндә ихтиярың кулдан китәр.

Дәүләт башка, рәхәт башка.

Дәүләт бетсә, мал булмас, яхшы белән яхшы кас булмас.

Дәүләт килер булса, гашыйк булган кыз кебек; китәр булса, кулга тоткан боз кебек.

Дәүләт күчеп йөри.

Дәүләт кошы кунса чебен башына, сәмруг килер көн дә аның каршына.

Дәүләт килде дип ташма, яу килде дип шашма.

Дәүләтленең күзе пәрдәле була.

Дәүләтленең Күзен май басар.

Дәүләтнең кадере беткәч беленер.

Дәүләтсезнең башы сынар, дәүләтленең ташы сынар.

Дәүләтнең дименнән.

Дөнья байлыгы дөньяда калыр.

Жир-су калыр, без – булмабыз.

Жир байлыгы жирдә калыр.

Әйләнә көпчәк кебек байлык вә шөһрәт, мәртәбә.

Әүвәлге байлык – тән саулык, икенче байлык – ак яулык, өченче байлык – йөз саулык.

Өүвөлгө байлык – бала, икенче байлык – белем, өченче байлык – мал.

Ике нәрсәнең кадере кулдан киткәч белемер: байлык белән саулык.

Иргә дәүләт житәрдә карга салса да каз алып, ирдән дәүләт качарда лачын салса да аз алып.

Иргә дәүләт киләсе булса, карга белән каз аулар, ирдән дәүләт киткәндә, лачын белән дә аулый алмый.

Исэн кулда байлык бар, үлдең – бетте.

Исәпле булмый бай булмый, исәр булмый ир булмый.

Исәр уй белән баер, ярлы төш белән баер.

Йәшәү өчен байлык кирәк, байлык өчен йәшәү кирәкми.

Йомычка тапкан кеше баемас.

Кем талый, шул байый.

Кече елга ташыса, кичү бирмәс кичәргә, тинтәк кеше баеса, сусын бирмәс эчәргә.

Кеше баеса безнеке була, дигән шайтан.

Кеше байлыгы белән мактанма.

Кеше гел байлык белән генә тормый, акыл белән дә тора.

Кеше байлык өчен тугел, байлык кеше өчен.

Килгән – дәүләт, киткән – миһнәт.

Килгән керемне бәхеткә сана, киткән байлыгыңны киткән миһнәткә сана.

Көн күрмәгән көн күрсә, көндөз чыра яндырыр.

Көн күрмәгән көн күрсә, күн итекне кимәм, дир.

Кайгы кайгыны, байлык байлыкны тудыра.

Каян килсә шуннан килсен, исәбебез баерга!

Сарылсызлык һәм намуссызлыкка киная.

Кулыңда барда куанычын күр.

Синәң дәүләтең – минем гаүрәтем.

Сусыз жирдә балык тормас,

Юксыз жирдә байлык тормас.

Юксыз жирдә дәүләт тормас.

Юксыз жир – ярлы жир.

Үкереп килгән дәүләт кычкырып китәр.

Хэзинэ таш астында.
Хэзинэ Шылдырлы ишанда.
Хәленнән килгән май төкерә.
Яман кеше баеса, янына күрше кундырмас.
Ярлы чагымда чын сүземә дә ышанмыйлар иде, баегач
ялган сүземне дә дәрес таптылар.
Ятыш-торыш байларча, өстә-башта юкарак.
Яхшы кеше тиз баемас.
Диңгезнең суы бик күп тә эчәргә ярамый .
Диңгезнең суы ни эчелмәс, ни кичелмәс .
Эт симез дә ашарга ярамый.
Диңгез төбөндәге энжедән тау башындагы таш артык.

Бай

Авызы кыек булса да, бай сөйләшсен.
Авызы кыек булса да, бай кызы ир сайлар.
Авызы кыек булса да, бай угылы сөйләр.
Авызы кыеш булса да, бай баласы сөйләсен
Авызы кылый булса да һәм – авызы кыйшык булса да.
Авызы кыңгыр булса да, бай кызы!
Авызы кыңгыр булса да бай кызы яхшы.
Бай кызы ир сайлар.
Ат азгыны тай була, ир азгыны бай була.
Ачлыкта бай баласы алдан үләр.
Ачның күзе ашта, байның күзе майда.
Ашамасаңда май яхшы, бирмәсәдә бай яхшы.
Ашамасаң да май яхшы, яманласаң да бай яхшы.
Бай авызы – бастак.
Бай артыннан барган бака да ботын ерган.
Бай байга багар, су сайга агар.
Бай байга карар, һыу сайга карар.
Бай байлыгын итә: ай саен хатын ала, авыл саен йорт сала.
Бай белән куйның койрык төбе симез, бар гаебен дә май
каплай.

Бай балалары әхлаксыз була.
 Бай баласы ярлы булыр.
 Күбесенчә, иркә үсеп, тормышка сәләтсез булудан.
 Бай баласы ахмак булыр.
 Бай баласы байга охшар, бәйләнмәгән тайга охшар.
 Бай баласы бака булса дә ярка.
 Бай баласының авызы кыек, сузе туры була.
 Байның авызы чалыш булса да, сүзе дәрес.
 Бай барда ызан сызма, туро барда түргә узма.
 Бай белән бай бертуган.
 Бай белән душлашма, кочле белән сутлашма.
 Бай белән күрше тору сызлаган тешкә кәнфит ашаган кебек.
 Бай белән тилегә күк муеннан, диңгез тубыктан.
 Бай бер жотлык, батыр бер уклык.
 Бай мактанса, бер жотлык, батыр мактанса, бер уклык.
 Бай – бәй.
 Бай булайым дисәң, авыл саен өй сал.
 Бай бул, тегермән сал, онны сатып ал!
 Байга закон юк.
 Байга инанма, суга таянма.
 Байга мал биргән диңгезгә су түгәр.
 Урынсыз юмартлык.
 Байга мал арты белән керә.
 Байга ни әйтсә дә, ни итсә дә килешә.
 Байга ялынганчы, ике кулыңа ялын.
 Байга яраган бай булган.
 Байдан акмаса да тама.
 Бай тирәсендә ялманып, хезмәт күрсәтеп туенучылар арасында әйтелгән.
 Байдан тау куркыр.
 Байдан тияр, балдан тамар.
 Байдан табылыр, балдан тамар.
 Байдан файда котылмас.
 Байда юләр күп булыр, байлык белеш беленмәс.

Бай дәрья, угыры кашка.

Бай – ертык киенсә дә бай.

Бай әдәмнән бәла дә курқыр.

Бай ике булса, даулары дүрт була.

Бай ишеген күп ачтым, тап йөземнең карасын,

Бай утынын күп кистем, тап кулымның ярасын.

Бай – йортның азыгы.

Бай кешегә каберең якын булмасын.

Бай кешенең әтәче дә күбыз уйный.

Бай кешенең келәтеннән каксаң-туксаң бер умачлык он чыга.

Байның бура төбен кырсаң да бер умачлык он чыга, ди.

Байның бура төбен кырсаң да бер күәслек чыгар.

Байның бурасын себерсәң, бер салмалык он чыга.

Бай көндез уттан, төнлә карактан курка.

Бай кала юлыннан кайтмас, сәүдәгәр базар юлыннан кайтмас.

Бай капкасы тимерле, өзә, йолка киемне.

Бай куаныр игезгә.

Терлек-карасы игез тапканга.

Байлар аллаһы тәгаләнең хакын таш кладовойларда бикләп асрыйлар.

Байлар байлыкның мәшәкатен күрер, рәхәтен күрмәс.

Байлар баштан сыйпамый.

Байлар күк ат жигә дип, мин дә жиктем күк бия.

Байлар кояшы жылытмый, яндыра гына.

Байларның байларча – уллары да Биби Әхмәтжан.

Байларның коймасы биек була, этләре киек була.

Байлар сәдакага йөрми.

Байлар туе яз була.

Бай мал бетә дип курыкмас, гадәтем китә дип курқыр.

Бай муены юан, жылкәсе калын.

Бай муллага сылтый, мулла аллага сылтый.

Үгез үгезгә, үгез мөгезгә.

Бай саңгырау, башлык сукур.
Байны басып ярлыны янечкән.
Байның алды тар, арты киң.
Байның алты йорты бар, бар булса да, өе тар.
Байның арты эшли.
Байның ашаганы бал да май.
Байның карыны тулы май.
Байның баеганнан байыйсы килә.
Байның бакыр казаныннан үзеңнең кара казаның
яхшырак.
Байның башын бөгү кыен.
Байның бер юклыгы, ачның бер туклыгы бар.
Байның биек баскычы, менә алмыйдыр ач кеше.
Байның төкереге дә май.
Байның даны акыл күплеге белән түгел, алтын күплеге
белән.
Байның этәче дә күкәй сала.
Байның әпәен, еланның тәпәен күрмәссең.
Байның ишегеннән дә керә, тишегеннән дә керә.
Байга тиешле жирдән дә, тиешсез жирдән дә байлык
өстәлә.
Байның ишегеннән кәргәч баш ор.
Байның ишеге туң тимер, аны эретергә көч кирәк.
Байлык аздыра, ярлылык туздыра.
Байлык – айлык, ярлылык – еллык.
Байлык белән акыл теләсә ни гаепне каплай, ярлылык
'белән наданлык аны ачып ташлай.
Байлык белән дан ятларны да үз итә, ярлылык белән дан-
сызлык үзләрне дә ят итә.
Байлык белән ярлылык – икесе ике ат, кайсына атлансам
да курыкмыйм.
Байлык – бер айлык, фәкыйрьлек – мәңгелек.
Байлык – бер айлык, ярлылык – тота белсән, мәңгелек.
Байлык – бер айлык, ярлылык – саклап тотсаң, мәң-
гелек.

Байлык зур, олтан каты.
Байлык куэтле, фәкыйрьлек белән генә беленми.
Байлык морат түгел, ярлылык оят түгел,
Байлык морат түгел, гидайлык оят түгел.
Байлык ни дидермәс? Юклык ни жидермәс?
Баймын дип мактанма, ярлылык бар.
Байның бер юклыгы, ачның бер туклыгы бар.
Байга бирәчәгең, ярлыдан алачагың булмасын.
Байга бөлмәк әжәл, фәкыйрьгә үлмәк әжәл.
Байга инанма, суга таянма.
Байга кERGәнче пайга кер.
Байга көн дә бәйрәм, ярлының гомере хәйран.
Байга мал ардаклы, ярлыга бала ардаклы.
Байга мал аргы белән керә.
Байга мал бирү – диңгезгә су түгү.
Байга сыенма.
Байга сәлам әйт, ярлыга үзем барырмын.
Байга ут кирәк булса, ярлының кулын соскы итәр.
Байга файда, ярлыга – кайда?
Байга хажәтеңне әйтмә.
Байга ялынам дип, ярлының йөз сумлык хакы чыккан.
Байга ялынганчы ике кулыңа ялын.
Байга ярлы дус түгел.
Байгыш туйганчы бер ашаса да баедем дияр.
Байда күрсә: «Хакы күпме?», ярлыда күрсә: «Кем-
неке?»
Байда тиле күп була, байлык белән беленми.
Байдан акмаса да тама.
Байдан бия, ярлыдан – кәжә.
Байдан май тамса, ярлыдан тоз тамар.
Байдан тау куркыр, ярлыдан куян да курыкмас.
Байдан тияр, балдан тамар.
Байдан хакымны алам дип, ярлы актык кәжәсеннән яз-
ган, ди.
Байлар ачны тук санар.

Байлар байда, ике кулы майда, ярлыларга май кайда, кул ярыгына сөртсә дә файда.

Байлар бал эчкәндә ярлы су эчкән.

Байлар кояшы жылытмый, яндыра гына.

Байлар кыек сөйләсә дә туры күренер, ярлы туры сөйләсә дә кыек күренер.

Байлар туе яз була.

Байларга көн дә бәйрәм, көн дә туй, ярлыга көн дә хәсрәт, көн дә уй.

Байларның коймасы биек була.

Байлыгын яшергән бөләр, авыруын яшергән үләр.

Байлык аздыра, ярлылык туздыра.

Байлык аерса, фәкыйрьлек кушар.

Байлык акыл тудыра.

Байлык батырайта, ярлылык кәкрәйтә.

Байлык белән акыл теләсә ни гаепне каплый, ярлылык белән наданлык аны ачып ташлый.

Байлык – бер айлык, ярлылык, «тота белсәң», – мәңгелек.

Байлык, бушлык, ялгызлык кешене аздыра, юлдан яздыра, тормышын туздыра.

Байлык бүген синдә кунак, иртәгә – миндә.

Байлык зурлык түгел, юклык хурлык түгел.

Байлык кадерен бөлгәндә, жанның кадерен үлгәндә белерсең.

Байлык кешенең күңелен ташка, күзен акка әйләндерә.

Байлык морат түгел, ярлылык оят түгел.

Байлык ни дидермәс, ачлык ни жидермәс.

Байлык хәзинә жыюда түгел, булганны белеп тотуда.

Байлык яраштыра, ярлылык талаштыра.

Байлыкны жыйсаң мәшәкәт, югалтсаң үкенеч.

Байлыкның кадере беткәч беленер.

Баймын диеп мактанма, ярлылык бар.

Байны басып, ярлыны чәнечкән.

Байны мал басар, ярлыны бала басар.

- Байны яманларсың, байга барырсың.
Байны ярлы күтәрә.
Байныкы – базарлык, ярлыныкы – казанлык.
Байныкы – куенында, ярлыныкы – күңелендә.
Байның, авызы кыек булса да, сүзе туры.
Байның алачагы күп, ярлының бирәчәге күп.
Байның алды тар, арты киң.
Байның алты йорты бар, бар булса да өе тар.
Байның арбасы таудан тауга ашырыр, ярлының арбасы тигез жирдә шашырыр.
Байның ашы бал, ярлының ашы ут.
Байның ашын байгыш кызганган.
Байның баеганнан байыйсы килә.
Байның бакыр казаныннан үзеңнең чуен казаның яхшырак.
Байның бар малы ятар, ярлының барнагылы йөгерер.
Байның бармагы үзенә кәкре.
Байның башын бөгү кыен.
Байның бер юклыгы булыр, ачның бер туклыгы булыр.
Байның биек баскычы, менә алмыйдыр ач кеше.
Байның бите туңганчы, ярлының «ите» туңган, ди.
Байның бозавы, ярлының баласы кадерле.
Байның бура төбендә дә бер икмәклек он була.
Байның даны акыл күплеге белән түгел, алтын күплеге белән.
Байның егылганы – ярлының атка менгәне.
Байның ишегеннән дә керә, тишегеннән дә керә.
Байның ишек алдын саклаучы этләр үзеннән усалрак була.
Байның килеме булганчы, ярлы кызы булсамчы.
Байның колы булганчы, ярлының улы бул.
Байның кулы сынса жиң эчендә.
Байның кулы уйный, ярлының күзе уйный.
Байның кызы бай кебек, өйрәнмәгән тай кебек, ярлы кызы, жан кисәгем, йомарлаган май кебек.

Байның көне ярлы белән.
Байның күңеле малда.
Байның малы иркә, ярлының улы иркә.
Байның малы йөрсә, ярлының жаны йөри.
Байның малы фәкыйрьнең каны.
Байның малын аяма.
Байның малын биргән, юкның көнен биргән.
Байның малын саный-саный ярлының шәме янып
беткән.

Байның мең сарыгы арасында ярлының бер ятим бәрә-
нен бүре алган.

Байның меңен күрмәсләр, ярлының берен күрерләр.
Байның моржасы кыек булса да, төтене туры.
Байның мәчесе дә куян тота.
Байның пычагы майда йөзә.
Байның сыен бай күрер, ярлы хәлен ярлы белер.
Байның таныгы да юрга.
Байның туге булса, ярлының туны тузар.
Байның тәмле ашы фәкыйрьнең канлы яше.
Байның түрөндә, ярлының гүрөндә.
Байның түшәге баг мамык, ярлыныкы – кырмавык.
Байның чышмәсеннән су эчмә.
Байның эче тәпәндәй, жылкәсе тумардай.
Байның эше фәрман белән, юкның эше дәрман белән.
Байның эше, ярлының көче.
Байның «юкмын» дигәнәнә, ярлының «тукмын» дигә-
ненә ышанма.

Байның ялганы да дөрөс.
Бәгъзеләре фәкыйрьлектән миһнәт күрә, бәгъзеләре
миһнәт күрә жыйган малдан.

Гидай булыр хисапсыз миллионы булса, да,
Ходай бирми кем баер, калтасы көн дә тулса да.
Гидай туйса, киң кияр.

Дәүләт килгәндә жеп белән тартсаң да килә, киткәндә
аркан белән тотып булмый.

Дәүләткә кызыкма, ярлылыкка боекма.

Дөнья байлыгы дөньяда калыр.

Кадерен белмәгән байлыктан кадерен белгән ярлылык
яхшы.

Фәкыйрьлек зиннәте – сабыр, байлык зиннәте – шөкер.

Барлы – барлы белән, ярлы – ярлы белән.

Бары тигез бай да юк.

Барын биргән байга сан.

Бер байның йортында ике тычкан талашыр.

Бер бөлгән ике бөлмәс.

Бер ярлы кеше әйткән: «Бу ни гажәп, бай кесәсенә акча
жырлап керә, минем кесәгә елап керә дә, шундук дулап
чыга», – дигән, ди.

Берен жими ярлы үләр, менен жими бай үләр.

Берәү баеса, унау бөлә.

Берәү мал жыя, берәү капчык тегә.

Берәү этләнмичә берәү мал тапмый.

Берәүгә- мал кайгы, берәүгә – баш кайгы.

Берәүнең бөлүе икенченең көлүе.

Бетмәгән малдан өмет, чыкмаган жаннан өмет.

Бирмәсә дә бай яхшы, жимәсәң дә май яхшы.

Болытның кадере юк ай катында, фәкыйрьнең кадере юк
бай катында.

Бохарада малы барның карыны тук.

Бушлай килгән мал булмас.

Бушлай килгән мал бушлай китә.

Бөлә башлаган байның эте дә чыгып кача.

Гидай атка менсә: «Кайдан мендең?», бай атка менсә:
«Котлы булсын!».

Гидай туйса, киң кияр.

Гидай ырым итәр, ырымы кырын китәр.

Дәүләт кадере беткәч беленер.

Дәүләт – күгәрчен.

Дәүләт килгәндә жеп белән тартсаң да килә, киткәндә
аркан белән дә тотып булмый.

Дәүләткә кызыкма, ярлылыкка боекма.

Дөнья байлыгы дөньяда калыр.

Дөнья малы анса

Илдә бәйрәм: байда – мәйдан, ярлыда – әйрән.

Илдән биздергән дә мал, жиһан гиздергән дә мал.

Иске бай кызганчак булса, яңа бай мактанчык була.

Иске байдан йорт калмас, яңа байдан чүп калмас.

Иске байның бөлгәне, яңа байның көлгәне.

Исрафчан бай ярлы булыр.

Ишле байгыш байны басар.

Иясез мал – йөгәнсез ат.

Кадерен белмәгән байлыктан кадерен белгән ярлылык артык.

Казгансаң мал табыла, йөрәккә кан савыла.

Кайткан малда бәрәкәт бар.

Камчы белән бай, үлем белән ходай.

Кар башын кар ашый, ярлы башын бай ашый.

Каршыда бай булса, языгы ярлыга.

Кесәгә хәрәкәт, малга бәрәкәт.

Кесәндә малың булмаса, теләндә балың булсын.

Кеше байлык өчен түгел, байлык кеше өчен.

Кеше малы белән мактанма.

Кешенең юлдан чыгуы: берсе – малга кызыгу, икенчесе – теленә салыну.

Кинәт баеган кешегә күрше йорты кетәк булып күренә, ди.

Китәсе мал китмичә, киләсе мал килмәс.

Китәсе малның киртәсе шә.

Киңчелек булмый тиңчелек булмый.

Көн күрмәгән көн күрсә, көндез чыра яндырыр; мал тапмаган мал тапса, кешене күзгә алмам, дир.

Көчәңә бийәнмә, байлыгыңа куанма.

Күләгәсе юк таудан биз, файдасы юк байдан биз.

Мал – бавыр ите.

Мал белән бала – дөнья зиннәте.

- Мал белән товар иясен табар.
Мал бетерү – бет үтерү, мал табу – борча тоту.
Мал бирмәк – жан бирмәк.
Мал бөртекләп жыела.
Мал гарипкә тансык.
Мал иясе – таз торна.
Мал – кырау, баш – катау.
Мал малга житкәнче газраил жанга житәр.
Мал табылмый ял табылмас.
Мал тапкан мал таныр.
Мал тапканны мактама, тота белгәнне макта.
Мал өчен үз жанын аямаган – кеше жанын аямас.
Мал – үтеп барышлый ял итәргә туктаган юлчы.
Мал жыярга – йөз ел, таратырга – ярты көн.
Маллы белән даулашма.
Маллының малына каза, малсызның – башына.
Малны бетерергә тәүфыйк кирәкми.
Малны күпме жыйсаң да, үзең белән теге дөньяга алып
китә алмассың.
Малны мал таба.
Малны таба белмәгән тота да белмәс.
Малны табуы бер кыен, тота белү – ике кыен.
Малны тапкан баксын, утынны чапкан яксын.
Малны тота бел, ашны йота бел.
Малны шайтан бирер, алла алып калыр.
Малсыз булганчы жансыз бул.
Малсыз кеше канатсыз лачын шикелле.
Малы азың гаме аз.
Малы барның жаны бар, малы юкның жаны юк.
Малы бернең жаны бер.
Малы беткән кешенең эте өрүчән, аты йөрөмчән
була.
Малы күпнең хисабы күп.
Малы юкның вафасы юк.
Малының рәхәтен күрә белмәгән бай көн дә ярлы.

Малың булса, утыртырлар уртага, малың булмаса, каптырмыйлар шурпа да.

Малың булса – хәлең булыр, хәлең булса – малың булыр.

Михнәтсез тапкан мал исәпсез китәр.

Насып мал иясенә кайта.

Сорама байдан, сора шәфкатьледән.

Табылдык малга ия күп.

Табылмаган мал тау чаклы.

Тапканыңа куанма, жуйганыңа елама.

Тапмаган малга ышанып, кулдагын бетерү ахмаклык.

Тау билгесе таш белән, бай билгесе аш белән.

Түләүсез малның кадере булмый.

Уртақ малны эт жыймас.

Файдасы юк байдан киң күңелле ярлы артык.

Фәкыйрьлек гаеп түгел, ялкаулык гаеп.

Фәкыйрьнең дустаны кояш.

Фәкыйрьнең күңеле тулы, кесәсе буш.

Хатын белән хатын талашса, яшьлеге белән картлыгын әйтер; бай белән ярлы талашса, барлыгы белән юклығын әйтер.

Хисаплы мал жуелмас.

Хисаплының малы исәпле.

Хәләл мал кире кайта.

Хәрәм малның хәере юк.

Чыгасы мал чыкмыйча, керәсе мал керми.

Чыгасы малга иясе яучы.

Эшлэгән корт бал табар, эшлэгән кеше мал табар.

Юк кешенең акчасын усал товар бетерер.

Ярлы, ярлылык

Яр жимерелсә жәен үләр, яла ябылса ярлы үләр.

Ярлы ат менсә: «Кем аты?», тун кисә: «Кем киеме?» – диярләр.

Ярлы баеганчы бер гомер, бай бөлгәнче бер гомер.

Ярлы баеса, каты басар.

Ярлы – башы белән, бай кесәсе белән уйлый.

Ярлы башын тырнап елаганда, бай корсагын сыйпап
жырлар.

Ярлы беләгенә ышаныр.

Ярлы белән барлы бер жиргә сыешмый.

Ярлы булсаң давай, бай булсаң давай.

Ярлы булсаң да гарьле бул.

Ярлы булсаң, туецны гаеттә яса.

Ярлы булсаң, турылыгың – байлык.

Ярлы булыр кешегә казалы мал тап булыр.

Ярлы булырга акча кирәкми.

Ярлы кесәсендәге бер тиен «байга китәм!» дип, бат
күтәргән,

Ярлы кесәсенә кергән акча шешәгә кергән чебен кебек
дулый.

Ярлы кеше акчасын яман товар бетерер.

Ярлы кеше белән кода булганчы, бай кеше белән ба-
рымталы бул.

Ярлы кеше – зарлы кеше.

Ярлы кеше, кулына ярым акча керсә, ярдан сикерә.

Ярлы кеше – чирле кеше.

Ярлы кеше акчасы торна булып кычкыра.

Ярлы кеше – ябага ат: кеше күзенә ямьсез күренер.

Ярлы кеше ямана да куана, бай кеше байлыгына
таяна.

Ярлы кеше – ярык чүлмәк.

Ярлы кешегә юлга чыгу билбавын бәйләү генә.

Ярлы кешенең ашы булса, салырга савыты булмый.

Ярлы кешенең итәгенә салсаң бодае чәчелә.

Ярлы кешенең тамагы да янчыгы.

Ярлы киеме бер булыр, бер булса да мул булыр.

Ярлы көне – ялыныч.

Ярлы малы ярдан очар.

Ярлы тавык ашаса – яки тавык хэстэ булган, яки үзе хэстэ булган булыр.

Ярлы тапканда, бай сагынганда.

Ярлы уйга бай булыр.

Ярлы хэлен бай белмэс, чирле хэлен сау белмэс.

Ярлы юеш күлмэген өстендэ киптерэ.

Ярлы ямаган да куанган, бай ясанган да бизэнгэн.

Ярлы ярма тапкан, кая куйса шунда аккан.

Ярлы үлгэндэ мулла гел авыру була.

Ярлыга арыш икмэге дэ шикэр.

Ярлыга пылау да аш.

Ярлыга унда да яр, сулда да яр.

Ярлыга ялынма, байга сыенма.

Ярлыда: «Такта чэем, якты чыраем», байда: «Бөртек чэем, төртеп эчерэем».

Ярлылык, оят булмаса да, – бэхет түгел.

Ярлылык, сине кайтаен, жандай дуска ят иттең; карыйлык, сине кайтаен, эйтер сүзгэ мат иттең.

Ярлылык яман китерэ, азгынлык иман бетерэ.

Ярлылыкны ямау белэн генэ каплый алмассың.

Ярлылыкның азы да күп.

Ярлылыктан яхшы нэрсэ юк, ятып ашар аш булса.

Яр – биредэ: чокыр.

Ярлылыктан эче жимеш юк.

Ярлының, аты булса, печэне булмый, печэне булса, аты булмый.

Ярлының байга ялынам дип йөз сумлык хаки чыкты.

Ярлының бэйрэме яна күлмэк кигэндэ.

Ярлының дэрманы юк, байның вөжданы юк.

Ярлының кара бодаен күсе ашагач, ышанмаганнар, байның сука тимерен ашаганга ышанганнар.

Ярлының кесэсенэ акча ыңгырашып керэ, жырлашып чыга, ди.

Ярлының кэжэсе ялгыз бэти китерер.

Ярлының уты якты янар.

Ярлының утыны юк икәнән кар каян белсен.
Ярлының ярты калачы булса, ятып йокысы килмәс.
Ярлының ястыгы жир, юрганы болыт.
Ятимгә ярты кашык, ярлыга ярык кашык.
Өч көн яшәсән дә мал кирәк.
Үз малыңны азсынма, кеше малын күпсенмә.
Үзең тапмаган малның кадере булмас.
Үзең тырышып тапмасаң, ата малы – бер айлык.
Үкерең килгән дәүләт кычкырып китәр.
Үлгән дә үлгән, бөлгән дә үлгән.
Үлегә дә мал кирәк, терегә дә мал кирәк.
Жан карендәш булса да, мал карендәш түгел.
Жан көче белән тапкан мал жаннан газиз.
Һәлак булайым дисәң, я мал жыйна, я надан кал.
Һәр кешедән берәр жеп – фәкыйрьгә күлмәк була.
Ашау-эчү байларча, өстә киём юкарак.
Бай баесыңга түгел, кояш баесыңга.
Бай-бай итсен, байлар итсен, көтү көтсен, йон
тетсен.
Бай бул, тегермән сал, онны сатып ал.
Бай булсын, абзары тулы тай булсын, ул тайларны си-
мертсен, абзарларын жимертсен.
Бай булып күргәнем юк, ярлы булып үлгәнем юк.
Бай узганда бүрек салган, ярлы узганда көлеп калган.
Байлыгыбыз бик көчле: бер көянтә, бер шөшле.
Байлык зур, олтан каты.
Байлык куәтле, фәкыйрьлек белән генә беленми.
Байлыкка чама юк, жигәргә чана юк.
Без бөлгәннән кем көлгән.
Безгә куркыныч түгел: бөләсе юк, байыйсы гына бар.
Бездә Эндри казнасы юк.
Болай да ярлы, өстеңә кабырганы сындырдым.
Быел итек бастырдым, ул да булды тездән үк, без бай
дип мактанмыймын, икмәк бетте көздән үк.
Кыш ач, жәй ялангач.

Ни тапты – шуны капты.
Шайтан ярлы, без бай.
Я дәүләт башка, я козгын кашка.
Ярлы башым – гарьле башым.
Ярлылыкның солын алдык – байдан артык торабыз.
Ятыш-торыш байларча, өстә-башта юкарак.
Әтрәк-әләм, чүп салам.
Үзе ярлы, йөзе якты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЭС – Большой энциклопедический словарь
НСИСВ – Новейший словарь иностранных слов и выражений
ГЗ – грамматическое значение
ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге
БК – Безнең көннәр
КЧ – Кызыл чәчәкләр
Алм – Алмачуар
ТТ – Тирән тамырлар
ЯК – Яңа кешеләр

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Теоретические аспекты исследования	14
1.1. Моделирование лингвокультурологического понятийного аппарата	14
1.2. Концептуализация и категоризация действительности как лингвокультурологическая проблема современной лингвистики	32
1.3. Концептуализация и категоризация знания как лингвокультурологическая проблема	35
1.4. Концепт как проблема лингвокультурологии	40
1.5. Лингвокультурологическая модель концепта	47
1.6. Культурная маркированность значений языковых единиц	50
2. Лексические и грамматические средства вербализации концепта акча (деньги) в татарском языке	71
2.1. Ключевое слово культурного концепта <i>акча</i> (деньги)	71
2.2. Семантико-этимологический анализ многозначного слова <i>акча</i> (деньги)	72
2.3. Вербализация процессов осмысления денег синонимическими рядами и антонимическими оппозициями	83
2.4. Словообразовательная деривация как способ концептуализации денег	96
2.5. Вербализация процессов осмысления денег синтагматической значимостью слова	108
3. Лингвокультурологический аспект паремий татарского языка, связанных с материально-денежными отношениями	124
3.1. Паремии как средство вербализации лингвокультурного концепта	124
3.2. Пословицы и поговорки с компонентом <i>акча</i>	130

3.3. Пословицы и поговорки с компонентами <i>тиен, тәңкә, сум</i>	139
3.4. Пословицы и поговорки с компонентом <i>алтын</i>	143
3.5. Пословицы и поговорки с компонентом <i>мал</i>	145
3.6. Пословицы и поговорки с компонентом <i>байлык</i>	154
Заключение	158
Библиография	163
Приложение	182
Список сокращений	244

Научное издание

**Сагдеева Фаузия Кабировна
Гайнанова Диляра Рамилевна**

**ТАТАРСКИЙ КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Редактор *А.А. Мартьянова*
Компьютерная верстка *Л.Ш. Давлетишиной*
Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать 20.10.2017 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд.л. 9,3. Тираж 200. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

ООО "ТКС Контакт"
420021, Казань, ул. Г. Тукая, 91

ДЛЯ ЗАМЕТОК
